

ЖУРНАЛ «ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 2, № 2 • 2018

Выходит ежеквартально

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабури – главный научный сотрудник ИСПИ РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

И.А. Исачев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик МСА (г. Москва, Россия)

А.И. Казанник – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – заведующий кафедрой конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

М.В. Сенцова (Карасева) – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы России (г. Воронеж, Россия)

В.Л. Слесарев – заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Л.А. Терехова – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф. (г. Омск, Россия)

Т.Ф. Яцук – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – профессор кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – заместитель начальника Омской академии МВД России по научной работе, д-р юрид. наук, проф. (г. Омск, Россия)

Ю.В. Голик – заведующий кафедрой правовых средств борьбы с преступностью Европейского университета права JUSTO, д-р юрид. наук, проф., академик МСА (г. Москва, Россия)

В.Б. Исаков – заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – профессор кафедры конституционного права юридического факультета имени М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмеянова – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, директор института государственного и международного права, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шургина – директор Центра поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфилова – заведующая кафедрой финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф. (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – директор по учебной работе Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, д-р юрид. наук (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Евгений Ружковский – заведующий кафедрой финансового права и публичных финансов Университета в Белостоке, д-р юрид. наук, проф. (г. Белосток, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, проф. (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сянвэнь – профессор Юридического института Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – ассоциированный профессор кафедры международного права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заместитель заведующего лабораторией экономического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции, издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, 55-А. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66644 от 27 июля 2016 года.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции. Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 13.08.2018. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 199. Тираж 60 экз. Свободная цена.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 2, no. 2 • 2018

Quarterly

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Dostoevsky Omsk State University"

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – chief researcher, Institute of Socio-Political Research RAS, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of State and Administrative Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, academician, ISA (Moscow, Russia)

Alexey I. Kazannik – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Head, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured worker of higher school of Russia (Voronezh, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Civil Law Department, Kutafin Moscow State University of Law (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Tatiana F. Yashchuk – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yury V. Golik – Head, Department of Legal Means of Fight Against Crime, the European University of law JUSTO, Doctor of Law, Professor, academician, ISA (Moscow, Russia)

Vladimir B. Isakov – Head, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician, MAS IPT (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Professor, Department of Constitutional Law, Law Faculty of M.M. Speranskiy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director, Institute of Public and International Law, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Director, Center for the Support and Maintenance of Local Self-Government Bodies, Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Deputy chief for scientific work, Omsk Academy of the MIA of Russia, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Associate Professor, Department of International Law, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hunian – Deputy head, laboratory of economic law, Law Institute of the Academy of Social Sciences of China, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Head, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowski – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Director for Academic Affairs, School of Criminal Justice, Michigan State University, Doctor of Law, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Eugeniusz Ruśkowski – Head, Department of Financial Law and Public Finance, University of Białystok, Doctor of Law, Professor (Białystok, Poland)

Liu San Wang – Professor, Law Institute, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of economic law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigory A. Vasilevich – Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board, publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-66644 of July 27, 2016.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view. Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: August 13, 2018. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 199. Circulation of 60 copies. Free price.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 2, № 2 • 2018

Выходит ежеквартально

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ящук Т.Ф. О Михаиле Семеновиче Гринберге	6
<u>Гринберг М.С.</u> Суть и способы принуждения в категориях физики (уголовно-правовой аспект).....	10
Третьяк И.А. «Уголовное право потерпевшего» как модель уголовного права.....	14

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Пономарева К.А. Судебный прецедент как источник налогового права	20
Иванов С.В. Конституционно-правовая ответственность за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности России	25

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Бавсун М.В., Белецкий И.А. Злоупотребление уголовно-правовыми нормами в ходе реализации ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг.....	40
Библик О.Н. Обоснованный риск с позиции теории рационального выбора	48
Борков В.Н. Применение уголовного закона при посягательствах на контрактную систему и государственный оборонный заказ	56
Забуга Е.Е. Спорные вопросы квалификации должностных преступлений	64

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

Клеймёнов М.П., Клеймёнов И.М., Пустовит Р.В. Практика назначения наказания за коррупционные преступления	70
Непомнящая Т.В. Проблемы назначения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы	80
Степашин В.М. Проблема обязательности замены наказания более строгим	90
Боярская А.В. Воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы объекта и объективной стороны	97
Седельцев М.В. О понятии и принципах разработки программ предупреждения преступности	106

О ЛИЧНОМ

Невзгодина Е.Л. Памяти Учителя. Друга. Любимого	114
Правила для авторов	116

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Yashchuk T.F.</i> About Mikhail S. Greenberg	6
<i>Greenberg M.S.</i> The essence and methods of coercion in the categories of physics (criminal-legal issues)	10
<i>Tretyak I.A.</i> The “criminal law of victim” as a criminal law model.....	14

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

<i>Ponomareva K.A.</i> Judicial precedent as a source of tax law	20
<i>Ivanov S.V.</i> Constitutional legal responsibility for crimes against state unity and territorial integrity of Russia	25

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

<i>Bavsun M.V., Beletskiy I.A.</i> Abuse of criminal legal norms during the realization of responsibility for violation the safety rules in the production of works and rendering of services.....	40
<i>Bibik O.N.</i> Reasonable risk from the perspective of rational choice theory	48
<i>Borkov V.N.</i> Application of the criminal law in contracting system and state defense order violations	56
<i>Zabuga E.E.</i> Controversial issues of subsumption of malfeasance	64

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Kleymentov M.P., Kleymentov I.M., Pustovit R.V.</i> Practice of punishment for corruption crimes.....	70
<i>Nepomnyashchaya T.V.</i> Problems of imposition of criminal punishment alternative to imprisonment.....	80
<i>Stepashin V.M.</i> The problem of mandatory replacement of punishment to more severe one	90
<i>Boyerskaya A.V.</i> The obstruction of the administration of justice and preliminary investigation: problems of the object and the objective side.....	97
<i>Sedeltsev M.V.</i> Concept and principles of crime prevention programs development	106

PERSONALITIES

<i>Nevzgodina E.L.</i> In memory of the Teacher. Friend. Beloved	114
Information for contributors	116

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ГРИНБЕРГ
(1925–2018)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 343.2

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).6-9

О МИХАИЛЕ СЕМЕНОВИЧЕ ГРИНБЕРГЕ

Т.Ф. Ящук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Вступительная статья номера – некролог – посвящена выдающемуся советскому и российскому правоведам – профессору Михаилу Семеновичу Гринбергу. Автор останавливается на основных вехах научной биографии М.С. Гринберга: начиная с учебы в Ленинградском государственном университете и заканчивая присвоением звания Заслуженного юриста Российской Федерации во время работы в Омском государственном университете, – освещает основные положения его научных трудов, характеризует личные качества М.С. Гринберга.

Ключевые слова

Гринберг, производственный риск, обоснованный риск, технические преступления, Омский государственный университет, Ленинградский государственный университет

ABOUT MIKHAIL S. GREENBERG

Tatiana F. Yashchuk

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 10

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The introductory article of the issue – the obituary – is devoted to the outstanding Soviet and Russian lawyer – professor Mikhail S. Greenberg. The author dwells on the main milestones of M.S. Greenberg's scientific biography: from studying at Leningrad State University to conferring the title "Honoured Lawyer of the Russian Federation" during his work in Omsk State University, highlights the main provisions of his scientific works, characterizes the personal qualities of M.S. Greenberg.

Keywords

Greenberg, production risk, reasonable risk, technical crimes, Omsk State University, Leningrad State University

1. Введение

25 января 2018 г. ушел из жизни видный российский ученый, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Михаил Семенович Гринберг, многолетний заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Родившись в Ленинграде, который и после революции оставался подлинным культурным центром страны, он впитал и сохранил лучшие черты

российского интеллигента: высокую образованность, научную добросовестность, исключительную порядочность, тактичность и скромность.

2. Военные годы

Поколению, к которому принадлежал Михаил Семенович, выпали суровые испытания. Его молодость пришлось на годы Великой Отечественной войны. 18-летним юношей, как и многие сверстники, он ушел на фронт. Воевать пришлось на разных направлениях (Северо-Западном, Прибалтийском, Ленинградском, Дальневосточном фронтах), защи-

щать родной Ленинград, освобождать от японских захватчиков Дальний Восток. Именно здесь, на дальневосточных рубежах страны, и закончилась для молодого лейтенанта война. Как свидетельство военной молодости осталось ранение, а как признание воинских заслуг и мужества – боевые награды, в числе которых Орден Великой Отечественной войны I степени, медаль «За отвагу».

3. Учеба

После Победы – возвращение в Ленинград и поступление на юридический факультет Ленинградского университета. Война определила состав студентов: наряду со вчерашними школьниками университетские аудитории заполнили недавно мобилизованные из армии фронтовики. Послевоенные годы представляли уникальный период в истории этого одного из старейших отечественных высших учебных заведений. Позади оставались блокада, поспешная эвакуация из осажденного города, когда многие преподаватели и студенты уходили пешком по льду Ладожского озера. Но именно в годы войны в стенах университета был восстановлен юридический факультет, выведенный из состава вуза реформаторами советского образования в начале 1930-х гг. Деканом факультета, куда поступил М.С. Гринберг, был известнейший советский ученый-цивилист А.В. Венедиктов. Хотя в это время на факультете работала целая плеяда выдающихся теоретиков, государствоведов, интересы студента Гринберга складывались в ином направлении. Учителем, научным наставником для него стал профессор М.Д. Шаргородский, воплощавший в себе лучшие качества ученого, достойного продолжателя традиций петербургской юридической школы. М.С. Гринберг вспоминал, что М.Д. Шаргородский отличался безграничной эрудицией, владел несколькими иностранными языками, прекрасно читал лекции. Сила воздействия и обаяние такой незаурядной личности сыграли не последнюю роль в определении научных предпочтений М.С. Гринберга. Уголовное право было окружено в представлении начинающего исследователя ореолом романтики, привлекало своей конфликтностью. Михаил Семенович говорил, что хотелось самому участвовать в искоренении преступности, пусть даже понимая невозможность окончательного достижения этой цели.

4. Начало научной деятельности

После успешного окончания университета в течение 10 лет он работал адвокатом в Мурманской области, и в своей практике встречался со многими необычными делами, при рассмотрении которых не находилось привычных и стандартных решений.

Однажды Михаилу Семеновичу довелось защищать машиниста тепловоза, который допустил производственный риск. Хотя понятие производственно-хозяйственного риска было введено в советское законодательство еще в 1929 г., в уголовном законе отсутствовали нормы, допускающие правомерный риск и рассматривающие обоснованный риск в качестве условия, устраняющего уголовную ответственность¹. Судебная практика, в том числе и отражаемая в постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР, носила противоречивый характер. Сложности не остановили молодого адвоката. Напротив, он не ограничился формальным отношением к делу, а глубоко осознал всю важность и актуальность проблемы, особенно в условиях стремительно развивающегося научного прогресса, и приступил к ее серьезной разработке.

Смелый, новаторский подход первоначально не получил поддержки даже у известных специалистов уголовного права. М.Д. Шаргородский предупреждал своего ученика, что при всей привлекательности темы, защищать диссертацию будет очень сложно. Его опасения оказались не напрасны. Вынесенные на защиту положения подверглись жестокой критике, и на заседании объединенного совета диссертацию, как вспоминал Михаил Семенович, провалили. Затем успешная защита состоялась, но новизна исследовательского подхода, выдвинутые предложения по совершенствованию уголовного законодательства были восприняты научной общественностью очень осторожно, и почти два года диссертанту не присваивали степень кандидата юридических наук. Правоту положений М.С. Гринберга подтвердила сама жизнь. Выпущенная в 1963 г. книга «Проблема производственного риска в уголовном праве» вызвала большой интерес и, несмотря на значительный для того времени тираж (10 тыс. экземпляров), быстро стала библиографической редкостью.

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателю» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Развитие научной карьеры

С течением времени тема не просто не утратила актуальности, ее востребованность только возрастала. В 1976 г. М.С. Гринберг защитил докторскую диссертацию «Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники». По этой проблеме было опубликовано две монографии, несколько научных статей в журналах «Советское государство и право» и «Правоведение».

Сформулированное им понятие «обоснованный риск» в полной мере отражено в российском законодательстве. Оно включено в ст. 41 УК РФ², используется в уголовных законах стран ближнего и дальнего зарубежья. Конструкции «соучастие в неосторожном преступлении», «техническое преступление» прочно вошли и в уголовное законодательство, и в уголовно-правую доктрину.

Будучи совершенно далекой от исследуемого сюжета, хочу поделиться впечатлениями от знакомства с любезно предоставленной Михаилом Семеновичем книгой «Проблемы производственного риска». Невозможно не восхититься ясной и четкой мыслью ученого, безупречной логикой исследования, глубоким проникновением в сущность заявленной проблемы, детальным знанием практики. Книга написана прекрасным стилем, красивым русским языком, чем особенно отличается от сочинений многих современных авторов, когда читателю приходится буквально продираться через частокोल ссылок на законы (названия, статьи, части), обнаруживать буквальное воспроизведение текстов нормативных актов, и собственно авторская мысль вовсе не обнаруживается или теряется за всем этим канцелярским языком.

Со всей очевидностью обнаружилась уникальность хранящегося у Михаила Семеновича экземпляра монографии и представлявшего скорее не книгу, снятую с полки, а черновой материал, работа с которым продолжилась: многочисленные пометки на полях, вклеенные листы, новые записи – всё это отражает стиль научного творчества М.С. Гринберга.

В 1990-е гг. область научных интересов М.С. Гринберга обогатилась новыми проблемами, связанными с деформацией советского уголовного законодательства в 1930-е гг., политикой репрессий в СССР. В одной из первых работ по этой теме, опубликованной в журнале «Государство и право», Ми-

хаил Семенович писал, что, как это ни парадоксально, но первой жертвой массовых репрессий стало уголовное право. Поэтому очень важно понять, почему оказался деформирован и дискредитирован созданный многовековой культурой человечества механизм охраны общества от посягательств на условия его нормального существования и от издержек этого механизма.

Взгляд ученого-профессионала на историю советского уголовного права дополнялся личными впечатлениями времен студенческой молодости, когда неосторожное слово, случайная шутка могли стоить человеку карьеры, а иногда и жизни.

6. М.С. Гринберг и Омский государственный университет

С 1976 г. трудовая деятельность М.С. Гринберга связана с юридическим факультетом Омского государственного университета. Он был приглашен в недавно организованный университет как крупный специалист в области уголовного права. Именно ему предстояло в молодом вузе создать одну из основных кафедр юридического профиля. С момента учреждения кафедры уголовного права и процесса 15 октября 1976 г. и до 1992 г. он являлся неизменным заведующим, объединившим квалифицированный коллектив, воспитавший новое поколение ученых и преподавателей. В настоящее время на кафедре работает немало учеников М.С. Гринберга, путь которых в науку начинался в студенческом кружке, а продолжился защитой кандидатских диссертаций под его руководством.

М.С. Гринберг быстро стал популярной личностью не только на факультете и в университете, но и в городе. Несколько лет Михаил Семенович вел телевизионную передачу «Трудные письма», имевшую широкую зрительскую аудиторию. Многим запомнились квалифицированные юридические консультации, иногда просто житейские советы, которые можно было получить от ведущего. Но не только этим памятна давняя передача. Как говорят ее преданные поклонники, многим из них не требовалась юридическая помощь, да и особого интереса к правовым вопросам они не испытывали, но «Трудные письма» смотрели регулярно. Привлекала непринужденная манера ведущего, прекрасная, образная речь, живой умный разговор, уместная, остроумная

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

шутка – всё то, чего так не хватало телевидению советского периода. Думается, если бы составлялись тогда модные ныне рейтинги и номинации, и передача, и ее ведущий могли по праву претендовать на самые высокие места.

Неизменным успехом пользовались публичные лекции, с которыми М.С. Гринберг выступал по линии общества «Знание». Требовалось немало гражданской смелости, чтобы в 1970–1980-е гг. читать, например, лекцию на тему «Причины преступности в СССР».

М.С. Гринберг относился к людям, которые формируют некую духовную атмосферу, стиль поведения, образ мышления, без чего не может жить и

развиваться такой центр науки и культуры, как университет, и что в конечном итоге определяет особую университетскую ауру. Для молодого человека, студента, очень важны встреча и общение с такой личностью, как М.С. Гринберг – разносторонним эрудитом, тонким знатоком русской классики, прекрасно владеющим словом лектором.

М.С. Гринберг автор многих афоризмов, давно и прочно вошедших в студенческий фольклор.

В 1999 г. М.С. Гринбергу было присвоено звание «Заслуженный юрист РФ», которое вручается за значительный вклад в развитие юриспруденции.

Память о Михаиле Семеновиче Гринберге навсегда сохранится в наших сердцах.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ящук Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: yashukomsu@mail.ru
SPIN-код: 5320-8909; AuthorID: 490627

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana F. Yashchuk – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: yashukomsu@mail.ru
SPIN-code: 5320-8909; AuthorID: 490627

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ящук Т.Ф. О Михаиле Семеновиче Гринберге / Т.Ф. Ящук // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 6–9. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).6-9.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yashchuk T.F. About Mikhail S. Greenberg. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 6–9. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).6-9. (In Russ.).

СУТЬ И СПОСОБЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В КАТЕГОРИЯХ ФИЗИКИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)*

М.С. Гринберг

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
10 марта 2018 г.

Дата принятия в печать –
20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –
20 августа 2018 г.

Доказывается, что между статусом законопослушного и закононепослушного индивида должен существовать определенный «перепад» (в категориях физики): там, где такого перепада нет, нет места для принуждения. Делается вывод, что суть любого наказания – лишение наказанного определенных благ, что означает перепад между статусом лица, не конфликтовавшего с уголовным законом, и лица, вступившего в такой конфликт, а величина перепада зависит от тяжести преступления.

Ключевые слова

Принуждение, ответственность,
вина, ответственность без вины,
донос, уголовное право

THE ESSENCE AND METHODS OF COERCION IN THE CATEGORIES OF PHYSICS (CRIMINAL-LEGAL ISSUES)

Mikhail S. Greenberg

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 March 10

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The Subject. The article is devoted to impact of coercion to the difference of legal statuses between law-obedient individuals and abusers.

The purpose of the article is to identify the difference between the impact of coercion on law-obedient citizens and abusers.

Methodology. The author uses theoretical analysis as well as legal methods including formal legal analysis and the method of social modeling.

Keywords

Coercion, responsibility, guilt,
responsibility without guilt,
denunciation, criminal law

Results, scope of application. It is proved that a certain difference (in the categories of physics) should exist between the legal status of law-obedient individuals and abusers there is a certain difference. Where there is no such difference, there is no place for coercion.

Conclusions. The author comes to the conclusion that the essence of any punishment is the deprivation of certain benefits, which means the difference between the status of a person who did not conflict with the criminal law and those who entered into such a conflict. The magnitude of the difference depends on the severity of the crime.

Система, элементы которой находятся в равновесии друг с другом, энергетически бесплодна.

Второе начало термодинамики

1. Введение

Из физики известно, что любая система работоспособна в рамках перепада между исходным и конечным состоянием ее элементов (частей) (предмета), идет ли речь о различии между верхним и нижним бьефами водосливной плотины, между давлениями внутри и снаружи парового котла или, имея

в виду нашу тему, между статусом (судьбой) законопослушного и закононепослушного индивидов. Там, где такого перепада нет, и положение второго не отличается от положения первого, места для принуждения нет. Другими словами, наказать можно только того, у кого можно что-то отнять.

* Первая публикация: Вестник Омского университета. 2005. № 1. С. 106–107.

Между статусом законопослушного и законо-непослушного индивида должен (в категориях физики) существовать определенный перепад. Там, где такого перепада нет, нет места для принуждения.

2. Ответственность причинителя вреда без вины

Об этом, в частности, свидетельствует постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹, установившее для всех, в том числе для решавшихся из-за голода на людоедство (см., напр.: [1, с. 11; 2, с. 77]), смертную казнь или длительное лишение свободы за кражу или иное хищение имущества. Действовавшее в годы, когда «матери убивали своих детей, чтобы прокормить остальную семью» [3, с. 108], постановление было непсихологично и небиологично, ибо не устанавливало различий между положением законопослушных граждан и граждан, нарушавших закон. Индивиду, нацеленному на самосохранение, «было выгодно» предпочитать неизбежной гибели от голода вероятное наказание за кражу. «Когда же голод и холод, — писал 2000 лет назад китайский философ Ван Чун, — настигают людей одновременно, то среди них немного окажется таких, которые не станут нарушать законы» (цит. по: [4, с. 20–21]).

Впервые в истории был проведен эксперимент с, казалось бы, предрешенным финалом: неизбежной (весьма вероятной) смерти от голода человек не мог не предпочесть кражу или иное нарушение закона.

3. Ответственность за чужую вину в древности

Формой перепада между переживаниями законопослушного индивида и нарушителя уголовного закона был и его страх за судьбы близких, удваивавший, утраивавший и множивший в еще большее число раз страх перед наказанием. По законодательству циньского Китая (III в. до н. э.) вместе с осужденным за государственную измену карались смертью три поколения его родственников — по отцу, матери и жены [5, с. 94]. По древним английским законам дети и все домашние преступника, знавшие о воровстве, поступали в рабство [6, с. 94]. Русская правда

предусматривала отдачу разбойника вместе с женой и детьми на поток и разграбление [6, с. 96].

Однако формировался взгляд о неприемлемости кары за чужую вину. *De ventre inspiciendo* — гласил известный римскому праву запрет приговаривать к смертной казни беременную женщину, чтобы не казнить за ее преступление ее ребенка. Соборное уложение 1649 г. устанавливало: «А будет которая жена про измену мужа своего или дети про измену же отца своего не ведати... и их за то не казнити и никакого наказания им не чинити»². Постфеодальное уголовное право не знало, как представляется, ответственности за чужую вину.

4. Ответственность за чужую вину в Советской России

После революции 1917 г. в отечественном уголовном праве произошел возврат к ответственности за такую вину. Статья 8 Положения о дисциплинарных товарищеских судах 1921 г. предусматривала за нарушение трудовой дисциплины исправительные работы или заключение в концентрационный лагерь на срок до шести месяцев как самих рабочих и служащих, виновных в этом нарушении, так и рабочих, попустительствовавших такому нарушению³. В литературе не удалось найти ни одного примера применения этого декрета: люди безнаказанно проворачивали болт на производстве не положенные пять раз, а только два, красили деталь два раза вместо пяти.

Однако в циньском Китае близким виновного не адресовался упрек в государственной измене, в отличие от рабочих, попустительствовавших нарушениям трудовой дисциплины.

Подавив всех и вся, устранив подлинных и мнимых политических противников и намеки на политическую оппозицию, тоталитарная система не могла принудить людей к добросовестному труду, ибо при сложных вероятностных связях, складывающихся на всяком и тем более на сложном современном производстве, каждый «оказывается в ситуациях, когда почти нет риска быть пойманным» [7, с. 378].

Иным было положение, связанное с уголовной ответственностью за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершённом контррево-

¹ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Собрание законодательства СССР. 1932. № 62.

² Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 73.

³ Положения о дисциплинарных товарищеских судах // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 23–24.

люционном преступлении (ст. 58 УК РСФСР 1926 г.⁴), о готовившихся или совершённых преступлениях, предусмотренных ст. 59², 59³ и 59⁷ УК РСФСР 1926 г., об ответственности за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном квалифицированном хищении государственного, общественно-го или личного имущества граждан. Строгие санкции за недонесение о таковых должны были принуждать к доносу.

К нему же принуждали ч. 2 ст. 58¹ в УК РСФСР 1926 г., предусматривавшая лишение избирательных прав и ссылку в отдаленные районы Сибири на пять лет совершеннолетних членов семьи военнослужащего – изменника Родины, совместно с ним проживавших или находившихся на его иждивении, но не способствовавших совершённой или готовившейся измене и даже не знавших о ней, а также Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР от 15 августа 1937 г. По этому приказу жены изменников Родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных к расстрелу или к длительному заключению, направлялись в лагеря на сроки не менее 5–8 лет, а их «социально-опасные дети» – в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД (ст. 11, 12). По п. «б» ст. 5 аресту не подлежали «жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам

власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей»⁵.

Непсихологичной и мало соответствующей интересам производства была и ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», предусматривавшая судебную ответственность руководителей предприятий и учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин⁶. Жесткое следование данной статье могло бы при определенных обстоятельствах прийти в противоречие с интересами производства.

5. Заключение

Так или иначе, суть любого наказания – от административного или дисциплинарного взыскания до наказания, предусмотренного уголовным законом, – лишение наказанного определенных благ или, что то же, перепад между статусом лица, не конфликтовавшего с уголовным законом, и статусом лица, вступившего в такой конфликт. Величина перепада зависит от тяжести преступления: чем более тяжким является преступление, тем более тяжелой должна быть кара за него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О.В. Хлевнюк. – М.: Республика, 1992. – 272 с.
2. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953 / Е. Зубкова. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 230 с.
3. Неизвестная Россия. XX век: в 4 т. – М.: Историческое наследие, 1992. – Т. 1. – 352 с.
4. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002. – 238 с.
5. Машкин Н.А. История Древнего мира / Н.А. Машкин. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. – 612 с.
6. Кистяковский А.Ф. Исследования о смертной казни / А.Ф. Кистяковский. – Тула: Автограф, 2000. – 188 с.
7. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 536 с.

REFERENCES

1. Khlevnyuk O.V. 1937: *Stalin, NKVD and Soviet society*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 272 p. (In Russ.).

⁴ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // *Собрание узаконений РСФСР*. 1926. № 80. Ст. 600.

⁵ Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР от 15 августа 1937 г. № 00486 // *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий*. М., 1993.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1940. № 20.

2. Zubkova E. *Post-War Soviet society: Politics and everyday life, 1945-1953*. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 230 p. (In Russ.).
3. *Unknown Russia. XX century*, in 4 volumes. Moscow, Istoricheskoe nasledie Publ., 1992. Vol. 1. 352 p. (In Russ.).
4. Kudryavtsev V.N. *The criminality and morals of a society in transition*. Moscow, Gardariki Publ., 2002. 238 p. (In Russ.).
5. Mashkin N.A. *History of the Ancient world*. Moscow, State publishing house of political literature, 1956. 612 p. (In Russ.).
6. Kistyakovskii A.F. *Research on the death penalty*. Tula, Avtograf Publ., 2000. 188 p. (In Russ.).
7. Shibutani T. *Society and Personality: The Interactionist Approach to Social Psychology*. Moscow, Progress Publ., 1969. 536 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гринберг Михаил Семенович (1925–2018) – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
SPIN-код: 8999-7457; AuthorID: 582487

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mikhail S. Greenberg (1925–2018) – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
SPIN-code: 8999-7457; AuthorID: 582487

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гринберг М.С. Суть и способы принуждения в категориях физики (уголовно-правовой аспект) / М.С. Гринберг // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 9–12. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).9-12.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Greenberg M.S. The essence and methods of coercion in the categories of physics (criminal-legal issues). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 9–12. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).9-12. (In Russ.).

«УГОЛОВНОЕ ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО» КАК МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

И.А. Третьяк

Аппарат Губернатора и Правительства Омской области, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

27 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Анализируются основные модели уголовного права и ставится вопрос о существовании модели «уголовного права потерпевшего», предлагается ее теоретическое обоснование.

Ключевые слова

Школа уголовного права,
модель уголовного права,
потерпевший, теория
восстановительного правосудия,
правовой статус, уголовное право

THE “CRIMINAL LAW OF VICTIM” AS A CRIMINAL LAW MODEL

Irina A. Tretyak

The office of the Governor and the Government of Omsk region, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 27

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to analysis of the basic models of criminal law and the impact of victim's legal status on the criminal legal theory.

The purpose of the paper is to substantiate the existence and the importance of “criminal law of victim” as basic model of criminal legal theory.

Keywords

Criminal law school, criminal law
model, victim, restorative justice,
legal status, criminal law

The methodological basis of the research includes general-scientific methods (analysis and synthesis, system-structural approach) as well as academic methods (formal-legal method, method of interpretation of legal texts).

Results and scope of application. The definition of the role of the victim, the importance of his legitimate interests in the implementation of criminal liability is complicated by the fact that the basic models of criminal law developed by science – “criminal law of the offender” and “criminal law of the crime” – do not consider the victim as a subject of criminal legal relations. The theoretical models of criminal law are embodied in the criminal law, specific legal relations, law enforcement acts, etc., in connection with which there are specific indicators – the parameters by which it is possible to determine which model of criminal law is implemented. If the question of the criminal legal personality of the victim is controversial, in my opinion, there is no doubt that the victim is a party to the criminal law conflict, which often begins to unfold long before the crime.

Conclusions. Recognizing the victim as a subject of criminal legal relations, as well as a participant in the criminal law conflict, it is possible to talk about the formation of a new model of criminal law – “the criminal law of victim”.

1. Развитие основных моделей уголовного права

Правовое положение потерпевшего в уголовном праве является весьма сложным теоретическим вопросом, рассмотрению которого был посвящен целый ряд научных работ [1–4]. Определение роли

потерпевшего, значения его законных интересов при реализации уголовной ответственности осложняется тем, что разработанные наукой основные модели уголовного права – «уголовное право преступника» и «уголовное право преступления» – не рассматри-

вают потерпевшего в качестве субъекта уголовного правоотношения.

Так, классическая школа уголовного права, сосредоточившая внимание на формально-юридической конструкции состава преступления, формах вины и признаках преступного деяния, послужила доктринальной основой для формирования идеи «уголовного права преступления», предполагавшей априорное изучение преступления как абстрактной юридической сущности [5, с. 23]. Представители данной школы не ограничивались изучением только преступного деяния, но при этом акцентировали на нем внимание, одновременно отмечая теоретическую и практическую вредность нивелирования уголовно-правового значения лица, совершившего преступление [6, с. 79].

Социологическая школа уголовного права предложила иной вектор развития и выдвинула на первый план преступника как социальное существо. Таким образом, преступник, деятель стал главным действующим лицом уголовного правоотношения [5; 7].

2. Учет личности преступника

Именно позитивистская школа уголовного права, появившаяся в последней четверти XIX в., поставила перед современниками и будущими поколениями юристов трудноразрешимую проблему, заключающуюся в необходимости учета личности лица, совершившего преступление, при назначении наказания. В частности, данная проблема была подробно освещена Ф. фон Листом, считавшим, что наказание должно определяться сообразно особенностям преступника [8, с. 70–71].

Многолетние попытки реализовать на практике идею учета личности преступника породили целый ряд эмпирических исследований [9; 10]. По результатам проведенного автором исследования, в 40 судебных актах судов общей юрисдикции (Верховного Суда РФ и судов субъектов федерации), вынесенных по уголовным делам за период с марта 2006 по ноябрь 2010 г., указывались следующие данные о личности виновного: характеристики с места жительства, работы – в 72,5 % случаев; состояние здоровья – в 37,5 %; наличие иждивенцев – в 35 %; наличие / отсутствие судимости – в 22,5 %; возраст – в 20 %; семейное положение и наличие работы – в 17,5 %. Однако понятие личности, в том числе преступника, значительно шире по содержанию и включает в себя устойчивые социально обусловленные психологические характеристики, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют нравственные поступки конкретного человека

и имеют существенное значение для самого лица и для окружающих [11, с. 471; 12, с. 335–336]. Таким образом, имеющее место в судебной практике по уголовным делам установление лишь определенных признаков, таких как возраст, состояние здоровья, семейное положение и т. п., не охватывает всей совокупности многогранных свойств личности и свидетельствует об учете личности преступника далеко не в полном объеме при назначении наказания.

Вместе с тем некоторые страны всё же достигли положительных результатов в вопросе учета личности преступника при назначении наказания, реализуя тем самым модель «уголовного права преступника». Примером такой положительной практики может служить ювенальное уголовное право Германии, фактически нацеленное на максимальный учет личности несовершеннолетнего преступника, что реализуется путем взаимодействия суда и специальной службы помощи в ювенальном суде (*Jugendgerichtshilfe*). В данной службе работают профессиональные педагоги и психологи, составляющие для суда отчет, содержащий необходимые сведения, позволяющие получить представление о личности подростка и спрогнозировать его дальнейшее поведение [13, с. 37–40].

3. Параметры основных моделей уголовного права

Исследуемые теоретические модели уголовного права воплощаются в уголовно-правовых нормах, конкретных правоотношениях, правоприменительных актах и т. д. В связи с этим существуют своеобразные индикаторы – параметры, по которым можно определить, какая модель уголовного права реализуется.

Одним из таких индикаторов является сфокусированность уголовно-правового регулирования на определенном субъекте уголовного правоотношения. Иначе говоря, в рамках модели «уголовного права преступника» применение конкретных мер уголовной ответственности осуществляется исходя из свойств личности деятеля, свидетельствующих о возможности исправления, о целесообразности применения того или иного вида наказания и подобном, что на практике означает учет личности преступника при назначении наказания. «Уголовное право преступления», напротив, предполагает применение конкретных мер уголовной ответственности в зависимости от различных характеристик совершённого деяния (обстановка, тяжесть совершённого преступления, вина, мотив и т. д.). На практике это означает назначение наказания в соответствии с характером и тяжестью совершённого преступления без учета личности дея-

теля, в связи с чем в данной модели главенствующее значение принадлежит государству как субъекту уголовных правоотношений, наделенному правом устанавливать в уголовном законе юридические составы преступлений и определять их тяжесть в зависимости от общественной опасности содеянного. Данное обстоятельство обусловлено тем, что традиционно в науке уголовного права выделяли лишь двух субъектов уголовного правоотношения: государство и преступника [14; 15]. Вместе с тем некоторые авторы высказывают мнение о необходимости выделения потерпевшего как самостоятельного субъекта уголовного правоотношения [3; 16–18].

4. Идея уголовной правосубъектности потерпевшего

Если вопрос об уголовной правосубъектности потерпевшего является спорным, то, на наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что потерпевший является участником уголовно-правового конфликта, который нередко начинает разворачиваться задолго до события преступления. В.Н. Кудрявцев по этому поводу отмечает, что преступление, где имеются потерпевшие – конкретные лица, как правило, создает конфликтную ситуацию или прямой межличностный (межгрупповой) конфликт, разрешаемый затем путем усилий частных лиц, в том числе самих потерпевших, а также с помощью государственных институтов в процессе уголовного судопроизводства [19, с. 165–166; 20, с. 13–14]. Таким образом, потерпевший так или иначе присутствует в криминальном конфликте, что, исходя из общей теории юридической конфликтологии, позволит использовать его интересы, усиливая при разрешении возникшего конфликта.

Принятие новой конституционной модели взаимоотношений между государством и личностью послужило стимулом к возрастанию актуальности вопроса об уголовной правосубъектности потерпевшего. Изменение стратегии правового регулирования, о котором говорили еще накануне принятия действующего УК РФ¹ [21, с. 44–45], привело к переоценке значения такой цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, поскольку ставшее традиционным понимание наказания в качестве кары за содеянное не порождало по-

ложительного внешнего эффекта, в частности для потерпевшего.

Развитию идеи уголовной правосубъектности потерпевшего, его значения в определении меры ответственности, способствовало также появление правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности деяния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, следует учитывать как существенность нарушения этих прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самим тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия².

5. Обоснование модели «уголовного права потерпевшего»

Признавая потерпевшего субъектом уголовного правоотношения, а также участником уголовно-правового конфликта, возможно говорить о становлении новой модели уголовного права – «уголовного права потерпевшего».

Обоснованием данной модели можно считать теорию, появившуюся в 1970-е гг. в США и получившую название восстановительного правосудия (*restorative justice*) [22–24]. Примечательно, что стимулом к появлению данной теории стали изменения в общественной жизни, выразившиеся, например, в создании различных общественных объединений: в США в целях развития мирных способов урегулирования разногласий в 1972 г. было создано Общество профессионалов в разрешении споров (*The Society for Professionals in Dispute Resolution – SPIDR*) [24, с. 34]; в Великобритании в 1979 г. была создана Национальная ассоциация поддержки потерпевших, а в 1984 г. – общественная организация «Медиация Великобритании» [25, с. 110].

В основе восстановительного правосудия лежит положение о том, что преступление, в первую очередь, порождает обязательство совершившего его лица загладить причиненный вред. Такая реакция на преступление в наибольшей степени отвечает и потребностям жертв, и ресоциализации правона-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части ше-

стой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // Российская газета. 2005. 8 июля.

рушителя, и интересам общества в целом [26, с. 115]. При этом возможно умаление вопроса возмещения материального ущерба при концентрации внимания на психологических последствиях преступного деяния для каждого из участников конфликта [25, с. 113]. Ввиду вышеизложенного, столь пристальное внимание к фигуре потерпевшего не случайно, так как сама идея восстановительного правосудия направлена на то, чтобы «восстановить в правах», в первую очередь, потерпевшего, а также использовать дополнительные средства для разрешения возникшего уголовно-правового конфликта.

На сегодняшний день во многих странах, уголовное законодательство которых восприняло новации теории восстановительного правосудия, наказание перестает быть классической и безусловной реакцией государства на преступление. Тому есть ряд причин, среди которых многолетние попытки различных стран снизить численность тюремного населения, сократить расходы пенитенциарной системы и предотвратить стигматизацию личности, когда возможно урегулирование уголовно-правового конфликта иными способами (медиация, примирение, деятельное раскаяние и т. п.). Так, в 1985 г. Комитет Министров Совета Европы отметил, по существу указав на недостатки моделей «уголовного права преступления» и «уголовного права преступника», что цели системы уголовного правосудия традиционно

выражались в терминах, которые касаются, главным образом, отношения между государством и правонарушителем, но впоследствии работа этой системы иногда имела тенденцию к суммированию, а не к сокращению проблем потерпевшего, в связи с чем членам Совета Европы было рекомендовано изучить возможные преимущества схем примирения и посредничества, т. е. обратиться к механизмам восстановительного правосудия, а также содействовать исследованиям по эффективности положений, затрагивающих пострадавших, и поощрять их³.

6. Выводы

Ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой преступления и признается потерпевшим⁴. Ущерб от преступлений только за период с января по июнь 2017 г. составил 206,63 млрд руб.⁵, при этом до 50 %⁶ потерпевших не желают предъявлять гражданский иск в уголовном процессе. Данные обстоятельства свидетельствуют во многом о неэффективности защиты прав потерпевших от преступлений в рамках существующих моделей «уголовного права преступления» и «уголовного права преступника». В связи с этим возрастает актуальность проблемы становления новой модели уголовного права, сфокусированной на потерпевшем, его роли и значении в уголовном правоотношении, – модели «уголовного права потерпевшего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенко; отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 248 с.
2. Прянишников Е. Потерпевший от преступления / Е. Прянишников // Законность. – 1994. – № 12. – С. 35–37.
3. Пудовочкин Ю. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях / Ю. Пудовочкин, Н. Генрих // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 55–59.
4. Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: критерии научности и перспективы развития / И.А. Фаргиев // Государство и право. – 2005. – № 8. – С. 25–30.
5. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 658 с.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – 380 с.
7. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М.П. Чубинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

³ Рекомендация № R (85) 11 Комитета Министров «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (28 июня 1985 года) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 115–116.

⁴ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 4 июня 2008 г. Проблемы защиты прав потерпевших от преступления // Российская газета. 2008. 4 июня.

⁵ Состояние преступности в России за январь – июнь 2017 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/454/Ежемесячный_сборник_июнь_2017_с_характеристикой_var_2.pdf.

⁶ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 4 июня 2008 г.

8. Лист Ф. фон. Учебник уголовного права. Общая часть / Ф. Лист. – М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1903. – 358 с.
9. Бурлаков В.Н. Уголовное право и личность преступника / В.Н. Бурлаков. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 240 с.
10. Овчаренко З.В. К вопросу об изучении личности несовершеннолетнего виновного / З.В. Овчаренко // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 30–35.
11. Маклаков А.Г. Общая психология: учеб. для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2010. – 583 с.
12. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
13. Библик О.Н. Введение в ювенальное уголовное право Германии: учеб. пособие / О.Н. Библик. – Омск: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2009. – 83 с.
14. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. – 335 с.
15. Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. В.С. Комисарова, проф. А.И. Рарога. – М.: ИНФРА-М, 2003. – Т. 1: Общая часть. – 623 с.
16. Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М.: НОРМА, 2000. – 623 с.
17. Квашиш В.Е. Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) / В.Е. Квашиш, Н.В. Генрих // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 29–34.
18. Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Сумачев. – Рязань, 1997. – 25 с.
19. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
20. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9–14.
21. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 44–76.
22. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер; общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. – М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
23. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф / К. Сесар // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 162–171.
24. Носырева Е.В. Альтернативное разрешение споров в США / Е.В. Носырева. – М.: Городец, 2005. – 320 с.
25. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве / Л.В. Головкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 103–113.
26. Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Института государства и права РАН совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа») / Л.М. Карнозова // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 115–122.

REFERENCES

1. Anoshchenkova S.V. *Criminal law doctrine of victim*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 248 p. (In Russ.).
2. Pryanishnikov E. Victim of the crime. *Zakonnost'*, 1994, no. 12, pp. 35–37. (In Russ.).
3. Pudovochkin Yu.Ye., Genrikh N.V. On the status of the victim in criminal relations. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 6, pp. 55–59. (In Russ.).
4. Fargiev I.A. Theory of victim in Criminal law of Russia: The criteria of scientific level and perspectives of development. *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 8, pp. 25–30. (In Russ.).
5. Ferri E. *Criminal Sociology*. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 658 p. (In Russ.).
6. Tagantsev N.S. *Russian criminal law. Lectures. General part*, in 2 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 2. 380 p. (In Russ.).
7. Chubinskii M.P. *Essays on criminal policy: The concept, history and main problems of criminal policy as an integral part of the science of criminal law*. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 435 p. (In Russ.).

8. von Liszt F. *Textbook of criminal law. General part*. Moscow, A.I. Mamontov Publ., 1903. 358 p. (In Russ.).
9. Burlakov V.N. *Criminal law and criminal personality*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 240 p. (In Russ.).
10. Ovcharenko Z.V. To the question about the study of the personality of minors guilty. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2008, no. 9, pp. 30–35. (In Russ.).
11. Maklakov A.G. *General psychology*. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 583 p. (In Russ.).
12. Nemov R.S. *Psychology*, in 3 volumes, 4th ed. Moscow, VLADOS Publ., 2003. Vol. 1. 688 p. (In Russ.).
13. Bibik O.N. *Introduction to juvenile criminal law in Germany*. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2009. 83 p. (In Russ.).
14. Filimonov V.D., Filimonov O.V. *Legal Relations. Criminal legal relations. The penal legal relationship*. Moscow, YurInfoR-Press Publ., 2007. 335 p. (In Russ.).
15. Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds.). *The Russian criminal law*, in 2 volumes. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. Vol. 1. 623 p. (In Russ.).
16. Kozachenko I.Ya., Neznamova Z.A. (eds.). *Criminal law. General part*. Moscow, NORMA Publ., 2000. 623 p. (In Russ.).
17. Kvashis V.Ye., Genrikh N.V. The subject-matter of criminal relations (conceptual model). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 4, pp. 29–34. (In Russ.).
18. Sumachev A.V. *The victim as a subject of criminal legal relationship*, Cand. Diss. Thesis. Ryazan, 1997. 25 p. (In Russ.).
19. Kudryavtsev V.N. (ed.). *Legal conflictology*. Moscow, The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 316 p. (In Russ.).
20. Kudryavtsev V.N. Legal conflict. *Gosudarstvo i pravo*, 1995, no. 9, pp. 9–14. (In Russ.).
21. Modern trends in the development of criminal law and criminal law theory (Conference in the IGP RAS). *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 6, pp. 44–76. (In Russ.).
22. Zehr H. *Changing Lenses. A new focus for crime and justice*. Moscow, Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma" Publ., 2002. 328 p. (In Russ.).
23. Sessar K. Punitive Attitudes of the Public: Reality and Myth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 4, pp. 162–171. (In Russ.).
24. Nosyreva E.V. *Alternative dispute resolution in the United States*. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 320 p. (In Russ.).
25. Golovko L.V. Alternatives to Prosecution in the Contemporary English Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 3, pp. 103–113. (In Russ.).
26. Karnozova L.M. The place of reconciliation and mediation in the doctrine of criminal justice (Expert seminar, held by the Sector of problem of justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences together with Social Center "Judicial Law Reform"). *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 9, pp. 115–122. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьяк Ирина Александровна – кандидат юридических наук, помощник Первого заместителя Председателя Правительства Омской области
Аппарат Губернатора и Правительства Омской области
644043, Россия, г. Омск, ул. Красный Путъ, 1
e-mail: irina.delo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Irina A. Tretyak – PhD in Law, assistant to the First Deputy Chairman of the Government of Omsk region
The office of the Governor and the Government of Omsk region
1, Krasnyi Put' ul., Omsk, 644043, Russia
e-mail: irina.delo@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяк И.А. «Уголовное право потерпевшего» как модель уголовного права / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 14–19. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).14-19.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyak I.A. The "criminal law of victim" as a criminal law model. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 14–19. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).14-19. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 347.9

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).20-24

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК НАЛОГОВОГО ПРАВА*

К.А. Пономарева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
22 февраля 2018 г.

Дата принятия в печать –
20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –
20 августа 2018 г.

Рассматривается роль в системе источников современного налогового права судебного прецедента, который как источник права формально не признается, но фактически используется, при этом суды часто берут на себя роль не только толкователей права, поскольку их решения выступают в роли правовой доктрины. Делается вывод, что судебный прецедент может быть уверенно признан источником налогового права России.

Ключевые слова

Налоговое право, прямые
налоги, источники права,
правоприменение, судебный
прецедент, судебная практика

JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF TAX LAW

Karina A. Ponomareva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 February 22

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to analysis of the role of the judicial precedent in the system of sources of tax law.

Aim. The aim of this paper is to analyze the essence of national and international judicial precedents in the area of tax law.

Methodology. The author uses methods of theoretical analysis, particularly the theory of integrative legal consciousness, as well as legal methods, including formal legal method and methods of comparative law.

Results, scope. The role of judicial precedent in the system of sources of modern tax law is considered in the article. Although the precedent in the Russian Federation as a source of law is not formally recognized, but actually used, its role in tax law is very high. The judicial precedent can be confidently recognized as the source of the tax law of Russia. In this case, courts often take on not only the role of interpreters of law, but their decisions act as a legal doctrine.

Conclusions. The author comes to the conclusion that the role of decisions of courts, especially the highest courts, is growing, up to giving them signs of a precedent interpretation.

Keywords

Tax law, direct taxes, sources of
law, law enforcement, judicial
precedent, judicial practice

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Правовой режим прямого налогообложения в интеграционных объединениях (опыт Европейского Союза и Евразийского экономического союза)», проект № 17-03-50091.

1. Введение

Налоговый режим находит нормативное закрепление в источниках налогового права. Система этих источников, по замечанию С.Г. Пепеляева, в структурном отношении делится на две части: источники, имеющие внутригосударственную природу, и международно-правовые источники. Определяющую роль в налоговом праве играют внутригосударственные (национальные) источники [1, с. 150]. И.А. Кривых разделяет источники налогового права на основные (нормативный правовой акт и международный договор по налоговым вопросам) и вспомогательные (производные), содержащие правовую позицию по налоговым вопросам решения Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), решения международных судов и нормативные разъяснения компетентных органов исполнительной власти [2, с. 7].

Полагаем возможным выделить судебный прецедент в качестве источника современного налогового права.

2. Роль судебных решений в системе налогового права

Невозможно не отметить изменение роли судов в правовой системе России. М.В. Карасева выделяет в системе источников налогово-правового регулирования в России нормативный акт и судебный прецедент, а также отмечает, что в результате развития судебной системы России на протяжении первого десятилетия XXI в. сложилось так, что налоговое законодательство, традиционно являвшееся основным источником налогового права, трансформировалось в систему объективно сформировавшихся источников налогового права [3, с. 75].

Хотя в Российской Федерации прецедент как источник права формально не признается, но фактически используется [4], его роль в налоговом праве очень велика. Судебный прецедент можно уверенно признавать источником налогового права России. Так, А.Н. Головкин выделяет следующие виды судебных прецедентов применительно к отрасли налогового права: решения КС РФ; сохраняющие свое действие постановления Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ); постановления Верховного Суда

РФ (далее – ВС РФ); информационные письма ВАС РФ и ВС РФ; судебные акты арбитражных судов округов; судебные акты Судебной коллегии ВС РФ [5, с. 7].

Наименьшее число споров вызывает вопрос о роли актов КС РФ в налоговом праве. А.В. Демин отмечает, что КС РФ при отсутствии достаточных правовых основ в постсоветский период взял на себя функции по формированию правовых основ налоговой системы [6]; Н.С. Бондарь полагает, что именно практика КС РФ по разрешению налоговых споров определила дальнейшее развитие законодательства о налогах и сборах [7, с. 105]; М.Н. Кобзарь-Фролова относит акты судов высших инстанций к источникам налогового права [8, с. 23].

Существует и противоположная позиция. Например, К.А. Сасов не признает прецеденты источниками налогового права и полагает, что правовая позиция КС РФ является «правовым обоснованием вынесенного решения по делу, которое для самого суда служит обязательным ориентиром при принятии последующих решений, а для других правоприменителей – убедительным (но не обязательным) судебным прецедентом» [9, с. 17]. Полагаем, что применение подобного подхода приведет лишь к правовой неопределенности. А.О. Якушев справедливо указывает на объективность и неотвратимость использования прецедентов в правовом регулировании и необходимость разработки общеобязательных и всем понятных правил такого использования [10].

Поскольку ВС РФ не так активен в формулировании единообразной судебной практики, как упраздненный ВАС РФ, конституционно-правовая оценка норм НК РФ¹ становится основным способом правового совершенствования законодательства и правоприменения, доступным налогоплательщикам. Эта роль растет в условиях принятия судами решений, ориентированных на максимальное пополнение доходов бюджетов, когда даже очевидные несовершенства налогового законодательства могут быть исправлены лишь органом конституционного нормоконтроля. КС РФ ввел в оборот понятие добросовестного налогоплательщика², трактовал понятие

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 42. Ст. 5211.

налоговой оптимизации³, обосновал прецедентный нормативно значимый характер актов высших судебных органов⁴ и т. п.

Что же касается судебных актов, принимаемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции, особенно ВАС РФ и ВС РФ, то признание их источниками налогового права необходимо и возможно.

Классическим примером формирования правовой позиции является Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»⁵. С его помощью был официально признан термин «налоговая выгода», обоснованность которой является ключевым объектом доказывания по значительной части налоговых споров. По мнению Е.В. Тарибо, «фактически это нормы (правила), действующие и применяемые наравне с законами» [11, с. 13].

3. Роль судебной практики в разрешении споров в сфере корпоративного налогообложения

Современные тенденции в сфере российского налогообложения (особенно корпоративного) наиболее наглядно можно проследить посредством анализа правоприменительной практики. Законодателю практически невозможно обеспечить абсолютное качество юридической техники при известной динамике изменений налогового законодательства. В результате в законодательстве появляются пробелы и коллизии, которые разрешаются судами. При этом суды часто не просто берут на себя роль толкователей права, их решения выступают в роли правовой доктрины.

Например, в 2017 г. ВС РФ подготовлено два обзора практики рассмотрения судами дел, вытекающих из налоговых споров. Первый из них – Обзор

практики рассмотрения судами дел, связанных с применением положений НК РФ о налоговом контроле в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами⁶, подготовленный по результатам рассмотрения материалов судебной практики и поступивших от судов вопросов в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с применением положений раздела V.1, п. 2–4 ст. 269 НК РФ. Часть Обзора касается «тонкой капитализации» и трансграничного налогообложения. 12 июля 2017 г. Президиумом ВС РФ утвержден Обзор практики рассмотрения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов⁷, значительная часть которого касается налогообложения: п. 8–16 посвящены налоговым аспектам деятельности иностранных компаний в Российской Федерации.

Другим примером является Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010, известному как дело «Северного Кузбасса»⁸, ставшее основой для разрешения споров по вопросам «тонкой» (недостаточной) капитализации. Проблема, поставленная перед Президиумом ВАС РФ, была связана не с толкованием правил тонкой капитализации как таковых, а с коллизией этих правил и положений СИДН, заключенных Российской Федерацией. При рассмотрении подобных споров судами формировались подходы к налогообложению трансграничных операций. В них тема дискриминации в налоговых правоотношениях затрагивалась в отношении возможности применения национальных правил о недостаточной капитализации при выплате иностранным заимодавцам процентов по долговым обязательствам. ВАС РФ пришел к выводу, что правила тонкой капитализации не противоречат принципу недискриминации.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишниковой, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 24. Ст. 2431.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение "Берег"», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод "Микропровод"» и «Научно-производственное предприятие "Респиратор"»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 2.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

⁶ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Обзор практики рассмотрения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3.

В условиях глобализации, по замечанию А.В. Демина, можно говорить о становлении такого источника права, как международный судебный прецедент [12, с. 167]. Это утверждение характеризует роль судов интеграционных объединений. В последние десятилетия фокус внимания европейской юридической науки сместился с актов вторичного права ЕС на практику Суда ЕС по делам о прямом налогообложении [13–15]. Правовая неопределенность и недостаток координации между государствами – членами ЕС заметно увеличили объем работы Суда ЕС по вопросам прямого налогообложения и роль практики Суда ЕС: это дает основание утверждать, что наднациональная система права ЕС, изначально созданная на основе романо-германской системы, на сегодняшний день тяготеет к системе общего права.

4. Выводы

Таким образом, можно прийти к выводу о росте роли решений судов, особенно высших судебных инстанций, вплоть до придания им признаков пре-

цедентного толкования. Динамика развития налогового права и изменений налогового законодательства очень высока, что влечет возникновение пробелов и коллизий. В связи с этим судебная практика – оптимальный инструмент адаптации налогового законодательства к фактически складывающимся общественным отношениям, особенно таким сложным, как трансграничные налоговые отношения. Более того, возвращаясь к вопросу об элементах механизма правового регулирования, одним из которых традиционно является акт применения права – основанный на норме права официальный документ, изданный государственным органом или должностным лицом, содержащий индивидуальное властное предписание, адресованное персонально определенному лицу (налогоплательщику) и имеющее однократное действие, – можно заявлять о том, что роль этого элемента в структуре режима налогообложения прибыли и доходов трансформируется в силу рассмотренных выше тенденций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налогообложение доходов и прибыли: учеб. пособие / под общ. ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Статут, 2015. – 192 с.
2. Кривых И.А. Источники налогового права Российской Федерации: понятие, проблемы классификации, основные принципы действия: дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Кривых. – Екатеринбург, 2009. – 284 с.
3. Карасева М.В. Некоторые тенденции развития финансово-правового регулирования на современном этапе / М.В. Карасева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 4. – С. 74–79.
4. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 96–107.
5. Головкин А.Н. Судебные прецеденты по НДС, обязательные для применения налоговыми органами и налогоплательщиками / А.Н. Головкин. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.
6. Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: моногр. / А.В. Демин. – М.: Статут, 2015. – 368 с.
7. Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации) / Н.С. Бондарь. – М.: Викор-Медиа, 2006. – 223 с.
8. Кобзарь-Фролова М.Н. Источники налогового права и источники законодательства о налогах и сборах: теоретико-правовая характеристика / М.Н. Кобзарь-Фролова // Финансовое право. – 2012. – № 7. – С. 22–25.
9. Сасов К.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налогообложению / К.А. Сасов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 324 с.
10. Якушев А.О. Источники налогового права: новые подходы к изучению / А.О. Якушев // Финансовое право. – 2009. – № 2. – С. 34–37.
11. Тарибо Е.В. Пределы участия судебной власти в процессе правотворчества / Е.В. Тарибо // Налоговед. – 2011. – № 5. – С. 12–17.
12. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и пути ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – 452 с.
13. CJEU – Recent Developments in Direct Taxation 2015 / Eds. M. Lang, P. Pistone, A. Rust, J. Schuch, C. Staringer, A. Storck. – Wien: Linde, 2016. – 200 p. – (Series on International Tax Law; Vol. 100).

14. CJEU – Recent Developments in Direct Taxation 2016 / Eds. M. Lang, P. Pistone, A. Rust, J. Schuch, C. Staringer, A. Storck. – Wien: Linde, 2017. – 248 p. – (Series on International Tax Law; Vol. 103).
15. ECJ Direct Tax Compass 2017 / Ed. M. Cotrut. – IBFD, 2017. – 984 p.

REFERENCES

1. Pepelyaev S.G. (ed.). *Taxation of profit and income*. Moscow, Statut Publ., 2015. 192 p. (In Russ.).
2. Krivykh I.A. *Sources of tax law of the Russian Federation: essence, classification, principles of action*, Cand. Diss., Yekaterinburg, 2009. 284 p. (In Russ.).
3. Karaseva M.V. Some trends of development of modern financial regulation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2014, no. 4, pp. 74–79. (In Russ.).
4. Marchenko M.N. Judicial precedent: different concepts and forms of manifestation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 6, pp. 96–107. (In Russ.).
5. Golovkin A.V. *VAT precedents, binding for tax authorities and taxpayers*. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 112 p. (In Russ.).
6. Demin A.V. *The principle of certainty of tax law*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2015. 368 p. (In Russ.).
7. Bondar' N.S. *Constitutionalization of social and economic development of the Russian statehood (in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)*. Moscow, Vikor-Media Publ., 2006. 223 p. (In Russ.).
8. Kobzar-Frolova M.N. Sources of tax law and sources of legislation on taxes and fees: theoretical and legal characteristics. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2012, no. 7, pp. 22–25. (In Russ.).
9. Sasov K.A. *Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the area of taxation*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. 324 p. (In Russ.).
10. Iakushev A.O. Sources of Tax Law: New Approaches to Study. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2009, no. 2, pp. 34–37. (In Russ.).
11. Taribo E.V. Limits of participation of the judicial authorities in procedures of lawmaking. *Nalogoved*, 2011, no. 5, pp. 12–17. (In Russ.).
12. Demin A.V. *Uncertainty in tax law and ways of overcoming*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 2014. 452 p. (In Russ.).
13. Lang M., Pistone P., Rust A., Schuch J., Staringer C., Storck A. (eds.). *CJEU - Recent Developments in Direct Taxation 2015*, Series on International Tax Law, Vol. 100. Vienna, Linde Publ., 2016. 200 p.
14. Lang M., Pistone P., Rust A., Schuch J., Staringer C., Storck A. (eds.). *CJEU - Recent Developments in Direct Taxation 2016*, Series on International Tax Law, Vol. 103. Vienna, Linde Publ., 2017. 248 p.
15. Cotrut M. (ed.). *ECJ Direct Tax Compass 2017*. IBFD, 2017. 984 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Карина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: karinaponomareva@gmail.com
ResearcherID: N-7562-2016

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karina A. Ponomareva – PhD in Law, Associate Professor, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: karinaponomareva@gmail.com
ResearcherID: N-7562-2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономарева К.А. Судебный прецедент как источник налогового права / К.А. Пономарева // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 20–24. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).20-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponomareva K.A. Judicial precedent as a source of tax law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 20–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).20-24. (In Russ.).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

С.В. Иванов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Рассматривается ряд проблем юридического регулирования и правоприменительной практики в сфере реализации института конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Ключевые слова

Ответственность, преступление, государственное единство, территориальная целостность, конституционная ценность

CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST STATE UNITY AND TERRITORIAL INTEGRITY OF RUSSIA

Svyatoslav V. Ivanov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 15

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to the issues of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation.

The purpose of the article is to reveal the actual problems of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, comparative method, description) as well as particular academic methods (formal-legal method, interpretation of legal acts).

Keywords

Responsibility, crime, state unity, territorial integrity, constitutional value

Results, scope. The article contains the analysis of the position of the state unity and territorial integrity of the Russian Federation among the objects of constitutional legal and criminal legal support. The specific features of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of Russia are determined. Actual problems of constitutional legal responsibility of the President of the Russian Federation, Russian citizens, refugees, electoral candidates for crimes against its state unity and territorial integrity are revealed.

Conclusions. It is necessary to improve the current constitutional legislation in order to eliminate the existing problems of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation. For this purpose it is necessary to add the grounds for impeachment of the President of the Russian Federation by the fact of commission of crime against its state unity and territorial integrity. It is also necessary to eliminate the legal inequality of citizens formed as a result of the introduction of constitutional and legal responsibility of naturalized citizens for committing crimes defined by law.

1. Введение

Институт конституционно-правовой ответственности стремительно развивается, но остается недостаточно исследованным компонентом отечественного конституционного права. На практике обеспечение конституционных ценностей отраслевыми средствами (в частности, уголовно-правовыми) становится недостаточно эффективным без надлежащего применения мер конституционно-правового принуждения, среди которых ключевым значением обладает именно конституционно-правовая ответственность. Одним из актуальных вопросов в современной конституционно-правовой науке является проблематика конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

2. Государственное единство и территориальная целостность Российской Федерации как объекты конституционно-правового обеспечения

Государственное единство Российской Федерации проявляется в конституционной неделимости государственной власти России и характеризуется ее единством, а также наличием единого и исключительного ее источника – многонационального народа Российской Федерации. В свою очередь, территориальная целостность России проявляется в нерушимости ее государственных границ, неотчуждаемости государственной территории [1, с. 92].

В свою очередь, территориальная целостность России проявляется в нерушимости ее государственных границ, неотчуждаемости государственной территории – пространственного предела действия государственного суверенитета Российской Федерации в пределах ее государственных границ, включающего в себя сушу, воды, недра и воздушное пространство (ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»¹).

В этом качестве государственное единство России и ее территориальная целостность являют собой теснейшим образом взаимосвязанные конституционные ценности – притом приоритетные, т. е. обладающие ведущим значением в обеспечении наивысшей конституционной ценности – прав и свобод человека. Это значение было установлено в правовой позиции Конституционного Суда РФ: «Государственная целостность – важное условие равного правового статуса всех граждан независимо от места их проживания, одна из гарантий их конституционных прав и свобод»². Сказанное означает приоритетное положение государственного единства и территориальной целостности России среди отечественных конституционных ценностей.

Данные конституционные ценности обеспечиваются системой специальных конституционно-правовых гарантий. В их числе прежде всего следует выделять конституционно-правовые гарантии государственного единства Российской Федерации:

- 1) конституционно-правовые гарантии высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства;
- 2) конституционное закрепление статуса многонационального народа Российской Федерации в качестве носителя и единственного источника власти в России;
- 3) конституционно-правовой режим государственного языка Российской Федерации;
- 4) конституционно-правовые основы национальной идеологии Российской Федерации;
- 5) конституционно-правовые гарантии реального волеизъявления многонационального народа Российской Федерации;
- 6) оптимальное разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами;

¹ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая.

² Постановление Конституционного Суда от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований

на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

7) самостоятельное осуществление субъектами Российской Федерации принадлежащих им полномочий;

8) учет мнения субъектов Российской Федерации в процессе конституционного законотворчества и федерального нормотворчества по вопросам совместного ведения;

9) конституционно-правовые гарантии принципа разделения государственной власти и принципа единства государственной власти как свойства суверенитета;

10) согласительные процедуры;

11) конституционно-правовые гарантии единства экономического пространства;

12) выравнивание уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации;

13) федеральное вмешательство.

Среди конституционно-правовых гарантий территориальной целостности Российской Федерации следует выделять следующие:

1) конституционное закрепление субъектного состава Российской Федерации и запрета сецессии;

2) территориальная целостность субъектов Российской Федерации;

3) запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Вместе с тем совершение преступлений, направленных на нарушение государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, влечет за собой установленную уголовным законом ответственность. Тем самым данные конституционные ценности подлежат не только конституционно-правовому, но и уголовно-правовому обеспечению (охране) [2].

3. Государственное единство и территориальная целостность Российской Федерации как объекты уголовно-правовой охраны

В УК РФ³ прямо не упоминается понятие «единство». Вместе с тем в нем закреплены составы преступлений, направленных на нарушение территориальной целостности: это вооруженный мятеж (ст. 279), поскольку среди целей данного общественно опасного деяния прямо закреплено нарушение территориальной целостности (наряду со свержением либо насильственным изменением конституционного строя, что непосредственно связано с

угрозой государственному единству), а также публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1).

Нарушение территориальной целостности следует отличать от посягательства на неприкосновенность государственной границы Российской Федерации, которая выступает объектом состава противоправного изменения государственной границы Российской Федерации (ст. 323). Между тем, исходя из официальной дефиниции государственной границы Российской Федерации, она представляет собой линию и проходящую по ней вертикальную поверхность, определяющую пределы государственной территории России (ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»). Сказанное позволяет прийти к выводу, что посягательство на неприкосновенность государственной границы Российской Федерации может рассматриваться в качестве одной из форм нарушения территориальной неприкосновенности (но не территориальной целостности) Российской Федерации [3, с. 46].

Однако было бы в корне неверным на основании отсутствия в отечественном уголовном законе буквального упоминания государственного единства утверждать, что в УК РФ не нашлось места составам преступлений, объектом которых выступают общественные отношения в сфере обеспечения этой конституционной ценности. Исходя из сформулированного выше определения государственного единства Российской Федерации, к числу преступлений против связанных с обеспечением этой ценности общественных отношений можно отнести все общественно опасные деяния, покушающиеся на такие оговоренные в Конституции РФ незыблемые основы конституционного строя, как народовластие (ст. 3), исключительность суверенитета Российской Федерации (имеющего одним из своих свойств государственное единство России [4, с. 11]) (ч. 1 ст. 4), государственная целостность, единство системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), разделение государственной власти на ветви (ст. 10, 11), недопустимость создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых носят экстремистский характер, тем самым подрывающих единство многонационального народа Российской Федерации и другие составляющие государственного единства, целостность России (ч. 5 ст. 13).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г., с изм. от 25 ап-

реля 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Следует оговорить, что Конституция РФ в ст. 13 не содержит упоминаний об экстремистской деятельности, однако именно об организациях экстремистского толка говорится в ее ч. 5, исходя из системного толкования данного конституционного положения и официальной дефиниции экстремистской деятельности, сформулированной в п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁴ (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Исходя из этого можно с логической последовательностью прийти к выводу, что все преступления, имеющие своим объектом общественные отношения в сфере обеспечения основ конституционного строя в целом, могут быть отнесены к числу преступлений, направленных на нарушение государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. В связи с этим следует задать вопрос: относятся ли к преступлениям против государственного единства и территориальной целостности все общественно опасные деяния, составы которых закреплены в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»? Ответ на этот вопрос не может быть получен без соотношения понятий «государственное единство», «территориальная целостность» и «государственная (национальная) безопасность».

В частности, общеизвестно, что непосредственным объектом государственной измены (ст. 275 УК РФ) выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Можно ли рассматривать среди объектов данного преступления общественные отношения, связанные с гарантированием государственного единства и территориальной целостности России?

Согласно действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁵ под последней понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается ряд правовых и социально-экономических ценностей, среди которых упомянута «государственная и территориальная целостность» (абз. 2 п. 6). К основным угрозам государственной и общественной безопасности

Стратегия относит, в частности, деятельность радикальных общественных объединений и группировок, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации (абз. 4 п. 43, п. 79), а для предотвращения данных угроз Российская Федерация проводит политику укрепления внутреннего единства российского общества, включая историческое и культурное единство народов России (п. 26, 78, 82). Следовательно, официально признана глубокая взаимозависимость государственной (национальной) безопасности, государственного единства и территориальной целостности, при этом национальная безопасность рассматривается в качестве более широкого понятия.

Представляется, что в этом отношении следует поддерживать позицию С.Н. Бабурина, включающего территориальную целостность в число элементов безопасности территории [5, с. 65]. Исходя из вышесказанного, покушение на государственную (национальную) безопасность в целом может распространяться на отдельные ее аспекты, в том числе единство многонационального народа Российской Федерации, иные элементы государственного единства, территориальную целостность.

В связи с этим совершение всякого угрожающего государственной безопасности преступления, могущего послужить складыванию условий, способных привести «к дестабилизации обстановки в государстве и его дальнейшему распаду» [6, с. 6], следует рассматривать как покушение на государственное единство Российской Федерации и ее территориальную целостность как важнейшие конституционные ценности. Поэтому мы придерживаемся позиции Н.В. Остроухова, рассматривающего территориальную целостность среди основных объектов преступлений, посягающих на безопасность государства [6].

Представляется также, что, поскольку идеология и практика терроризма предполагают воздействие на принятие решения органами государственной власти (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»⁶, далее – ФЗ «О противодействии терроризму»), преступления террористи-

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23 ноября 2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁵ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федера-

ции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁶ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

ческой направленности также направлены на подрыв не только общественной и национальной безопасности, но и государственного суверенитета, имеющего одним из своих неотъемлемых свойств единство государственной власти, а в ряде случаев – и территориальной целостности. По этой причине к числу преступлений против государственного единства следует относить террористический акт и иные способствующие распространению идеологии и практики терроризма общественно опасные деяния в понимании, выявленном в ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1⁷. Это преступления, предусмотренные ст. 205–206, 208, 211 (ч. 4), 277–280, 282.1–282.3 УК РФ. Законодатель относит к числу преступлений террористической направленности также деяния, предусмотренные ст. 220, 221, 360 и 361 УК РФ, однако к числу их объектов нельзя причислить государственное единство и территориальную целостность, а лишь общественную безопасность в сфере оборота ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 220, 221), интересы мира (ст. 360, 361) и некоторые дополнительные объекты – жизнь, здоровье граждан, личность, отношения собственности [7, с. 114, 117, 690].

В связи с этим следует отметить, что отсутствие прямого упоминания государственного единства и территориальной целостности среди объектов преступления в соответствующих составах общественно опасных деяний террористической направленности не помешало Верховному Суду РФ сформулировать правовую позицию о том, что среди целей незаконного вооруженного формирования согласно ст. 208 УК РФ могут наличествовать совершение террористических актов, насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности Российской Федерации (абз. 2 п. 23 вышеуказанного Постановления).

Исходя из вышесказанного, возможно классифицировать указанные в УК РФ преступления, посягающие на государственное единство и территориальную целостность, по следующим основаниям:

1. В зависимости от объекта преступления:

1. Преступления против государственного единства Российской Федерации: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282).

2. Преступления против территориальной целостности Российской Федерации – публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1).

3. Преступления, посягающие равно на государственное единство и территориальную целостность России как основы конституционного строя и компоненты национальной безопасности. Это преступления против национальной безопасности Российской Федерации, совершение которых служит складыванию условий для нарушения ее государственного единства и территориальной целостности: террористический акт (ст. 205); содействие террористической деятельности (ст. 205.1); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3); организация террористического сообщества или участие в нем (ст. 205.4); организация деятельности террористической организации и участие в ее деятельности (ст. 205.5); несообщение о преступлении (ст. 205.6); захват заложника (ст. 206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженный с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности (ч. 4 ст. 211); государственная измена (ст. 275); шпионаж (ст. 276); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); вооруженный мятеж (ст. 279); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280); диверсия (ст. 281); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3); разглашение государственной тайны (ст. 283); незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284); осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по

уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

II. В зависимости от характера и степени общественной опасности:

1. Особо тяжкие преступления (ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4 (ч. 1), 205.5, 206 (ч. 2–4), 208, 211 (ч. 4), 275–279, 281, 282.1 (ч. 3), 282.2 (ч. 3));

2. Тяжкие преступления (ст. 205.2 (ч. 2), 205.4 (ч. 2), 206 (ч. 1), 282 (ч. 2), 282.1 (ч. 1–2), 282.2 (ч. 1–2), 282.3, 283 (ч. 2), 283.1 (ч. 2), 284.1);

3. Преступления средней тяжести (ст. 205.2 (ч. 1), 280, 280.1, 282 (ч. 1), 283 (ч. 1), 283.1 (ч. 1));

4. Преступления небольшой тяжести (ст. 205.6, 284).

4. Современное состояние института конституционно-правовой ответственности

Институт конституционно-правовой ответственности находится на стадии разработки и является, пожалуй, одним из малоразвитых институтов отечественной науки конституционного права. Его наличие в системе конституционного права было доказано лишь в конце XX – начале XXI в. [8, с. 27].

Вместе с тем современные исследователи до сих пор не только отводят на страницах своих трудов место весьма спорным позициям о «позитивной» конституционно-правовой ответственности [9, с. 105–110], но и причисляют к негативной конституционно-правовой ответственности меры, не имеющие своим фактическим основанием совершение конституционного деликта.

Так, С.А. Авакьян относит к конституционно-правовой ответственности роспуск Государственной Думы Президентом РФ [9, с. 120]. Между тем закрытый перечень оснований для такого роспуска устанавливается исключительно Конституцией РФ (ст. 109 (ч. 1), 111 (ч. 4), 117 (ч. 3, 4)). Ни одно из этих оснований не связано с совершением конституционно-правового нарушения. Первый случай связан с повторным (в третий раз) отклонением Государственной Думой представленных Президентом РФ кандидатур Председателя Правительства РФ, второй – с повторным выражением ею недоверия Правительству РФ, третий – с отказом ему в доверии. Всё это – обычные парламентские процедуры, которые не могут быть расценены в качестве деликтов, а лишь как ординарные полномочия федерального парламента.

Между тем юридическая ответственность как особого рода правоотношение имеет в числе своих участников, с одной стороны, обязанного подвергнуться негативным мерам юридического характера правонарушителя (субъект юридической ответственности), а с другой – орган государственной власти или

должностное лицо, уполномоченное применять к первому таковые меры (инстанцию юридической ответственности), т. е. фактическим основанием для возникновения юридической ответственности всегда является совершение правонарушения [10, с. 235].

По этой причине следует отличать конституционно-правовую ответственность от иных форм конституционно-правового принуждения. Это означает, что необходимо правильно определить место конституционно-правовой ответственности в системе конституционно-правового принуждения, которое выступает родовым понятием по отношению к первой.

Иначе говоря, по верному суждению А.И. Казанника, «основанием для привлечения к конституционно-правовой ответственности является наличие в деянии деликтоспособного субъекта конституционных правоотношений объективных и субъективных признаков, образующих состав конституционного правонарушения» [11, с. 130]. Если налицо виновно совершённое деяние субъекта конституционно-правовых отношений, угрожающее общественным отношениям в сфере регулирования конституционных устоев общества и государства, закрепления основ правового статуса индивида, установления системы государственной власти и ее политико-территориальной организации, требуется принятие мер конституционно-правовой ответственности.

К числу мер конституционно-правовой ответственности, таким образом, могут быть отнесены: 1) лишение и аннулирование гражданства, 2) лишение и аннулирование политического убежища, 3) расформирование избирательной комиссии, 4) лишение аккредитации иностранных наблюдателей на выборах, 5) ликвидация политических партий, религиозных и общественных объединений, 6) досрочное прекращение полномочий органа (должностного лица) государственной власти или местного самоуправления [11, с. 132–140]. Все прочие меры конституционно-правового принуждения носят предупредительный, пресекающий, восстановительный характер [8]. Нетрудно заметить, что далеко не все приведенные меры конституционно-правовой ответственности наступают за совершение общественно опасного деяния.

5. Специфические признаки конституционно-правовой ответственности за совершение преступления против государственного единства и территориальной целостности России

Объектом общественно опасных деяний, выступающих основаниями для привлечения к конституционно-правовой ответственности, в рамках

настоящей статьи рассматриваются общественные отношения, связанные с обеспечением важнейших (обладающих приоритетным положением в конституционной аксиологической иерархии) конституционных ценностей – государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

При этом основание для привлечения к конституционно-правовой ответственности, связанное с совершением преступления против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, отнюдь не ограничивается фактом совершения деяния, содержащего в себе признаки соответствующего состава преступления. Как правило, для привлечения к той или иной форме конституционно-правовой ответственности в подобном случае требуется предварительное вступление в юридическую силу обвинительного приговора суда общей юрисдикции.

Вместе с тем, по верному замечанию Ю.А. Ливадной, в случае с привлечением к конституционно-правовой ответственности специальных субъектов в лице единоличных органов государственной власти и должностных лиц, обладающих неприкосновенностью, наблюдается обратная последовательность «наступления конституционной и уголовной ответственности за совершение конституционно-правового деликта, одновременно имеющего признаки преступления. Речь идет о том, что в данном случае лицо, наделенное неприкосновенностью, будь то государственный орган (президент) или должностное лицо (депутат, судья), становится субъектом уголовной ответственности только после лишения его специального статуса в ходе применения конституционно-правовых санкций» [12, с. 120].

Исследователь верно подметил: зачастую, помимо факта совершения преступления, среди оснований для привлечения к конституционно-правовой ответственности имеется совпадающий по составу с уголовно наказуемым деянием конституционно-правовой деликт. В частности, как будет показано ниже, натурализовавшееся лицо подлежит конституционно-правовой ответственности в форме отмены решения о принятии в гражданство на основании такого деликта, как сообщение заведомо ложных сведений касательно обязательства соблюдать Конституцию РФ и текущее российское законодательство. При этом к данному конституционно-правовому нарушению законодателем приравнивается факт совершения предусмотренных законом преступлений, установленный вступившим в законную силу обвинительным приговором.

Все преступления против государственного единства и территориальной целостности России, совершение которых выступает одним из оснований конституционно-правовой ответственности, исходя из положений текущего законодательства, совершаются с прямым умыслом.

Субъектом такой конституционно-правовой ответственности всегда выступает физическое лицо, при этом субъект специальный – Президент РФ и иные единоличные органы государственной власти и должностные лица, натурализовавшиеся граждане Российской Федерации, беженцы, единоличные субъекты избирательного процесса.

Инстанциями конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации выступают органы государственной власти – Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Министерство внутренних дел, суды общей юрисдикции и др.

6. Конституционно-правовая ответственность за совершение преступления против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации: актуальные проблемы

6.1. Ответственность Президента РФ

Президент РФ несет конституционно-правовую ответственность в форме отрешения от должности за совершение деяния, содержащего признаки состава государственной измены или иного тяжкого преступления (ст. 93 Конституции РФ).

Это соответствует сложившейся в России форме правления, которую одни исследователи характеризуют как смешанную президентско-парламентскую [11, с. 300], а другие – как суперпрезидентскую [13] республику. Глава государства не несет никакой политической ответственности перед законодательной властью, а лишь юридическую (конституционно-правовую) ответственность за совершение тяжких преступлений.

Инстанцией конституционно-правовой ответственности Президента РФ выступает верхняя палата федерального парламента – Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Государственная Дума лишь выдвигает обвинение против главы государства, в то время как роль высших судов в этом механизме заключается в выработке заключений о наличии в его действиях признаков состава тяжкого преступления (Верховный Суд РФ), о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения (Конституционный Суд РФ). При этом вся процедура должна занимать не более трех месяцев с момента выдвижения обви-

нения до принятия решения об отрешении Президента РФ от должности.

Исследователи отмечают ряд изъянов конструкции института отрешения Президента РФ от должности:

1. Недостаточность оснований для привлечения его к конституционно-правовой ответственности: «Президент РФ вправе безнаказанно совершать умышленные преступления, предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, и неосторожные преступления, за совершение которых предусмотрено более строгое наказание, в том числе преступления, повлекшие гибель двух или более лиц, и оставаться Президентом» [14, с. 22]. Кроме того, глава государства не несет никакой юридической ответственности за нарушение Конституции РФ, федеральных законов, данной им при вступлении в должность присяги [15, с. 27]. Последнее положение играет новыми красками в контексте последних законодательных поправок, согласно которым натурализовавшиеся «простые смертные» несут конституционно-правовую ответственность фактически за нарушение данной ими присяги в форме отмены решения о принятии в гражданство Российской Федерации⁸.

При этом едва ли можно согласиться с исследователями, полагающими конституционным пробелом отсутствие среди оснований импичмента особо тяжких преступлений [16, с. 19], поскольку дальнейшая дифференциация составов преступлений в текущем уголовном законодательстве не должна автоматически влечь за собой все новые конституционные поправки. Это ставило бы стабильность Конституции РФ в зависимость от изменчивого ординарного законотворчества. Вместе с тем вполне допустимой была бы формулировка в ч. 1 ст. 93 Конституции РФ о совершении тяжкого преступления или общественно опасного деяния большей степени тяжести как основании отрешения Президента РФ от должности. Уязвима также позиция о необходимости привлекать главу государства за любое нарушение текущего законодательства, поскольку такой масштаб оснований его конституционно-правовой ответственности не отвечает сложившейся в стране форме правления.

2. Множественность субъектов, участвующих в процедуре импичмента, в сочетании со сверхкоротким сроком реализации механизма конституционно-правовой ответственности делает проведение данной процедуры практически нереализуемым [17, с. 29].

3. Политический фактор – зависимость участников процедуры импичмента непосредственно от фигуры Президента РФ [18, с. 54]. Речь идет не только и не столько о наличии в Государственной Думе Федерального Собрания РФ численно преобладающей правящей партии, сколько об остающейся достаточно высокой роли главы государства в наделении полномочиями и освобождении от должности глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые определяют кандидатуры половины состава Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в представлении Совету Федерации кандидатур для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (п. «е» ст. 83 Конституции РФ). Наконец, с последней конституционной поправкой⁹ глава государства уполномочен непосредственно назначать членов Совета Федерации – представителей Российской Федерации в количестве не более 10 % от числа прочих членов палаты (ч. 2 ст. 95 Конституции РФ). Их голоса могут стать решающими для недопущения конституционно-правовой ответственности Президента РФ на финальном этапе принятия решения верхней палатой.

4. Отсутствие прав следственных органов у специальной комиссии Государственной Думы, образуемой для подготовки решения Государственной Думы о выдвижении обвинения против Президента РФ, притом что в США, к примеру, предусмотрена следственная процедура этого вопроса [14, с. 24].

5. Чрезмерный уровень дискреции палат Федерального Собрания при нормотворчестве в пределах своих регламентов в сфере определения процедурных моментов реализации механизма конституционно-правовой ответственности главы государства в части конкретизации их участия на этапе выдвижения обвинения. Сказанное приводит к тому, что Государственная Дума направляет постановление о выдвижении обвинения против Президента РФ одновременно в Совет Федерации и для дачи заключе-

⁸ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4792.

⁹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4202.

ния в Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ (ч. 10 ст. 180 Регламента Государственной Думы¹⁰).

Вместе с тем допустимость запроса в Конституционный Суд РФ о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления поставлена федеральным законодателем (в лице тех же палат, что принимают собственные регламенты) в зависимости от наличия заключения Верховного Суда РФ о присутствии в действиях главы государства признаков соответствующего преступления (ст. 108 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹¹, далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Сам же запрос в федеральный орган конституционного контроля может быть направлен исключительно Советом Федерации (ст. 107 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Тем самым сформированы все предпосылки для того, чтобы Конституционный Суд РФ закономерно принял заключение о несоблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ (п. «б» ч. 1 ст. 110 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») при полном соблюдении палатами положений собственных регламентов в ходе реализации механизма привлечения главы государства к конституционной ответственности. Таким образом, «без изменения ст. 180 Регламента Государственной Думы установленный порядок выдвижения обвинения в принципе не может быть признан Конституционным Судом РФ соблюденным», а реализация положений гл. XV ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» становится весьма маловероятной [17, с. 30, 31].

Все обозначенные проблемы носят принципиальный характер, что проявляется в практической невозможности привлечения Президента РФ к конституционной ответственности. Особое внимание обращает на себя тот факт, что глава государства как гарант Конституции РФ, призванный предпринимать в случае необходимости меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности (ч. 1, 2 ст. 80 Конституции РФ), не несет никакой юридической ответствен-

ности за совершение таких преступлений, как публичное оправдание и пропаганда терроризма, несообщение о преступлении террористической направленности, публичные призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности Российской Федерации, разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 205.2 (ч. 1), 205.6, 280, 280.1, 283 (ч. 1), 284 УК РФ).

6.2. Ответственность граждан Российской Федерации и беженцев

Конституция РФ прямо исключает возможность введения института конституционно-правовой ответственности граждан в форме лишения их гражданства или права изменить его (ч. 3 ст. 6).

Вместе с тем не исключена конституционно-правовая ответственность в форме отмены решения о принятии в гражданство Российской Федерации по предусмотренным законом основаниям. А согласно последним поправкам в конституционное законодательство круг этих оснований (представление заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений) был расширен фактом отказа заявителя от принесения присяги, а также фактом сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство (ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»¹², далее – ФЗ «О гражданстве РФ»). Последнее из названных оснований может проявляться в совершении натурализующимся лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2 (ч. 2), 205.3–205.5, 206, 208, 211 (ч. 4), 281, 282.1–282.3 и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 277–279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности (ч. 2 ст. 22 ФЗ «О гражданстве РФ»). Нетрудно заметить, что одним из объектов подавляющего большинства перечисленных составов преступ-

¹⁰ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 23 марта 2018 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

¹¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) «О Конституционном

Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

¹² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

лений выступают общественные отношения, связанные с обеспечением государственного единства и территориальной целостности России.

Таким образом, факт совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений лицом, принятым в российское гражданство и принесшим присягу, с точки зрения отечественного конституционализма, выступает одной из форм сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство. Данное конституционно-правовое обязательство непосредственно связано с институтом присяги лица, приобретающего гражданство Российской Федерации (ст. 11.1 ФЗ «О гражданстве РФ»). Следовательно, основанием конституционно-правовой ответственности натурализовавшегося лица фактически является нарушение принесенной после принятия решения о приобретении заявителем гражданства Российской Федерации присяги в части принятия обязательства соблюдать Конституцию и законодательство России.

Нарушение присяги как основание конституционно-правовой ответственности натурализовавшихся граждан ставит их в неравное положение с прочими гражданами Российской Федерации в зависимости от основания приобретения гражданства, что противоречит конституционному принципу равенства граждан (ч. 1 ст. 6 Конституции РФ). Ведь конституционная обязанность соблюдать Конституцию РФ и текущее законодательство распространяется в равной степени на всех российских граждан (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), но негативные последствия в форме конституционно-правовой ответственности почему-то распространяются лишь на натурализующихся лиц, принесших присягу. При этом далеко не каждый заявитель обладает обязанностью принесения присяги – от нее освобождены не только несовершеннолетние, недееспособные и неспособные по состоянию здоровья заявителя, но и любые категории лиц, самостоятельно определенные Президентом РФ (ч. 2 ст. 11.1 ФЗ «О гражданстве РФ»).

Исходя из сказанного субъект конституционно-правовой ответственности – дееспособное совершеннолетнее на момент принесения присяги лицо, принятое в гражданство Российской Федерации и впоследствии принесшее присягу, в отношении которого судом установлен факт сообщения заведомо

ложных сведений касательно обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство Российской Федерации. При этом законодатель объективно закрепил положение о том, что установленный приговором факт совершения хотя бы одного из вышеуказанных преступлений лишь «*приравнивается*» к установлению судом факта сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и текущее законодательство (ч. 2 ст. 22 ФЗ «О гражданстве РФ»). Следовательно, не исключена возможность иной формы судебного установления такого факта.

Инстанцией данной формы конституционно-правовой ответственности выступает Президент РФ либо Министерство внутренних дел (ст. 23 ФЗ «О гражданстве РФ»).

Данное нововведение напоминает конституционную обязанность советских граждан «с достоинством нести высокое звание советского гражданина», нарушение которой могло повлечь за собой лишение гражданства в случае совершения действий, порочащих это высокое звание и наносящих ущерб «престижу или государственной безопасности СССР» (ст. 18 Закона СССР «О гражданстве СССР»¹³). Но, в отличие от современного конституционализма, в СССР данная обязанность была равной и не предполагала ее наступление после принесения специальной присяги, т. е. возникновение в результате волеизъявления отдельной категории граждан – некоторых натурализующихся лиц.

Политические основания проведенной реформы конституционно-правового института гражданства Российской Федерации в части ответственности натурализовавшихся граждан очевидны. Возвращение в страну граждан Российской Федерации, отправившихся в регионы с повышенной террористической активностью пополнять ряды членов радикальных исламистских террористических структур, стало крупномасштабной угрозой национальной безопасности [19, с. 50]. О необходимости перекрыть каналы въезда и выезда террористов из России Президент РФ В.В. Путин говорил, выступая на заседании Коллегии ФСБ России, еще в марте 2015 г.¹⁴ Ситуация осложнена тем, что конституционный запрет лишения гражданства относится к основам конституционного строя Российской Федерации и может быть пересмотрен лишь путем принятия но-

¹³ Закон СССР от 1 декабря 1978 г. № 8497-IX «О гражданстве СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 49. Ст. 816.

¹⁴ Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании коллегии Федеральной службы безопасности 26 марта

вой Конституции (ст. 135 Конституции РФ). В результате на самом высоком уровне неприкрыто совершаются отчаянные попытки обходить Конституцию РФ.

Конституции ряда зарубежных государств прямо закрепляют институт лишения гражданства либо предусматривают возможность его введения (Португалия¹⁵, Италия¹⁶), что соответствует Всеобщей декларации прав человека (ч. 2 ст. 15)¹⁷. Безусловно, особое геополитическое положение России диктует необходимость неуклонного, эффективного обеспечения национальной безопасности. Представляется, что дальнейшее развитие отечественного конституционализма в части института российского гражданства должно проходить в одном из двух направлений – либо путем отмены сомнительного института конституционно-правовой ответственности некоторых натурализованных лиц за фактическое нарушение данной ими присяги, либо путем закрепления института лишения гражданства в строго определенных Конституцией РФ случаях, связанных с исходящей от гражданина воплощенной в конкретных деяниях угрозой национальной безопасности, единству и территориальной целостности страны.

Беженцы несут конституционно-правовую ответственность в форме лишения статуса беженца на основании вступившего в силу приговора суда за совершение преступления на территории Российской Федерации вне зависимости от объекта, характера и степени общественной опасности такого деяния (пп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона «О беженцах»¹⁸). Инстанцией конституционно-правовой ответственности в данном случае выступает Министерство внутренних дел¹⁹. Вступление соответствующего приговора было в 2004 г. исключено из числа оснований такой конституционно-правовой ответственности, как лишение статуса вынужденного переселенца²⁰.

6.3. Ответственность зарегистрированного кандидата на выборах

Кандидат на выборах несет конституционно-правовую ответственность за совершение предусмотренных законодателем преступлений, факт которого должен быть установлен вступившим в юридическую силу приговором суда, ввиду утраты пассивного избирательного права.

Конституция РФ в этом вопросе категорична: она закрепила закрытый перечень оснований ограничения субъективного избирательного права в ст. 32 (ч. 3). Активного и пассивного избирательного права лишены те граждане Российской Федерации, которые были признаны недееспособными в судебном порядке, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Вместе с тем федеральный законодатель существенно расширил круг оснований для ограничения пассивного избирательного права, связанных с нарушением уголовного закона. Согласно действующему федеральному законодательству не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, не только содержащиеся в местах лишения свободы, но и имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в случае, если эти граждане были приговорены к лишению свободы. Кроме того, после снятия или погашения подобной судимости такой гражданин остается лишенным избирательного права в течение определенного законодателем срока. Наконец, не имеет права быть избранным гражданин, осужденный «за совершение преступлений экстремистской направленности» при наличии на день голосования на выборах неснятой или непогашенной судимости – если такие преступления не относятся к числу тяжких или особо тяжких (пп. «а» – «б» п. 3.2 ст. 4 Федераль-

2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49006>.

¹⁵ Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 754.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (ред. от 22 декабря 2014 г.) «О беженцах» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 3 мая 2018 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внут-

ренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52 (Ч. V). Ст. 7614.

²⁰ Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607.

ного закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²¹, далее – ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...»).

Зарегистрированный кандидат лишается своего статуса в случае утраты пассивного избирательного права по этим (или иным) основаниям в ходе аннулирования регистрации кандидата зарегистрировавшей его избирательной комиссией либо отмены решения о его регистрации судом (п. 3, пп. «а» п. 7 ст. 76 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...»). Таким образом, эти государственные органы выступают инстанциями конституционно-правовой ответственности кандидата.

Законодатель не совсем последователен, употребляя формулировку «преступления экстремистской направленности», что вынуждает исследователя и правоприменителя обращаться к ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ФЗ «О противодействии терроризму». В первом из названных законов не перечислены составы преступлений, причисляемых законодателем к числу экстремистских. В связи с этим авторы постатейного комментария к ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» относят к их числу вышеперечисленные составы, указанные в ч. 1 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» [20]. Вместе с тем в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» ясно выражено, что к экстремизму относимы все преступления, совершённые по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что, безусловно, угрожает единству многонационального народа России). К таким преступлениям согласно действующему уголовному закону относятся и квалифицированные виды убийства, причинения вреда здоровью разной степени тяжести, побоев, истязания, хулиганства и др. Однако едва ли можно рассматривать общественные отношения по обеспечению государственного единства в целом объектом таких общественно опасных деяний.

²¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 18 апреля 2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона

Конституционный Суд РФ признал соответствующим Конституции данное ограничение пассивного избирательного права постольку, поскольку оно не будет являться бессрочным и недифференцированным²².

Вместе с тем ученые по-разному оценивают закрепление в текущем законодательстве таких оснований конституционно-правовой ответственности зарегистрированных кандидатов на выборах. Так, Н.Е. Таева полагает, что это соответствует положениям ст. 2, 18, 19, 32, 50, 55 Конституции РФ [21, с. 1088]. Е.А. Лукьянова же, напротив, решительно восклицает: «Каким должно быть неуважение и пренебрежение к Конституции, чтобы недрогнувшей рукой вопреки закрытому перечню ограничений активного избирательного права, установленному Основным Законом (ч. 3 ст. 32), подписать изменения в избирательное законодательство, расширяющее эти ограничения на время после отбытия уголовного наказания и на административные взыскания?!» [22, с. 8]. Трудно спорить с тем, что Конституция РФ (ч. 3 ст. 32 в буквальном толковании) не предполагает расширения перечня оснований для ограничения субъективного избирательного права усилиями федерального законодателя.

7. Заключение

Необходимо совершенствование действующего конституционного законодательства с целью устранения сложившихся проблем конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. Для этого следует дополнить круг оснований для отрешения Президента РФ от должности фактом совершения им преступления против определенных объектов вне зависимости от характера и степени общественной опасности. Так, нахождение в должности главы государства несовместимо с совершением преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. Недопустима ситуация, когда Президент РФ официально призван предпринимать меры по охране суверенитета и территориальной целостно-

“Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5622.

сти Российской Федерации, но не подлежит конституционно-правовой ответственности за публичные призывы к нарушению территориальной целостности или совершению экстремистских действий.

Необходимо также устранить сложившееся неравенство граждан в зависимости от основания приобретения гражданства: исключительно натурализовавшиеся лица, принесшие присягу, несут конституционно-правовую ответственность фактически за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Россий-

ской Федерации и совершение некоторых других общественно опасных деяний.

Наконец, едва ли можно согласиться с таким основанием конституционно-правовой ответственности зарегистрированных на выборах кандидатов, как отсутствие пассивного избирательного права ввиду истечения установленных законодателем сроков после снятия или погашения судимости. Представляется, что данное ограничение субъективного избирательного права исходит из чрезмерно широкого толкования положений ст. 32 Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов С.В. Обеспечение единства и территориальной целостности России: отдельные конституционно-правовые проблемы / С.В. Иванов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 91–103. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103.
2. Иванов С.В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий / С.В. Иванов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 2 (47). – С. 68–74.
3. Соколова О.В. Вопросы ответственности за преступления против порядка управления / О.В. Соколова. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 98 с.
4. Алехина Н.В. К вопросу о государственном суверенитете Российской Федерации / Н.В. Алехина // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 10. – С. 11–13.
5. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 480 с.
6. Остроухов Н.В. О понятии «территориальная целостность государств» как основном объекте преступлений, посягающих на безопасность государства / Н.В. Остроухов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1. – С. 3–6.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2016. – Т. 2. – 2016. – 792 с.
8. Володько И.А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Володько. – Омск, 2015. – 215 с.
9. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – Т. 1. – 864 с.
10. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
11. Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – Т. 1. – 400 с.
12. Ливадная Ю.А. Некоторые аспекты соотношения понятий конституционно-правового деликта и преступления / Ю.А. Ливадная // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 117–124. – DOI: 10.12737/20908.
13. Fish M.S. The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics / M.S. Fish // Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance / Ed. V. Sperling. – Boulder: Westview Press, 2000. – P. 177–192.
14. Якубов А.Е. Еще раз об отрешении Президента РФ от должности и уголовном праве / А.Е. Якубов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 20–24.
15. Авакьян С.А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1998. – № 1. – С. 8–40.
16. Трофимова Г.А. Основания конституционно-правовой ответственности Президента РФ / Г.А. Трофимова // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1. – С. 17–22.
17. Зыкова Н.С. Отрешение от должности Президента РФ и участие в этой процедуре Конституционного Суда РФ / Н.С. Зыкова // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 29–32.

18. Марино И. Отрешение Президента РФ от должности: разработки, концепции, позиции участников Конституционного совещания 1993 г. / И. Марино // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 5. – С. 47–54.

19. Керимов А.Д. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом / А.Д. Керимов, В.В. Красинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 49–56.

20. Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). – 2-е изд. – 2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Таева Н.Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений / Н.Е. Таева // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 9. – С. 1080–1088.

22. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 15. – С. 4–10.

REFERENCES

1. Ivanov S.V. Maintenance of unity and territorial integrity of Russia: some constitutional legal problems. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 91–103. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103. (In Russ.).
2. Ivanov S.V. The concept and essence of the constitutional-legal guarantees. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 2 (47), pp. 68–74. (In Russ.).
3. Sokolova O.V. *Questions of responsibility for crimes against the order of management*. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 98 p. (In Russ.).
4. Alekhina N.V. On the issue of state sovereignty of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 10, pp. 11–13. (In Russ.).
5. Baburin S.N. *The territory of the state. Legal and geopolitical problems*. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. 480 p. (In Russ.).
6. Ostrouhov N.V. Notion "Territorial integrity of states" as main object of crimes threatening the security of state. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2010, no. 1, pp. 3–6. (In Russ.).
7. Brilliantov A.V. (ed.). *The comment to the Criminal code of the Russian Federation*, itemized, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. 2. 792 p. (In Russ.).
8. Volod'ko I.A. *Constitutional legal coercion in the Russian Federation*, Cand. Diss. Omsk, 2015. 215 p. (In Russ.).
9. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia*, Educational course, in 2 volumes. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2010. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).
10. Alekseev S.S. *Theory of law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p. (In Russ.).
11. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law*, University course, in 2 volumes, 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. 1. 400 p. (In Russ.).
12. Livadnaya Yu.A. Some Aspects of Correlation between Definitions of Constitutional Delict and Crime. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 8, pp. 117–124. DOI: 10.12737/20908. (In Russ.).
13. Fish M.S. The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics, in: Sperling V. (ed.). *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance*. Boulder, Westview Press, 2000, pp. 177–192.
14. Yakubov A.E. One More Time On Removal Of The President From Office And Criminal Law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 7, pp. 20–24. (In Russ.).
15. Avak'yan S.A. The President of the Russian Federation: evolution of constitutional legal status. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*, 1998, no. 1, pp. 8–40. (In Russ.).
16. Trofimova G.A. Grounds for constitutional law responsibility of the President of the RF. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.).

17. Zyкова N.S. Impeachment of the President of the Russian Federation and participation in this procedure of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2006, no. 11, pp. 29–32. (In Russ.).

18. Marino I. Removal of the president of the RF: developments, conceptions, positions of participants of the constitutional meeting of 1993. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2010, no. 5, pp. 47–54. (In Russ.).

19. Kerimov A.D., Krasinskiy V.V. On Neutralization of Threats to Safety, Related to Penetration, to the Territory of the Russian Federation, of Members of International Terroristic Organizations and Involvement of Russian Citizens in Terroristic Activity Abroad. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 6, pp. 49–56. (In Russ.).

20. Ignatov S.L. *Comment to the Federal law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation"*, itemized, 2nd ed. 2014. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).

21. Taeva N.E. On the question of constitutionality of norms limiting the passive suffrage of citizens who have ever been sentenced to imprisonment for committing serious and (or) especially grave crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2013, no. 9, pp. 1080–1088. (In Russ.).

22. Luk'yanova E.A. Some problems of the Constitution of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 15, pp. 4–10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Святослав Вячеславович – преподаватель кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-код: 3849-1200; AuthorID: 915577

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svyatoslav V. Ivanov – lecturer, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-code: 3849-1200; AuthorID: 915577

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванов С.В. Конституционно-правовая ответственность за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности России / С.В. Иванов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 25–39. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).25-39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanov S.V. Constitutional legal responsibility for crimes against state unity and territorial integrity of Russia. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 25–39. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).25-39. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).40-47

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ

М.В. Бавсун, И.А. Белецкий

Омская академия МВД России, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
15 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –
20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –
20 августа 2018 г.

Ключевые слова

Уголовная ответственность,
принципы уголовного права,
злоупотребление правом,
пределы уголовно-правового
регулирования, избыточность
норм, оказание услуг,
производство работ, нарушение
правил безопасности

На примере реализации ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг рассматривается такое негативное явление российской правовой действительности, как злоупотребление уголовно-правовыми нормами. Доказывается, что такое злоупотребление представляет собой применение уголовного закона в нарушение определенных для него задач, установленных взаимосвязанными положениями ст. 2 УК РФ и ст. 6 УПК РФ. Утверждается, что возможность применения уголовного права во вред охраняемым интересам граждан и в нарушение конституционных принципов обусловлена рядом факторов: 1) размытием пределов уголовно-правового воздействия в сфере обеспечения безопасности при производстве работ или оказании услуг; 2) отсутствием изоморфизма уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность в названной сфере общественных отношений, – и, как следствие, несогласованностью разноотраслевых норм. Делается вывод, что законодатель игнорирует требование системности правового регулирования, поскольку идентичные правонарушения могут получать как уголовно-правовую, так и административно-правовую оценку.

ABUSE OF CRIMINAL LEGAL NORMS DURING THE REALIZATION OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION THE SAFETY RULES IN THE PRODUCTION OF WORKS AND RENDERING OF SERVICES

Maxim V. Bavsun, Ilya A. Beletskiy

Omsk Academy of the MIA of Russia, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 15

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

Keywords

Criminal liability, principles
of criminal law, abuse of law,
limits of criminal law regulation,
redundancy of norms, provision
of services, work, violation of
safety rules

The subject. The article is devoted to analysis of abuse of public rights in the sphere of criminal prosecution for violation the safety rules.

The purpose of the article is to identify the condition and prerequisites for abuse of public rights in the sphere of criminal prosecution for violation the safety rules.

Methodology. The authors use theoretical analysis and synthesis as well as legal methods including formal legal analysis, interpretation of legal acts and adjudications.

Results, scope of application. It is proved that such abuse is the application of the criminal law in controversy with its specific tasks, established by the interrelated provisions of art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation and art. 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The possibility of applying criminal law to the detriment of the protected interests of citizens and in violation of constitutional principles is due to a number of factors: first, the blurring of the limits of criminal law impact in the field of security in the production of works or services, and secondly, the lack of isomorphism of criminal law norms providing for liability in the named sphere of public relations and, as a consequence, the lack of coordination of sectoral norms.

Conclusions. Conditions for abuse the public rights in criminal sphere indicate that the legislator ignores the requirement of systematic legal regulation, since identical offenses can receive both criminal law and administrative legal assessment.

1. Введение

Конституция РФ провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), а также равенство перед законом и судом (ч. 1 ст. 19). Положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не могут толковаться как означающие, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции (ст. 17)¹.

Эти взаимосвязанные положения образуют общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, о котором тем не менее чаще говорят в контексте гражданского права (именно в гражданском законодательстве напрямую сказано о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ²)). Вместе с тем при таком узкоотраслевом понимании принципа недопустимости злоупотребления правом не учитывается современное состояние правовой действительности Российской Федерации, в частности ее публично-правовая составляющая.

2. Злоупотребление правом при реализации публичного интереса

Абсолютно справедливым является высказывание А.Я. Курбатова о том, что «вопрос о злоупотреблении правом может возникнуть при нарушении как частных, так и публичных интересов во всех сферах правового регулирования» [1, с. 37]. Эту идею поддерживает М.А. Кауфман, который в качестве постановки вопроса рассматривает некоторые проблемы, связанные со злоупотреблением уголовным правом [2]. Мы абсолютно солидарны с учеными в том, что злоупотребление правом возможно в сфере уголовно-правового воздействия [3–9], и, продолжая начатую дискуссию, отметим, что одной из наиболее

подверженных злоупотреблениям уголовным правом является сфера обеспечения безопасности при производстве работ или оказании услуг.

3. Причины распространения злоупотребления правом в сфере обеспечения безопасности при производстве работ или оказании услуг

Такая ситуация обусловлена несколькими факторами.

3.1. Уголовно-правовое воздействие в сфере обеспечения безопасности при производстве работ или оказании услуг не имеет четко установленных пределов. Это выражается в том, что аналогичные по своей сути правонарушения получают разную квалификацию, причем не только в рамках УК РФ³. Такое «вольное» применение закона стало возможным из-за несогласованности между собой уголовно-правовых норм.

Ответственность за аналогичные по сути преступления в указанной сфере предусмотрена большим числом норм (ст. 143, 216, 217, 238, 269 УК РФ и др.). Названные составы преступлений, как правило, сконструированы одинаково – неосторожные преступления с материальным составом [10].

Имеющаяся судебная практика свидетельствует о том, что за *идентичные преступления* виновных осуждают то по соответствующей части ст. 143 УК РФ, то по ст. 216 УК РФ или даже по ст. 109 УК РФ. В этом случае можно обоснованно утверждать о нарушении принципов справедливости и равенства перед уголовным законом, которое зачастую является сопутствующим злоупотреблению правом. Как по форме вины, так и по карательному потенциалу названные составы преступлений практически идентичны, однако, во-первых, хоть и небольшие, но все-таки отличия в их санкциях имеются, во-вторых, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 143 УК РФ, подсудны мировому судье, ч. 1 ст. 216 УК РФ – районному суду. Дисбаланс очевиден.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Наиболее ярко нарушение основополагающих принципов уголовного права проявляется при применении ст. 238 УК РФ, а также ст. 217 УК РФ. Конструкция первой из названных статей позволяет привлекать к уголовной ответственности за административные (по своей сути и характеру опасности) правонарушения – практически невозможно провести отграничение ч. 1 ст. 238 УК РФ от ст. 6.6 КоАП РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к организации питания населения» или от административных правонарушений в области дорожного движения⁴.

То же касается и состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 217 УК РФ, и правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 9.1 КоАП РФ. Очень сложно установить разницу между «нарушением правил безопасности... которое *могло повлечь смерть человека*» (ч. 1 ст. 217 УК РФ) и «нарушением требований безопасности, приведшем к возникновению *непосредственной угрозы жизни или здоровью людей*» (примеч. 1 к ст. 9.1 КоАП РФ).

Очевидно, что речь идет о недостатках законодательной техники при описании составов правонарушений, предусмотренных названными нормами, а также нарушении системности правового регулирования, которые являются одним из условий, благоприятствующих нарушениям принципов правового регулирования.

3.2. Негативное влияние на «чистоту» уголовно-правового регулирования оказывает неясность вопроса о форме вины ряда преступлений. До сих пор среди ученых нет согласия о том, каким по форме вины является преступление, предусмотренное ст. 217 УК РФ. Даже Конституционный Суд РФ не дал прямого ответа на вопрос заявителя о том, является ли оспариваемая норма соответствующей Конституции в той мере, в которой ее конструкция предполагает возможность произвольного определения формы вины⁵.

Схожие проблемы складываются и в связи с применением ст. 238 УК РФ. Одно из достаточно известных уголовных дел расследовалось в отношении врача-гематолога Елены Мисюриной. Суд пригово-

рил ее к двум годам лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, за то, что после проведенной ею операции (трепанобиопсии) скончался пациент (изначально следственные органы вменяли ей преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ)⁶. Если следовать логике стороны обвинения, то врач, совершая преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, действовала умышленно, т. е. она осознавала общественную опасность своего действия – сознательно неправильно провела забор костного мозга через прокол. Но в таком случае врач не могла не предвидеть неизбежности наступления общественно опасных последствий и если и не желала их наступления, то, во всяком случае, относилась бы к ним безразлично, а тогда необходимо вести речь об умышленном преступлении против личности.

Конструкция состава преступления с двойной формой вины (п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ), с одной стороны, предполагает, что профессионал осознает общественную опасность нарушения правила безопасности и при этом предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (легкомыслие), либо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть (небрежность) [11, с. 58]. Следует отметить, что небрежное отношение к последствиям в описанной ситуации при умышленном нарушении правил безопасности вряд ли возможно, поскольку профессионал не может их не предвидеть, а легкомысленное отношение – более реально, но *законодательная конструкция этого вида неосторожности и так подразумевает, что лицо может сознательно нарушать правила, поэтому-то оно и предвидит возможность наступления последствий*. Дело в том, что следование формуле «предвидишь вероятный вред – откажись от действия, чреватого им» возможно далеко не всегда. По справедливому утверждению

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение

его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Бурлакова Д. Что надо знать о деле врача Елены Мисюриной // ТАСС. 2018. 29 января. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4911080>. Впоследствии приговор был отменен.

М.С. Гринберга, такое следование исключило бы, например, врачебную или инженерную деятельность [12, с. 133].

В связи с этим считаем, что отчасти корень проблемы нарушения принципов уголовного права, которые должны оказывать влияние как на правотворческую, так и на правоприменительную деятельность в ходе реализации различных мер уголовно-правового воздействия, определяя специфику каждой из них [13, с. 8], кроется в искусственно созданной конкуренции норм и, как следствие, размытии пределов регулирования.

3.3. Условием, способствующим злоупотреблению уголовно-правовыми нормами, является возведение в ранг самостоятельного преступления отдельных элементов состава неосторожного преступления.

Такое решение законодателя не является (к сожалению) единичным. Выделение стадий совершения преступления или форм соучастия в самостоятельные уголовно-наказуемые деяния встречается в главе о преступлениях против общественной безопасности. Это объясняется тем, что «некоторые виды подготовительной асоциальной деятельности лиц настолько опасны, что интересы защиты граждан, общества, государства от такой деятельности требуют применения решительных мер на более ранней стадии, когда только создаются условия для совершения преступлений» [14]. С этим, пожалуй, нужно согласиться, но вряд ли можно утверждать, что (хоть и умышленное) управление автобусом с различием в рисунке протектора шины левого внешнего колеса задней оси по сравнению с остальными шинами данной оси, после привлечения по данному факту к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ, настолько опасно, что требует применения мер уголовно-правового воздействия⁷, равно как и перевозка пассажиров на самодельном двухпалубном понтоне, не зарегистрированном в Российском речном регистре или органах ФКУ Центра ГИМС МЧС РФ по субъекту Российской Федерации⁸, не говоря уже о некачественной обработке инвентаря в вагоне-ресторане и обнаружении на нем (инвентаре) бактерий группы кишечной палочки⁹.

⁷ Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 27 сентября 2017 г. по делу № 1-61/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6JRptEUt8Vlc/> (дата обращения: 27.02.2018).

⁸ Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 23 августа 2017 г. по делу № 1-558/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2hP1POj0cv5C/> (дата обращения: 27.02.2018).

И если не возникает сомнения в том, что прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности обоснованно запрещено под страхом назначения наказания, то относительно публично-правовой ответственности за оказание транспортных услуг с нарушением установленных правил так сказать нельзя. Если в одном случае суд находит основания для признания лица виновным в перевозке пассажиров на самодельном двухпалубном понтоне, не зарегистрированном в Российском речном регистре или органах ФКУ Центра ГИМС МЧС России по субъекту Российской Федерации, то в другом – «суд апелляционной инстанции не может согласиться с доводами апелляционного представления о незаконности оправдательного приговора в отношении Г. и достаточности доказательств виновности последнего в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 238 УК РФ, поскольку объектом данного состава преступления являются услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а услугами признается предоставление медицинских, санитарно-эпидемиологических, бытовых, транспортных и иных услуг, пользование которыми создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителя. При этом сам по себе факт оказания таких услуг не всегда создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителей, в то время как наличие данного обстоятельства является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. Уголовную ответственность лица, оказывающего услугу в сфере транспортных услуг на воде, по данной статье влекут не любые нарушения, а лишь те, которые повлекли существенное ущемление прав потребителей и свидетельствующие о достаточно высокой степени общественной опасности для жизни и здоровья потребителя, данное преступление совершается в форме действия путем введения либо достоверно установленного намерения виновного лица ввести потребителя в заблуждение относительно качества услуги, реально представляющей опасность для его жизни или здоровья»¹⁰.

⁹ Приговор Кирсановского районного суда Тамбовской области от 11 сентября 2017 г. по делу № 1-85/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/K1TLbBbmr5VQ/> (дата обращения: 27.02.2018).

¹⁰ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 1 сентября 2017 г. по делу № 22-3924/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CxNCskYE0Plc/> (дата обращения: 28.02.2018).

В результате сложившегося в настоящее время уголовно-правового регулирования субъект производства работ или оказания услуг попадает в ситуацию незнания того, повлечет его поведение уголовную или административную ответственность либо она будет исключена вообще. Применительно к данному тезису еще в 1970-х гг. М.С. Гринберг писал, что условия, в которых живут и работают люди, резко изменились, стали гораздо более сложными, а их психические способности в общем и целом остались прежними, такими же, как и сто, и двести лет назад [15, с. 73]. Что характерно, после указанного периода уже прошло значительное время, а технологический процесс продвинулся многократно вперед, что не скажешь о психике человека. Поэтому проблема несоответствия психофизиологических данных человека сложившейся обстановке также стала более актуальной. Отсюда и доминирующая неопределенность в ее оценке со стороны субъекта правоотношения и, как следствие, усугубившаяся неспособность оценочной теории вины объяснить вменение ответственности в отдельно взятых случаях.

Одним из таких проявлений обозначенной проблемы является ч. 1 ст. 238 УК РФ, которая по идее должна рассматриваться не как самостоятельный состав преступления, а как элемент состава неосторожного преступления. Умышленное нарушение правил безопасности или оказание услуги (выполнение работы), не отвечающей требованиям безопасности, при отсутствии волевого отношения к последствиям (желание их наступления) – это *деяние* в преступлении, совершаемом *по легкомыслию*, состав которого должен быть сконструирован как материальный.

В качестве дополнительной иллюстрации сказанного предположим, что норма, предусмотренная ч. 1 ст. 185 УК РФ «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», будет сконструирована аналогично ч. 1 ст. 238 УК РФ – последствия в виде крупного ущерба будут выведены за рамки состава, перестанут быть его конститутивным элементом. В этом случае уголовно-правовой запрет станет идентичным административно-правовому, установленному в ст. 15.17 КоАП РФ «Недобросовестная эмиссия ценных бумаг». Очевидно, что тогда характер публично-правовых последствий в случае нарушений при эмиссии ценных бумаг, с одной стороны, будет неизвестен виновному (*нарушение принципа правовой определенности*), с другой стороны, даст возможность правоприменителю самостоятельно и произвольно выбирать вид такой ответственности (*злоупотребление правом*).

Пожалуй, единственный случай, когда наличие аналогичных запретов в УК РФ и КоАП РФ может быть признано обоснованным, – это возможность привлечения к административной ответственности **только** юридических лиц. Удачное решение можно наблюдать в нормах ст. 171.2 УК РФ и ст. 14.1.1 КоАП РФ – «Незаконные организация и проведение азартных игр», – когда за правонарушение, аналогичное преступлению, к административной ответственности может быть привлечено только юридическое лицо.

4. Возможность выбора двух видов публично-правовой ответственности как предпосылка злоупотребления правом

Справедливым может показаться возражение о том, что перенос уголовной ответственности за нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг на более ранние стадии будет иметь только положительный эффект, сыграет существенную превентивную роль и поможет предотвратить тяжкие последствия, однако не следует забывать, что правовое регулирование должно отвечать принципу правовой определенности. Вопрос о возможности переноса уголовной ответственности на более ранние стадии совершения *общественно опасного* деяния заслуживает внимания, но в таком случае деяние должно быть действительно общественно опасным (преступлением), а не только лишь противоправным (административным правонарушением), кроме того, необходимо соблюдать и системность правового регулирования – если законодатель принял решение установить уголовную ответственность (без административной преюдиции) за перевозку пассажиров на автомобиле с ненормативным протектором шин, то нужно исключить за это административную ответственность, и наоборот.

В противном случае необходимо говорить о том, что нормотворец создает предпосылки для злоупотребления правом (при возможности выбора двух видов публично-правовой ответственности правоприменитель выбирает более репрессивную – уголовную).

Возможность произвольного выбора между двумя видами публично-правовой ответственности не соответствует и задачам УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина), которые во взаимосвязи с назначением уголовного судопроизводства (защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод) направлены на исключение случаев злоупотребления уголовным правом.

Условием, позволяющим следователю или суду применять уголовный закон, игнорируя его задачи, является несоблюдение принципов правовой определенности и системности правового регулирования, которое проявляется: а) в существовании большого числа норм, предусматривающих ответственность за аналогичные деяния и не дифференцирующих ее; б) в описании признаков элементов состава преступления, в частности субъективной стороны, так, что правоприменитель может понимать их в удобной для себя интерпретации. В этих случаях злоупотребление правом проявляется в меньшей степени.

Наиболее ярким проявлением названного правового явления выступает возможность выбора между видами публично-правовой ответственности: уголовной и административной. Условиями, позволяющими таким образом применять закон, являются несогласованность разноотраслевых норм, проявляющаяся в том, что аналогичные деяния запрещены как УК РФ, так и КоАП РФ. Отчасти это обусловлено и тем, что законодатель возводит в ранг самостоятельного преступления деяния, которые должны признаваться частью неосторожного преступного посягательства.

Мы можем сказать, что злоупотребление нормами уголовного права – это часть российской правовой действительности, оно выражается в применении уголовного закона в нарушение определенных для него задач (ст. 2 УК РФ, ст. 6 УПК РФ) и становится возможным вследствие несоблюдения принципов правовой определенности и системности правового регулирования.

5. Заключение

Подытоживая изложенное выше, мы не можем не отметить, что существующий феномен злоупотребления необходимо исследовать и применительно к другим сферам уголовно-правовой охраны и выявлять условия, способствующие этому. В свою очередь, поднимаемая проблема носит в большей мере законодательный характер происхождения, а правоприменитель лишь оказывается в условиях, когда действовать иным образом у него просто нет возможности. Избыточность уголовно-правового регулирования зачастую создает вполне обоснованные сложности на практике, а злоупотребление уголовным законом начинается еще на стадии его формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курбатов А.Я. Принцип недопустимости злоупотребления уголовным правом: к старым проблемам добавились новые / А.Я. Курбатов // Закон. – 2013. – № 9. – С. 36–43.
2. Кауфман М.А. О злоупотреблении уголовным правом (к постановке вопроса) / М.А. Кауфман // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. – М.: РГ-Пресс, 2018. – С. 46–58.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.
4. Борков В.Н. Верховный Суд Российской Федерации решил не путать взятку с подарком / В.Н. Борков // Современное право. – 2014. – № 1. – С. 107–110.
5. Есаков Г.А. Актуальные проблемы современного уголовного права (по материалам международной конференции) / Г.А. Есаков // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 149–151.
6. Юмашев Н.С. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства / Н.С. Юмашев, А.Н. Юмашев, Н.С. Солопов // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 34–40.
7. Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. / О.Я. Баев, М.О. Баев. – М.: Проспект, 2014. – 216 с.
8. Гришина Е. Злоупотребление правом субъектами уголовного преследования: нравственно-этические проблемы и пути их устранения / Е. Гришина, Ю. Левеев // Мировой судья. – 2009. – № 10. – С. 6–8.
9. Парфенов В.Н. Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами / В.Н. Парфенов // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 23–26.
10. Кравченко Р.М. Особенности квалификации небезопасного выполнения работ и оказания услуг при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности / Р.М. Кравченко // Российский судья. – 2017. – № 9. – С. 40–44.
11. Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учеб. пособие / М.В. Бавсун, С.В. Векленко. – Омск: Ом. акад. МВД России, 2006. – 256 с.

12. Гринберг М.С. Случайные (вероятностные) процессы и уголовное право / М.С. Гринберг // Советское уголовное право. – 1986. – № 1. – С. 129–133.
13. Фисенко Д.Ю. Специальные принципы уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Фисенко. – Омск, 2016. – 23 с.
14. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: моногр. / Л.В. Иногамова-Хегай. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2015. – 288 с.
15. Гринберг М.С. Психофизиологические возможности человека и уголовная ответственность / М.С. Гринберг // Советское уголовное право. – 1974. – № 12. – С. 70–75.

REFERENCES

1. Kurbatov A.Ya. The principle of the inadmissibility of the abuse of criminal law: old problems added new. *Zakon*, 2013, no. 9, pp. 36–43. (In Russ.).
2. Kaufman M.A. On the abuse of criminal law (to the question), in: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*, materials of the XV International scientific and practical conference. Moscow, RG-Press Publ., 2018, pp. 46–58. (In Russ.).
3. Zhalinskii A.E. *Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis*, 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p. (In Russ.).
4. Borkov V.N. The Supreme Court of the Russian Federation Decided not to Confuse a Gift with a Bribe. *Sovremennoe pravo = The Modern Law*, 2014, no. 1, pp. 107–110. (In Russ.).
5. Esakov G.A. Topical problems of modern criminal law (Based on materials of international conferences). *Pravo i politika = Law and Politics*, 2007, no. 3, pp. 149–151. (In Russ.).
6. Yumashev N.S., Yumashev A.N., Solopov N.S. On the principal of fair practices, avoidance of law and prohibition of law in the rules of civil and criminal-procedure legislation. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 15, pp. 34–40. (In Russ.).
7. Baev O.Ya., Baev M.O. *abuse of the right to pre-trial criminal proceedings*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 216 p. (In Russ.).
8. Grishina E., Leveev Yu. Abuse of the law by the subjects of criminal prosecution: moral and ethical problems and ways of their elimination. *Mirovoi sud'ya = Magistrate judge*, 2009, no. 10, pp. 6–8. (In Russ.).
9. Parfyonov V.N. The problem of abuse of criminal procedural rights. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 7, pp. 23–26. (In Russ.).
10. Kravchenko R.M. Peculiarities of Qualification of Unsafe Work Performance and Service Rendering at Illegal Business Activity. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2017, no. 9, pp. 40–44. (In Russ.).
11. Bavsun M.V., Veklenko S.V. *Criminal-legal assessment of the subjective side of crime*. Omsk, Omsk Academy of the MIA of Russia Publ., 2006. 256 p. (In Russ.).
12. Greenberg M.S. Random (probabilistic) trials and criminal law. *Sovetskoe ugolovnoe pravo*, 1986, no. 1, pp. 129–133. (In Russ.).
13. Fisenko D.Yu. *Special principles of criminal law*, Cand. Diss. Thesis. Omsk, 2016. 23 p. (In Russ.).
14. Inogamova-Khegai L.V. *Conceptual basis of competition of criminal law*, Monograph. Moscow, NORMA Publ., INFRA-M Publ., 2015. 288 p. (In Russ.).
15. Greenberg M.S. Psycho-physiological abilities of a person and criminal responsibility. *Sovetskoe ugolovnoe pravo*, 1974, no. 12, pp. 70–75. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника по научной работе
Омская академия МВД России
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7
e-mail: oma@mvd.ru
SPIN-код: 8591-6572; AuthorID: 266045

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Maxim V. Bavsun – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Research
Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia
e-mail: oma@mvd.ru
SPIN-code: 8591-6572; AuthorID: 266045

Белецкий Илья Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Омская академия МВД России
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7
e-mail: abinik@inbox.ru

Ilya A. Beletskiy – PhD in Law, researcher, Research Department
Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia
e-mail: abinik@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бавсун М.В. Злоупотребление уголовно-правовыми нормами в ходе реализации ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг / М.В. Бавсун, И.А. Белецкий // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 40–47. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).40-47.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bavsun M.V., Beletskiy I.A. Abuse of criminal legal norms during the realization of responsibility for violation the safety rules in the production of works and rendering of services. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 40–47. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).40-47. (In Russ.).

ОБОСНОВАННЫЙ РИСК С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА**О.Н. Бибик***Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

15 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Ключевые слова

Обоснованный риск, теория рационального выбора, управление рисками, коэффициент риска, стандартизация, стимулирование обоснованного риска

Проблема обоснованного риска рассматривается посредством теории рационального выбора. Предлагается внедрить систему управления обоснованным риском, в том числе при помощи стандартизации, выработки правил поведения в условиях возможного риска, расчета коэффициента риска. При высокой вероятности наступления последствий риск является необоснованным и имеются признаки умышленного причинения. Важным представляется управление рисками в отношении стимулирования людей рисковать. Стимулирование обоснованного риска в уголовном праве возможно в том числе посредством презумпций, в рамках которых предполагается правомерный характер рискованных действий.

REASONABLE RISK FROM THE PERSPECTIVE OF RATIONAL CHOICE THEORY**Oleg N. Bibik***Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia***Article info**

Received – 2018 April 15

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

Keywords

Reasonable risk, rational choice theory, risk management, risk coefficient, standardization, stimulation of reasonable risk

The subject. The article is devoted to analysis of criminal legal issues of reasonable risk.

The purpose of the article is to prove the necessity of reasonable risk management in criminal legal purposes.

Methodology. The problem of reasonable risk is considered through the theory of rational choice, economic analysis of law, as well as through formal legal analysis.

Results, scope of application. The justified risk demonstrates the ineffectiveness of the use of state coercion in view of the social utility of the actions performed, since the benefit from them exceeds the possible adverse consequences. It is stated that art. 41 of the Criminal Code of the Russian Federation is rarely applied by judicial bodies. Reasonable risk is confounded by extreme necessity. At the same time, it is not taken into account that the risk is not accompanied by the inevitable infliction of consequences, whereas if extreme necessity they come necessarily. It is proposed to introduce a system of management of reasonable risk, including through standardization, development of rules of conduct in terms of possible risk, calculation of the risk factor. The risk of consequences is a key factor in determining guilt. The greater the likelihood of socially dangerous consequences anticipated by a person, the greater the corresponding risk, the greater the degree of guilt of the subject. For example, with regard to direct intent, the risk factor may be 95-100%, with respect to indirect intent – 50-95%, with respect to recklessness – 1-49% (with frivolity, a person, although predicting the possibility of occurrence of events, but presupposes that they will not come; therefore, he estimates the probability of less than 50/50), with respect to negligence – 0.1-1%. If the risk of the event is less than 0.1 % or the average value reflecting its random nature, it can be concluded that there is a case.

Conclusions. In case of a high probability of occurrence of consequences, the obvious risk is unreasonable and there are signs of intentional infliction. It is important to manage risks in terms of encouraging people to take risks if the criminal law imposes too high a risk level, a person abandons socially useful activities, which can lead to more serious adverse consequences. Stimulation of reasonable risk in criminal law is possible, inter alia, by means of pre-suppositions, in the performance of which the justified nature of risky actions is assumed.

1. Актуальность обоснованного риска

Научно-технический прогресс, характеризующийся получением новых знаний, применением новых технологий, оборудования, подталкивает человека к поведению, сопровождаемому серьезным риском причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям [1–2]. Последствия такого риска, в известной степени, – это неизбежная плата за прогресс. Например, освоение космоса сопряжено не только с огромными финансовыми затратами, но и человеческими жертвами. Достаточно вспомнить катастрофы советских космических кораблей «Союз-1» в 1967 г., «Союз-11» в 1971 г., американских шаттлов «Челленджер» в 1986 г., «Колумбия» в 2003 г.¹

Ограничения, налагаемые на поведение человека посредством уголовного закона, могут стать серьезным стимулом для отказа от действий, сопряженных с опасностью причинения последствий, тем самым тормозя общественное развитие [3–7]. В связи с этим в уголовном праве предусмотрен обоснованный риск в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Профессор М.С. Гринберг, фундаментально исследовавший проблему обоснованного риска, дал такое его определение: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но совершённое в процессе правомерного производственного риска, т. е. для получения социально-ценного производственного результата либо для предотвращения вредных последствий посредством учинения заведомо опасного действия, если создаваемая при этом опасность соответствовала общественной ценности возможного результата» [8, с. 30–31]. Указанные предложения нашли свое отражение в уголовном законе (ст. 41 УК РФ²).

2. Теория рационального выбора и обоснованный риск

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие обоснованный риск, в целом не вызывают возражений. Вместе с тем ввиду объективных причин, включая оценочный характер многих правовых категорий, они нуждаются в совершенствовании, в том числе посредством теории рационального выбора, широко применяемой в рамках экономического анализа права (*law and economics*). Данная теория исхо-

дит из того, что поведение человека основано на субъективном рациональном выборе. Человек выбирает максимально полезный вариант поведения с меньшими издержками. Обоснованный риск предполагает расчет, который в свою очередь базируется на рациональном выборе.

Результаты экономического анализа обстоятельств, исключающих преступность деяния, подтверждают нецелесообразность использования принуждения в подобных ситуациях, поскольку уголовное наказание либо не имеет сдерживающего эффекта, либо стимулирует поведение, которое в конечном итоге приведет к причинению большего вреда (ущерба), чем тот, который причинил субъект [9, р. 29]. Наличие обоснованного риска свидетельствует о неэффективности использования государственного принуждения ввиду социальной полезности совершаемых действий, когда выгода от них превышает возможные неблагоприятные последствия. Соответственно задачи законодателя при формулировании признаков обоснованного риска заключаются в том, чтобы: 1) стимулировать социально полезное поведение, имеющее внешнее сходство с преступлением [8, с. 29]; 2) исключить причинение чрезмерного вреда (ущерба), злоупотреблений со стороны лиц, ссылающихся на вышеназванное обстоятельство. Требуется найти баланс в защите общественных и частных интересов, что возможно только путем оптимального распределения рисков, минимизирующего преступное поведение. Помимо этого, следует учитывать принципиальную возможность проверки используемых критериев оценки поведения субъектов общественных отношений.

3. Критерии обоснованного риска в уголовном законе и судебной практике

В ст. 41 УК РФ называются четыре критерия обоснованного риска:

1. Наличие общественно полезной цели. При этом должны быть сопоставимы общественно полезная цель и благо, которое может пострадать. Чем больше значение цели – тем больше может быть и значение блага, которым рискует субъект [10, с. 389].

2. Невозможность достичь данной цели не связанными с риском действиями (бездействием).

3. Достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. В этом отношении М.С. Гринберг, обращаясь к тео-

¹ См.: Случаи гибели космонавтов // ТАСС. 2016. 11 апреля. URL: <http://tass.ru/spravochная-informaciya/3189807>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

рии исследования операций, тесно связанной с теорией игр и теорией рационального выбора, отметил, что повышенное внимание к вероятной опасности и нарушение правоохраняемых интересов для ее предотвращения не всегда устраняет противоправность деяния. Так, при выборе стратегии поведения человек должен исходить из того, что неизвестная ему закономерность природы приведет к действиям природы, наименее для него благоприятным [8, с. 30].

4. Отсутствие заведомой сопряженности риска с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

В судебной практике положения ст. 41 УК РФ применяются крайне редко. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2017 г. (форма 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел») был лишь один случай, когда суд усмотрел наличие данного обстоятельства. При этом деяние подсудимого обвинение квалифицировало по ст. 158 УК РФ (!)³. Но даже при столь небольшом количестве случаев применения относительно часто допускаются ошибки, например неверно разграничиваются обоснованный риск и крайняя необходимость, не раскрывается соотношение общественно полезной цели и причиненных последствий.

Отличие обоснованного риска от крайней необходимости в том, что риск не сопровождается неизбежным причинением последствий, тогда как при крайней необходимости они наступают обязательно. В частности, риск имеет место, если уполномоченный субъект отдает распоряжение о выезде команды спасателей на место происшествия, что связано с угрозой их жизни и здоровью [10, с. 387]. Судебные органы не всегда обращают на это внимание. Так, мировым судьей был оправдан Ж., обвиняемый в незаконной рубке лесных насаждений, совершённой с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 260 УК РФ). Возглавляемый Ж. участок являлся единственным производственным предприятием, у которого были силы и средства для

заготовки дров населению. Когда обеспечение жителей дровами на законных основаниях было невозможно в силу обнаружения пробела в Лесном кодексе РФ⁴ и для устранения опасности, угрожающей их жизни и здоровью, он нарушил уголовный закон, запрещающий рубку лесных насаждений без соблюдения действующего законодательства, регулирующего данные правоотношения, поскольку иным способом эта опасность устранена быть не могла. В апелляционном постановлении районный суд указал, что мировым судьей были ошибочно применены положения ст. 41 УК РФ, поскольку для достижения общественно полезной цели Ж. действовал без риска и фактически находился в состоянии крайней необходимости, что также исключает преступность деяния⁵.

Виновный в незаконном проникновении в жилище (ч. 1 ст. 139 УК РФ), совершённом с целью отыскания и возвращения похищенного имущества, был признан судом находящимся в состоянии обоснованного риска. При этом, как справедливо отмечала сторона обвинения, он не мог преследовать цель защитить интересы потерпевшего на неприкосновенность жилища, так как они уже были нарушены его действиями⁶ [11]. Налицо крайняя необходимость, поскольку вред охраняемым отношениям причинялся в подобной ситуации с неизбежностью.

Оправдывая М. по обвинению в совершении преступления, состав которого предусмотрен ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, суд указал, что, обеспечивая частичную выплату зарплаты в денежном выражении и продукцией, производимой предприятием, М. действовал в условиях обоснованного риска с целью сохранения производства и поддержания его хозяйственной деятельности с учетом тяжелого финансового положения предприятия⁷ [12]. Вместе с тем в данном случае М. неизбежно причинял вред охраняемым уголовным законом отношениям, что исключает наличие риска, при котором причинение носит лишь вероятностный характер. Кроме того, требует дополнительной аргументации мнение о том, что интересы предприятия должны иметь приоритет по сравнению с интересами работников, которые были

³ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>.

⁴ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.

⁵ Апелляционное постановление по апелляционному представлению прокурора Туруханского района на приговор мирового судьи судебного участка № 126 в Турухан-

ском районе от 20 декабря 2010 г. URL: http://turuh.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=875.

⁶ Кассационное определение Иркутского областного суда от 2 декабря 2010 г. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/24754765/>.

⁷ Постановление Президиума Верховного суда Республики Хакасия от 29 августа 2005 г. № 44-У-95/2005 // СПС «Гарант».

лишены возможности получать вознаграждение за труд, содержать себя, свои семьи.

Еще один пример применения ст. 41 УК РФ связан с делом С., который, являясь генеральным директором ОАО, осуществлял предпринимательскую деятельность, сопряженную с извлечением дохода в особо крупном размере, без специального разрешения (п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ). Заведомо зная об истечении у ОАО сроков действия актов, удостоверяющих горный отвод, которые являются неотъемлемой составной частью лицензии на недропользование и разрешением, предоставляющим исключительное право пользования недрами в установленных границах, преследуя цель извлечения прибыли от реализации незаконно добытого углеводородного сырья, С. умышленно организовал работу ОАО по незаконной добыче углеводородного сырья и последующей его реализации. В целом ряде решений судебных органов было отмечено, что данные действия следует считать обоснованным риском⁸ [12]. При этом не было указано, как в соответствующей ситуации можно было избежать причинения последствий, в чем заключалась общественно полезная цель такого риска, почему ее нельзя было достичь без нарушения уголовного закона. И хотя данные решения впоследствии были отменены, они, тем не менее, свидетельствуют о том, что суды склонны толковать ст. 41 УК РФ расширительно.

Справедливости ради отметим, что судебные органы также аргументированно отказываются признавать обоснованным риском обстоятельства, которые не имеют соответствующих признаков, например в следующих случаях: 1) виновная в незаконной рубке лесных насаждений (ч. 3 ст. 260 УК РФ) ссылалась на обоснованный риск, поскольку она «не могла платить рабочим заработную плату и хоть как-нибудь поддерживать производство сельхозпредприятия»⁹; 2) виновный, являясь руководителем организации, из корыстной и иной личной заинтересованности совершил невыплату свыше двух месяцев заработной платы, хотя имел для этого реальную возможность (ч. 1 ст. 145.1 УК РФ), при этом заявлял, что был вынужден не выплачивать зарплату работ-

никам общества, направлять деньги на хозяйственные нужды, чтобы предприятие имело возможность продолжить хозяйственную деятельность с целью получения прибыли в дальнейшем¹⁰. В данных ситуациях налицо как неизбежное причинение вреда (ущерба) общественным отношениям, так и отсутствие общественно полезной цели, которая могла бы перевесить негативные последствия совершенных деяний.

Суд отказался признать обоснованный риск в действиях Я., который был признан виновным в халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ). Как глава муниципального образования, виновный при осуществлении функций заказчика ненадлежаще исполнял свои обязанности. В нарушение требований нормативных актов он, не создавая комиссию по приемке работ, не привлекая для этого компетентных специалистов, без проведения испытаний и без фактической проверки объемов и качества выполненных работ, лично подписал акты приемки выполненных работ. При этом все работы в целом не подлежали приемке, поскольку были выполнены с нарушениями технологии производства, требований СНиП и СП, не обеспечивали надежной и безотказной работы системы теплоснабжения зданий, создание безопасных условий проживания для человека и соблюдения требований энергетической эффективности. Для устранения допущенных дефектов и недостатков требовалось проведение полной реконструкции системы отопления жилых зданий с предварительной разработкой проектных технических решений, обеспечивающих долговечность трубопроводов. Часть оплаченных в соответствии с актами приемки работ фактически не была выполнена. В результате ненадлежащего исполнения Я. своих обязанностей вследствие небрежного отношения к службе муниципальному образованию был причинен крупный ущерб. Суд отметил, что отсутствуют причины усматривать в действиях Я. обоснованный риск, поскольку эти действия были обусловлены его небрежным отношением к службе. В случае надлежащего исполнения своих обязанностей с его стороны негативные последствия исключались¹¹.

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2007 г. № 482п07пр // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Президиума Тамбовского областного суда от 12 августа 2010 г. № 44-у-22 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное определение Мурманского областного суда от 15 мая 2012 г. по делу № 22-1178 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кассационное определение Мурманского областного суда от 17 января 2012 г. по делу № 22-145-2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Подводя небольшой итог, следует заметить, что судебные органы крайне редко и не всегда аргументированно применяют ст. 41 УК РФ. Причинами могут быть как высокий уровень дознания, следствия, надзора прокуратуры за предварительным расследованием, что позволяет избежать уголовного преследования при наличии обоснованного риска, так и непонимание данного обстоятельства, что подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования соответствующих нормативных положений, практики их применения.

4. Система управления обоснованным риском

Категория риска прочно связана с экономической теорией, в которой он является ключевым фактором, влияющим на поведение человека. С риском связывают имеющуюся при принятии решения неопределенность и возможность выбора нескольких вариантов поведения. Отмечается необходимость управления рисками, их оценки, выделяются стратегия и тактика риск-менеджмента, в рамках которых предусматривается устранение и предотвращение риска, уменьшение влияния неблагоприятных факторов, принятие превентивных мер, формирование эффективной системы страхования риска, овладение риском. При принятии решения учитывается коэффициент риска, который образуется путем деления максимально возможной суммы убытка на объем собственных финансовых ресурсов. Оптимальный коэффициент риска рекомендуется определять на уровне 0,3, а критический (его превышение может привести к банкротству) составляет 0,7 [13, с. 8–9, 22–25, 282–283, 294, 359–361].

Риск выступает в качестве универсальной категории, имея статус общенаучного понятия [14, с. 4]. Поэтому вполне возможно использование экономических знаний в этой области и применительно к вопросам уголовного права, в частности при изучении обоснованного риска. Для минимизации негативных последствий следует использовать систему управления обоснованным риском, которая может включать в себя в том числе принятие достаточных мер по устранению и предотвращению риска, т. е. профилактику самого риска. Риск должен быть доступен лицу, подготовленному для принятия соответствующего решения, обладающему необходимыми знаниями и опытом.

Оптимальный способ управления рисками – это **стандартизация, выработка правил поведения в условиях возможного риска**. Так, в медицинской деятельности широко применяются Правила надлежащей клинической практики (*Good Clinical Practice*). Проект соответствующих Правил Евразийского экономического союза от 21 ноября 2014 г., представляющий собой международный этический и научный стандарт планирования и проведения исследований с участием человека в качестве субъекта, предусматривает, в частности, что до начала исследования должна быть проведена оценка соотношения предвидимого (предсказуемого) риска и неудобств с ожидаемой пользой для субъекта исследования и общества. Исследование может быть начато и продолжено только в том случае, если ожидаемая польза оправдывает риск. Права, безопасность и благополучие субъектов исследования имеют первостепенное значение и должны превалировать над интересами науки и общества. Исследователь должен иметь соответствующую квалификацию, образование, профессиональную подготовку и опыт, позволяющие ему принять на себя ответственность за надлежащее проведение клинического исследования¹².

Кроме того, необходим **расчет коэффициента риска** при наличии такой возможности. В частности, при применении нового лекарства, новой технологии лечения пациента на основе ранее проведенных испытаний необходимо учитывать риск неблагоприятных последствий, который не должен превышать заранее установленную величину. Риск наступления последствий должен быть рассчитан, в том числе для рассмотрения вопроса о квалификации деяния, поскольку он является одним из ключевых факторов при определении формы вины. Чем больше предвидимая человеком вероятность наступления общественно опасных последствий, чем больше соответствующий риск, тем больше оснований для вменения в вину последствий, тем больше степень вины субъекта (соответственно, и степень опасности преступления).

Например, при обычной деятельности, не связанной с повышенной опасностью причинения последствий, в отношении прямого умысла коэффициент риска может составить 95–100 %, в отношении косвенного умысла – 50–95 %, в отношении легкомыс-

¹² URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/texnreg/deptexreg/konsultComitet/Documents/GCP_версия_4_ЕАЭС_21.11.2014_на_сайт.pdf.

лия – 1–49 % (при легкомыслии человек хотя и предвидит возможность наступления событий, но самонадеянно рассчитывает, что они не наступят, поэтому оценивает вероятность меньше, нежели 50/50), в отношении небрежности – 0,1–1 %. Если риск события составляет менее 0,1 % или среднестатистической величины, отражающей его случайный характер, то можно сделать выводы о наличии казуса.

Указанная выше классификация коэффициентов риска может быть аргументирована, в частности, при помощи концепции приемлемого риска, применяемой в ряде стран в сфере охраны труда, суть которой в снижении опасности деятельности до определенного приемлемого для общества уровня. Например, в Нидерландах данная концепция регламентирована законодательно и предусматривает, что вероятность смерти в течение года для индивидуума от опасностей, связанных с техносферой, более 10^{-6} считается недопустимой, а менее 10^{-8} – пренебрежимой. Неприемлемый риск имеет вероятность реализации негативного воздействия более 10^{-3} . Таким образом, «приемлемый» уровень риска выбирается в диапазоне 10^{-6} – 10^{-8} в год, исходя из экономических и социальных причин¹³.

При высокой вероятности наступления последствий очевидным является необоснованный характер риска и наличие признаков умышленного причинения. Так, если шансы на то, что в результате испытания, эксперимента случится авария и погибнут люди, составляли 50 % и более, при наступлении последствий есть основания квалифицировать деяние как убийство. В качестве примера умышленного причинения тяжкого вреда здоровью следует рассматривать эксперимент в военно-химическом институте по воздействию отравляющего вещества на организм человека, в ходе которого лейтенанта, над которым проводился опыт, заставили дышать парами неизвестного ему продукта без противогаза и даже респиратора. В результате он стал инвалидом [10, с. 389].

Предложенная выше шкала требует уточнения применительно к отдельным сферам общественных отношений, в которых человек сталкивается с повышенными рисками. Так, в медицине активно используются индексы оценки риска, основанные на многофакторном анализе клинических наблюдений, которые устанавливают взаимосвязь между клиниче-

скими данными и частотой периоперационных кардиальных осложнений и смерти от сердечных причин. Данные индексы облегчают врачам процесс принятия решений. В частности, по данным на 2014 г., развитие осложнений при внесердечных операциях составляет от 7 до 11 %, при риске летального исхода – от 0,8 до 1,5 %. Риск хирургического вмешательства (риск развития инфаркта миокарда или смерти от сердечно-сосудистой патологии в течение 30 дней после операции) классифицируется на низкий – менее 1 %, средний – от 1 до 5 %, и высокий – свыше 5 %. Отмечается, что при выполнении срочных (но не экстренных) операций риск смерти и развития тяжелых осложнений, связанных с основным заболеванием при отсутствии хирургического лечения, могут перевесить потенциальный риск кардиальных осложнений предполагаемой операции¹⁴. Аналогичные правила оценки допустимого риска могут разрабатываться и применяться в отношении военнослужащих, аварийно-спасательных служб, других подразделений, чья деятельность непосредственно связана с факторами, угрожающими жизни и здоровью сотрудников данных подразделений.

Таким образом, в отношении отдельных видов деятельности с учетом необходимости заботы о жизни и здоровье человека допустим более высокий уровень риска. В остальных случаях приоритет должен отдаваться правилам поведения, предусматривающим минимизацию рисков.

Важным представляется управление рисками в плане стимулирования людей рисковать, поскольку человеку свойственно избегание риска. Если уголовный закон будет предъявлять слишком высокие требования к поведению в условиях риска, человек откажется от социально полезной деятельности, что может привести к более серьезным неблагоприятным последствиям. Как показывают исследования в области поведенческой экономики, для того чтобы человек был готов идти на риск, необходимо создать условия, в которых поощрение предназначалось бы для самого решения, нацеленного на социально полезный результат, на основе информации, доступной на момент принятия решения, даже если в конечном итоге в результате принятого решения не удалось достичь цели. Внедрить в практику подобный порядок поощрения не позволяет склонность

¹³ См.: Концепция приемлемого риска. URL: http://ohrana-bgd.ru/bgdobsh/bgdobsh1_39.html.

¹⁴ См.: Рекомендации ESC/ESA по предоперационному обследованию и ведению пациентов при выполнении вне-

сердечных хирургических вмешательств 2014 // Российский кардиологический журнал. 2015. № 8 (124). С. 13–15, 18–19.

людей к запоздалым суждениям. В промежутке между моментом принятия решения и моментом, когда появляется результат, субъект, оценивающий поведение человека (например, руководитель), может забыть, что сам вначале считал принятое решение правильным (проблема «твердолобого принципа») [15, с. 200–201]. Помимо стандартизации деятельности, связанной с риском, его расчетов, стимулирование обоснованного риска в уголовном праве возможно посредством презумпций, в рамках которых предполагается обоснованный характер рискованных действий. Например, в уголовном законе может презюмироваться обоснованный риск, если совершается открытие, вносящее существенный вклад в развитие науки, изобретение новых лекарств и способов лечения от заболеваний, представляющих опасность для многих людей, которые при этом не влекут последствий, указанных в ч. 3 ст. 41 УК РФ.

4. Выводы

Актуальность дальнейшей разработки проблем обоснованного риска с каждым годом многократно возрастает ввиду постоянного внедрения в жизнь че-

ловека новейших научных разработок, технологий и оборудования. Указанные проблемы могут быть исследованы в том числе посредством теории рационального выбора. Следует признать, что ст. 41 УК РФ редко и не всегда обоснованно применяются судебными органами, что косвенным образом доказывает необходимость ее совершенствования.

Для минимизации негативных последствий следует использовать систему управления обоснованным риском, которая может включать в себя в том числе принятие достаточных мер по устранению и предотвращению риска, профилактику риска. Оптимальный способ управления рисками – это стандартизация, выработка правил поведения в условиях риска. Необходим также расчет коэффициента риска. При высокой вероятности наступления последствий очевидным является необоснованный характер риска и наличие признаков умышленного причинения. Особое значение имеет управление рисками в отношении стимулирования людей рисковать, поскольку человеку свойственно избегание риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве / М.С. Гринберг. – М.: Госюриздат, 1963. – 132 с.
2. Капинус О.С. Обоснованный риск: юридические конструкции в отечественном и зарубежном уголовном праве / О.С. Капинус // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сб. ст. / О.С. Капинус. – М.: Буквоед, 2008. – С. 36–39.
3. Чудиевич В.В. Обоснованный риск в уголовном праве / В.В. Чудиевич // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 12–14.
4. Саранцев К.А. Медицинский риск как разновидность обоснованного риска и особенности его оценки при расследовании преступно-ненадлежащего оказания медицинской помощи / К.А. Саранцев // Российский следователь. – 2013. – № 3. – С. 10–12.
5. Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния / Т. Орешкина // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 17–24.
6. Самороков В.И. Риск в уголовном праве / В.И. Самороков // Государство и право. – 1993. – № 5. – С. 103–112.
7. Тимербулатов А. Риск: уголовно-правовые аспекты / А. Тимербулатов // Государство и право. – 1995. – № 3. – С. 112–116.
8. Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.С. Гринберг. – Свердловск, 1973. – 34 с.
9. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey / A. Harel // Research Handbook on the Economics of Criminal Law / Ed. A. Harel, K.N. Hylton. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. – P. 10–50.
10. Гринберг М.С. Оправданный профессиональный и хозяйственный риск / М.С. Гринберг // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1 (63). – С. 386–389.
11. Гарбатович Д.А. Проблемы применения нормы об обоснованном риске / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 10–15.
12. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. – 736 с.

13. Тэпман Л.Н. Риски в экономике: учеб. пособие для вузов / Л.Н. Тэпман; под ред. В.А. Швандара. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 380 с.
14. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. – М.: Мысль, 1989. – 187 с.
15. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер. – М.: Эксмо, 2017. – 368 с.

REFERENCES

1. Greenberg M.S. *The problem of production risk in criminal law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 132 p. (In Russ.).
2. Kapinus O.S. Reasonable risk: legal constructions in domestic and foreign criminal law, in: Kapinus O.S. *Sovremennoe uголовное право v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti*, Collection of articles. Moscow, Bukvoved Publ., 2008, pp. 36–39. (In Russ.).
3. Chudievich V.V. Reasonable risk in criminal law. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2007, no. 3, pp. 12–14. (In Russ.).
4. Sarantsev K.A. Medical risk as a kind of justified risk and features of its assessment in the investigation of criminal and improper medical care. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 3, pp. 10–12. (In Russ.).
5. Oreshkina T. Reasonable risk in the system of circumstances precluding the criminality of the act. *Uголовное право = Criminal Law*, 1999, no. 1, pp. 17–24. (In Russ.).
6. Samorokov V.I. Risk in criminal law. *Gosudarstvo i pravo*, 1993, no. 5, pp. 103–112. (In Russ.).
7. Timerbulatov A. Risk: criminal law aspects. *Gosudarstvo i pravo*, 1995, no. 3, pp. 112–116. (In Russ.).
8. Greenberg M.S. *Crime against public security in the field human-technology interactions*, Doct. Diss. Thesis. Sverdlovsk, 1973. 34 p. (In Russ.).
9. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey, in: Harel A., Hylton K.N. (eds.). *Research Handbook on the Economics of Criminal Law*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2012, pp. 10–50.
10. Greenberg M.S. Justified professional and industrial risk. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2012, no. 1 (63), pp. 386–389. (In Russ.).
11. Garbatovich D.A. The problems of the rule of a valid risk. *Uголовное право = Criminal Law*, 2013, no. 2, pp. 10–15. (In Russ.).
12. Galakhova A.V. (ed.). *The estimated signs of the Criminal code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation*, scientific and practical guide. Moscow, Norma Publ., 2014. 736 p. (In Russ.).
13. Tepman L.N. *Risks in the economy*. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2002. 380 p. (In Russ.).
14. Al'gin A.P. *Risk and its role in public life*. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 187 p. (In Russ.).
15. Thaler R. *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 368 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бибик Олег Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: olegbibik@mail.ru
SPIN-код: 2670-9299; AuthorID: 495309

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg N. Bibik – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: olegbibik@mail.ru
SPIN-code: 2670-9299; AuthorID: 495309

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бибик О.Н. Обоснованный риск с позиции теории рационального выбора / О.Н. Бибик // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 48–55. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).48-55.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bibik O.N. Reasonable risk from the perspective of rational choice theory. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 48–55. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).48-55. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА КОНТРАКТНУЮ СИСТЕМУ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ

В.Н. Борков

Омская академия МВД России, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Ключевые слова

Злоупотребление

должностными полномочиями,

присвоение, растрата,

служебный подлог,

государственный контракт,

оборонный заказ, контрактная

система, преступление

Проблема отграничения хищения, совершенного виновным с использованием своего служебного положения, от злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога, представляется актуальной, поскольку судебная практика свидетельствует об отсутствии единых подходов к квалификации преступлений, совершаемых в сфере исполнения государственного и муниципального контракта. Предлагаются критерии отграничения посягательств должностных лиц на расходование бюджетных средств с учетом дополнения уголовного закона нормами, предусматривающими ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 и 285.4 УК РФ).

APPLICATION OF THE CRIMINAL LAW IN CONTRACTING SYSTEM AND STATE DEFENSE ORDER VIOLATIONS

Victor N. Borkov

Omsk Academy of the MIA of Russia, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 15

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

Keywords

Abuse of official powers,

misappropriation, embezzlement,

service forgery, government

contract, defense order, contract

system, crime

The subject. The article is devoted to analysis of court practice concerning crimes in public procurement.

The purpose of the paper is to solve the problem of delimitation of theft committed by the perpetrator with the use of his official position, from abuse of official powers and official forgery is topical.

The methodology. General scientific methods as analysis, synthesis, induction, deduction, comparison were used. The system method allowed to consider misdemeanors and a set of rules providing for responsibility for their commission, in conjunction with public relations, which need criminal law protection. The functional approach made it possible to address the issues of qualification for official crimes against the contract system and the state defense order, taking into account the forms and methods of activity of the subjects of contractual relations.

Results and scope of application. An important role in improving the effectiveness of public procurement is played by officials who, in dealing with suppliers of goods and executors, are called upon to defend public interests. The public danger of crimes committed by officials in this sphere is manifested in the destruction of the material basis of the functioning of the state, undermining its defensive capacity and reducing the level of security. Judicial practice testifies to the lack of uniform approaches to the qualification of crimes committed in the sphere of execution of the state and municipal contract.

The article proposes criteria for delimiting the encroachments of officials on the expenditure of budgetary relations, taking into account the addition of the criminal law to norms that provide for responsibility for abuse in the performance of the state defense order (art. 201.1 and 285.4 of the Criminal Code of the Russian Federation). In the qualification of crimes committed in the sphere of contractual relations, and the application of art. 201.1 and 285.4 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed to be

guided by the recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation on the delimitation of abuse of official powers from embezzlement.

Conclusions. It is necessary to proceed from the existence of two lines of activity of the customer. The first is the acceptance of the delivered goods, the work performed, the services rendered. The second is payment for goods, work and services.

1. Введение

Развитие государства и осуществляемых им функций обусловлено внутренними социально-экономическими противоречиями и внешнеполитическими проблемами. Решение и тех и других возможно только при наличии надежной экономической базы. На сущность и содержание экономической функции государства оказывают влияние государственный режим и обусловленные им способы и пределы регулирования экономических процессов. Экономика может быть распределительной или рыночной. Но и в том и в другом случае экономическая функция состоит в обеспечении баланса государства, представляющего всё общество и субъектов предпринимательской деятельности. Такой баланс обеспечивается в рамках контрактной системы и государственного оборонного заказа. Важную роль в повышении результативности государственных закупок играют должностные лица, которые в отношениях с поставщиками товаров, исполнителями работ призваны отстаивать публичные интересы. Общественная опасность преступлений, совершаемых должностными лицами в данной сфере, проявляется в разрушении материальной базы функционирования государства, подрыве его обороноспособности и снижении уровня безопасности [1–15].

2. Квалификация посягательств на контрактную систему государства и государственный оборонный заказ

2.1. Соотношение преступлений против собственности и против порядка управления

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единых подходов к квалификации исследуемых посягательств.

Например, по ч. 2 ст. 286 УК РФ¹ были квалифицированы действия главы местного самоуправления Т., который за взятку принял решение об оплате фактически не выполненных подрядчиком М. работ. Суд установил: Т., достоверно зная, что работы по контракту на ремонт дома культуры «...выполнены

не в полном объеме, явно превышая свои полномочия, дал незаконные указания М. составить и подписать с его стороны акты приемки выполненных работ и счета-фактуры. Затем, получив их, сам подписал и “списал” в бухгалтерию для оплаты. В результате был причинен материальный ущерб... дискредитированы органы муниципальной власти, существенно нарушены охраняемые законом интересы общества и государства»².

Из приведенного решения следует, что глава местного самоуправления был уполномочен принимать решение о приемке выполненных работ и их оплате. Но данные полномочия он использовал необоснованно и из корыстной заинтересованности, которая выразилась в полученной взятке. Получается, что материальный ущерб, причиненный муниципальному образованию, является следствием злоупотребления Т. административно-хозяйственными полномочиями.

В исследуемой ситуации встает вопрос об ограничении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 285 УК РФ от ч. 3 ст. 160 УК РФ. В последнем случае злоупотребление административно-хозяйственными полномочиями выступает способом присвоения или растраты чужого имущества. В отличие от хищения, злоупотребление должностными полномочиями не связано с изъятием чужого имущества. Для того чтобы правильно квалифицировать действия главы местного самоуправления, нужно определить направленность причиненного им материального ущерба. В качестве такового можно рассматривать часть перечисленных подрядчику средств, соответствующую стоимости невыполненных работ. Полагая, для руководителей, подписывающих счета-фактуры для оплаты выполненных работ, применим п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, в котором разъясняется, что действия должностного лица, которое «...заключило от имени соответствующего органа (учреждения) договор, на основании которого перечислило вверен-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 3-013-3 // СПС «КонсультантПлюс».

ные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, получив за это незаконное вознаграждение... следует квалифицировать по совокупности преступлений как растрату вверенного ему имущества (статья 160 УК РФ) и как получение взятки (статья 290 УК РФ)»³.

При квалификации преступлений, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, существует проблема отграничения присвоения и растраты от мошенничества. Так, за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, а именно за хищение путем обмана денежных средств, выделенных на строительство объекта, совершённое с использованием ими своего служебного положения, были осуждены Ш., А. и К. При этом использование А. и Ш. служебного положения выразилось в том, что Ш., как руководитель производственно-технического отдела муниципального учреждения, обеспечивал принятие и документальное оформление фиктивных объемов работ и понесенных затрат. После чего Ш. или А., являвшийся директором указанного муниципального учреждения, подписывали справку о стоимости выполненных и фиктивно оформленных работ, визировали выставленные подрядчиком счета-фактуры и подписывали заявку в управлении финансов администрации района на перечисление денежных средств с лицевого счета на расчетный счет ООО, генеральным директором которого являлся К⁴. Заметим, что квалификация действий, должностных лиц, перечисляющих бюджетные средства на счета заказчиков, которые не выполнили работы, по ст. 159 УК РФ является достаточно распространенной⁵. Считаем, что должностные лица муниципального учреждения были уполномочены принимать решение о перечислении денежных средств, поэтому они похитили вверенное имущество, т. е. совершили преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Обоснованно за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, осужден К., который «...занимая должность заместителя началь-

ника ФГУП «ПРП МО РФ» с правом подписи финансово-экономических документов предприятия и исполняя обязанности главного бухгалтера с правом второй подписи платежных документов, получив государственный заказ на строительство зон хранения войсковой части, имея корыстный умысел, направленный на хищение бюджетных денежных средств, злоупотребляя доверием заказчика путем завышения объемов строительно-монтажных работ, изготовил, подписал и предоставил для оплаты заказчику фиктивные акты приемки выполненных работ... счета, а также иные финансово-экономические документы, содержащие заведомо ложные сведения о выполненных работах на общую сумму 44 870 513 рублей 09 копеек»⁶. В приведенном примере виновный похитил бюджетные средства путем обмана, который состоял в фальсификации и последующем представлении документов о выполненных работах.

В декабре 2017 г. УК РФ был дополнен ст. 285.4, предусматривающей ответственность за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа⁷. Важно подчеркнуть, что исполнителями преступления, предусмотренного ст. 285.4 УК РФ, могут быть не только должностные лица государственного заказчика, но и должностные лица государственных предприятий оборонно-промышленного комплекса, которые являются головными исполнителями и исполнителями поставок продукции. Субъектами должностных преступлений они признаны с июля 2015 г., после внесения изменений в примечание к ст. 285 УК РФ. Исполнителями оборонного заказа могут быть предприятия и организации независимо от форм собственности, имеющие лицензию на занятие соответствующим видом деятельности. При отграничении посягательства, предусмотренного ст. 285.4 УК РФ, от хищения с использованием служебного положения следует руковод-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 9 сентября 2010 г. № 70-Д10-16 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., напр.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 16 июля 2015 г. по делу № 22-4219/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Московского городского суда от 17 июня 2015 г. № 4у/2-2837/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1. Ст. 53.

ствоваться общим правилом отграничения злоупотребления должностными полномочиями из корыстной заинтересованности от хищения.

Чрезвычайная распространенность и очевидная криминализация контрактных отношений в целом, а не только при исполнении государственного оборонного заказа, обуславливает потребность их акцентированной уголовно-правовой охраны. Например, Уголовный кодекс Киргизии⁸ (далее – УК КР) содержит ст. 322 «Заключение заведомо невыгодного контракта», которая предусматривает наказание за «заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта (договора), а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб». Ответственность второй стороны, вступающей в договорные отношения с государством, предусмотрена в ст. 224 УК КР, карающей за «умышленное или неосторожное нарушение порядка проведения публичных торгов, аукциона или тендера, а равно заключение заведомо невыгодного контракта, причинившие собственнику имущества, организатору торгов или аукциона, покупателю или иному хозяйствующему субъекту ущерб в крупном размере». Если наказание для должностных лиц, заключивших заведомо невыгодно государственный контракт (ст. 322 УК КР), предусмотрено в главе «Коррупционные и иные преступления против государственной и муниципальной службы», то преступление, предусмотренное ст. 224 УК КР, является посягательством «против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Признавая обоснованность внесенных в УК РФ изменений, отмечаем, что наиболее распространены в данной сфере хищения. Представляется неверной квалификация как злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности подписания за взятку акта о приеме выполненных работ. Например, в приговоре Тверского областного суда совершённое за взятку «...подписание акта о приемке выполненных работ от 31 августа 2011 года... удостоверяющего заведомо ложные сведения о выполнении работ по капитальному ре-

монту здания МУ...»⁹, было квалифицировано по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Если одно должностное лицо подписывает акт о приемке невыполненных работ и перечисляет бюджетные средства, его действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

2.2. Соотношение преступлений против порядка управления между собой

Также ошибочно, как служебный подлог, повлекший существенное нарушение законных интересов муниципального образования и граждан (ч. 2 ст. 292 УК РФ), следствием были квалифицированы действия П. – директора муниципального бюджетного учреждения «Служба единого заказчика». Он по результатам конкурса заключил договор подряда с ОАО на выполнение муниципального заказа по строительству футбольного поля с искусственным покрытием. В срок сдачи контракта исполнитель представил П. для подписания документы, содержащие отчет о полном завершении работ на утвержденную стоимость затрат. Фактически же работы, связанные с устройством основания футбольного поля, произведены были с нарушением технологии, вместо дорогостоящего щебня для формирования основания объекта использовалась смесь, содержащая песок, глину и иные примеси, что определяло низкий уровень эксплуатации. При приемке объекта подчиненные письменно доложили П. о выявленных недостатках и о несоответствии объема и качества работ, заявленных в контракте. После этого вместо предъявления законных претензий к подрядчику П. подписал официальные документы – акты о приемке выполненных работ, справки о стоимости выполненных работ и затрат и дал указание об оплате контракта. В результате противоправных действий подозреваемого бюджету муниципального образования был причинен ущерб на сумму свыше 2,6 млн руб.¹⁰

Квалификация действий П. по ч. 2 ст. 292 УК РФ является ошибочной по следующим причинам. В отличие от злоупотребления должностными полномочиями, субъект служебного подлога неуполномочен на создание юридических последствий, порождаемых официальным документом, предоставление прав или освобождение от обязанностей. При соверше-

⁸ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 (Вводится в действие Законом КР от 24 января 2017 г. № 10 с 1 января 2019 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>.

⁹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2012 г. № 35-О12-26СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Во Владимирской области бывший директор муниципального учреждения подозревается в совершении служебного подлога при приемке работ по строительству футбольного поля // Следственный комитет РФ: офиц. сайт. 2015. 6 ноября. URL: <http://sledcom.ru/news/item/985864/>.

нии преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, виновный использует не должностные полномочия, а должностное или служебное положение и фактически вносит в документ ложные сведения или исправления, искажающие его содержание. Поэтому совершить данное посягательство способны не только должностные лица, но и не являющиеся таковыми государственные и муниципальные служащие. Наличие должностных полномочий здесь не обязательно, исполнитель пользуется своей включенностью в официальный документооборот. В приведенном выше примере директор муниципального бюджетного учреждения был уполномочен осуществлять приемку работ. Кроме того, органы предварительного расследования ошибочно последствием служебного подлога признали причиненный материальный ущерб. Само по себе изготовление подложного документа не может причинить вреда до тех пор, пока документ не будет использован в качестве основания для дальнейшего принятия административно-хозяйственных решений по расходованию бюджетных средств. Как представляется, виновный, используя предоставленные ему полномочия, растратил бюджетные средства в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ).

Таким образом, отграничивая преступления, предусмотренные ст. 285 и 292 УК РФ, нужно учитывать, что при злоупотреблении должностное лицо использует свои полномочия по принятию решений, влекущих юридические последствия, а служебный подлог – это совершение действий, направленных на фальсификацию решений, принимаемых другими должностными лицами, и квазисоздание юридических последствий фактически не существовавших событий. Криминальная востребованность фальсификации документов, а следовательно, и удостоверяемых ими решений обусловлена тем, что они находятся в компетенции других должностных лиц, а не исполнителя служебного подлога, или данные подложные документы якобы регулируют конкретные отношения, которых реально не существует. Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 292 УК РФ, совершаемое должностным лицом, представляет собой не явное, т. е. не очевидное для окружающих, но всё-таки превышение субъектом своих должностных полномочий.

Правильно проблема соотношения злоупотребления должностными полномочиями и служеб-

ного подлога решена в Апелляционном решении Московского городского суда. Районным судом по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285, ч. 2 ст. 292 и п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, были квалифицированы действия А.С.В., который, занимая должность начальника государственного учреждения «Эксплуатационная комендатура Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», из корыстной заинтересованности (за взятку), при осуществлении функций государственного заказчика, требовал от подчиненных и сам подписывал акты о приемке выполненных работ. Виновный осознавал, что работы фактически не выполнены, а денежные средства перечисляются за невыполненные обязательства, до фактического выполнения работ, что повлекло причинение крупного материального ущерба государству на сумму 14 499 14,58 руб. Московский городской суд исключил осуждение А.С.В. по ст. 292 УК РФ, «поскольку совершенные им действия составляли объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, и дополнительной квалификации не требуют, так как служебный подлог явился формой злоупотребления должностными полномочиями»¹¹. Действительно, злоупотребление должностными полномочиями часто внешне проявляется в документальном оформлении принятых решений. Но если при совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, виновный оформляет осуществление властных, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий, то ст. 292 УК РФ предусматривает ответственность за внесение в официальные документы ложных сведений или исправлений.

После внесения изменений действия А.С.В. следовало бы квалифицировать по ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа». Виновный сам не принимал решения об оплате выполненных работ, оказанных услуг, но визировал факт исполнения подрядчиком своих обязательств по договору, т. е. непосредственно хищения не совершал. В соответствии с ч. 1 ст. 711 ГК РФ¹², окончательная сдача результатов работы заказчику только порождает возникновение у него обязанности оплатить подрядчику обусловленную цену, не является адми-

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

нистративно-хозяйственным решением о самой оплате. Акт о приемке выполненных работ можно рассматривать как экспертное заключение о надлежащем выполнении работ или оказании услуг, а полномочия на удостоверение такого факта допустимо определить как регистрационно-экспертные.

В настоящее время под осуществлением субъектами должностных преступлений организационно-распорядительных функций понимаются два разных вида деятельности: первый – руководство подчиненными, второй – принятие решений, влекущих юридические последствия для лиц, которые обратились за государственными услугами. Последние полномочия фактически являются регистрационно-экспертными и осуществляются в целях обеспечения баланса интересов таких лиц с интересами других граждан, общества и государства. Например, такими полномочиями наделены медицинские работники, проводящие экспертизу временной нетрудоспособности, и выдающие соответствующие листки. Экспертизу обладания выпускником требуемых компетенций проводят члены государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии. В сфере государственной аттестации научно-педагогических кадров экспертные функции по специальному полномочию осуществляют члены диссертационного совета, принимающие решение о присуждении ученой степени. Подобно тому, как листок временной нетрудоспособности гарантирует работнику социальные выплаты, но не является решением о их производстве, наличие ученой степени предполагает надбавку к денежному содержанию преподавателя, но не является решением о ее начислении, подписание акта о приемке выполненных работ порождает обязанность произвести оплату их стоимости подрядчику, но не тождественно такой оплате.

3. Заключение

Таким образом, при квалификации преступлений, совершаемых в сфере контрактных отношений, и

применении ст. 201.1 и 285.4 УК РФ актуальными остаются рекомендации по вопросам отграничения злоупотребления должностными полномочиями от хищения, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19: «В отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые... не связаны с изъятием чужого имущества...» (п. 17)¹³. Следует исходить из существования двух направлений деятельности заказчика. Первое – это приемка поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги. Второе – оплата товара, работы и услуги. Деятельность, названная первой, состоит в осуществлении должностным лицом, представляющим интересы заказчика, экспертных полномочий, которые в настоящее время рассматриваются как разновидность организационно-распорядительных функций (второй абзац п. 4 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ). Признание должностным лицом заказчика факта исполнения контракта со стороны подрядчика является решением, влекущим юридические последствия – обязанность оплаты выполненной работы. Само по себе необоснованное утверждение акта о приемке выполненных работ в случае причинения существенного вреда и установлении корыстной или иной личной заинтересованности виновного является злоупотреблением должностными полномочиями. В свою очередь, административно-хозяйственное решение о перечислении бюджетных средств подрядчику, если принимающее такое решение должностное лицо осознавало, что работа не выполнена, выполнена не в полном объеме или некачественно, следует квалифицировать как растрату вверенного имущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тасалов Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: моногр. / Ф.А. Тасалов. – М.: Проспект, 2016. – 240 с.
2. Иванов Э.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: моногр. / Э.А. Иванов. – М.: Юриспруденция, 2015. – 136 с.

¹³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной прак-

тике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 октября.

3. Белов В.Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование / В.Е. Белов. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 304 с.
4. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия / Е.Н. Кондрат. – М.: Юстицинформ, 2014. – 928 с.
5. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2014. – 432 с.
6. Анисимов С.Н. Уголовно-правовые и криминологические особенности отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере реализации приоритетных национальных проектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 36 с.
7. Земскова Е.Н. Научные положения расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 130–132.
8. Лавров В.П. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: вопросы выявления и расследования / В.П. Лавров, В.О. Лапин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 108–113.
9. Таровик Е.В. Бюджетная безопасность государства и приоритетные направления деятельности органов внутренних дел по ее обеспечению / Е.В. Таровик, В.О. Лапин // Вестник Академии экономической безопасности. – 2015. – № 1. – С. 43–48.
10. Курбанов М.С.-М. Квалификация правонарушений и преступлений в сфере расходования бюджетных средств при осуществлении государственных закупок / М.С.-М. Курбанов // Финансовое право. – 2015. – № 12. – С. 37–39.
11. Гольцунов Е.П. Обеспечение экономической безопасности в сфере государственных закупок: дис. ... канд. экон. наук / Е.П. Гольцунов. – М., 2009. – 190 с.
12. Тищенко Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок: сравнительно-правовой анализ / Е.В. Тищенко // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6. – № 11А. – С. 93–107.
13. Шурпаев Ш.М. Некоторые аспекты криминологической характеристики коррупционных преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок / Ш.М. Шурпаев // Российский следователь. – 2016. – № 21. – С. 36–40.
14. Маслакова Е.А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере публичных закупок для муниципальных нужд / Е.А. Маслакова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2016. – № 2. – С. 15–17.
15. Зверева Н.П. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / Н.П. Зверева // Российский следователь. – 2017. – № 24. – С. 16–18.

REFERENCES

1. Tasalov F.A. *Contract system in public procurement of Russia and USA: comparative legal research*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 240 p. (In Russ.).
2. Ivanov E.A. *Anti-corruption compliance control in BRICS countries*, Monograph. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 136 p. (In Russ.).
3. Belov V.E. *Supply of goods, performance of works, provision of services for state needs: legal regulation*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 304 p. (In Russ.).
4. Kondrat E.N. *Offenses in the financial sphere of Russia. Threats to financial security and ways of counteraction*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 928 p. (In Russ.).
5. Vlasov I.S. (ed.). *Criminal law measures to combat corruption abroad, comparative legal research*. Moscow, Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, 2014. 432 p. (In Russ.).
6. Anisimov S.N. *Criminal law and criminological features of certain types of crimes committed in the implementation of priority national projects*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2011. 36 p. (In Russ.).

7. Zemskova E.N. Scientific principles of crimes in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. *“Chyornye dyry” v Rossiiskom zakonodatel'stve = Black Holes in Russian Legislation*, 2017, no. 3, pp. 130–132. (In Russ.).

8. Lavrov V.P., Lapin V.O. Crimes in the sphere of procurement of goods, works, services for ensuring the state and municipal needs: separate issues of detection and investigation. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), pp. 108–113. (In Russ.).

9. Tarovik E.V., Lapin V.O. Budgetary safety of the state and priority directions of the activity of bodies internal affairs to provide it. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Academy of economic security*, 2015, no. 1, pp. 43–48. (In Russ.).

10. Kurbanov M.S.-M. Qualification of Offences and Crimes in the Sphere of Spending Budgetary Funds in Government Procurement. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2015, no. 12, pp. 37–39. (In Russ.).

11. Gol'tsunov E.P. *Ensuring economic security in the sphere of public procurement*, Cand. Diss. Moscow, 2009. 190 p. (In Russ.).

12. Tishchenko E.V. Criminal liability in public and municipal procurement: comparative legal analysis. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2016, Vol. 6, iss. 11A, pp. 93–107. (In Russ.).

13. Shurpayev Sh.M. Some Aspects of Criminological Characteristics of Corruption-Related Crimes in the Sphere of Public and Municipal Procurement. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 21, pp. 36–40. (In Russ.).

14. Maslakova E.A. Criminological Characteristics of Crimes Committed in the Area of Public Procurement for Municipal Needs. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: legal issues*, 2016, no. 2, pp. 15–17. (In Russ.).

15. Zvereva N.P. Issues of Bringing to Criminal Liability for Corruption-Related Crimes in the Sector of Procurements for State and Municipal Needs. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 24, pp. 16–18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борков Виктор Николаевич – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права

Омская академия МВД России

644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7

e-mail: oma@mvd.ru

SPIN-код: 4421-0714; AuthorID: 237212

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Victor N. Borkov – Doctor of Law, Associate Professor; Head, Department of Criminal Law

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

e-mail: oma@mvd.ru

SPIN-code: 4421-0714; AuthorID: 237212

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Борков В.Н. Применение уголовного закона при посягательствах на контрактную систему и государственный оборонный заказ / В.Н. Борков // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 56–63. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).56-63.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Borkov V.N. Application of the criminal law in contracting system and state defence order violations. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 56–63. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).56-63. (In Russ.).

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.Е. Забуга

Адвокатская палата Омской области, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Рассматривается вопрос допустимости квалификации однородных действий лица по двум самостоятельным статьям – ст. 285 и 286 – УК РФ. На основании конкретных примеров из судебной практики делается вывод о недопустимости подобного и необходимости дополнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 положениями, более четко разграничивающими квалификацию должностных преступлений по ст. 285 и 286 УК РФ.

Ключевые слова

Злоупотребление

полномочиями, превышение

полномочий, квалификация,

Пленум Верховного Суда,

должностные преступления,

уголовное право

CONTROVERSIAL ISSUES OF SUBSUMPTION OF MALFEASANCE

Evgeny E. Zabuga

Omsk Regional Bar Chamber, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 12

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article deals with subsumption of malfeasance, judicial characterization of such white-collar crimes.

The purpose of the paper is to answer the question of admissibility of qualification of homogeneous actions of a person according to two separate art. 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords

Abuse of power, abuse of authority, subsumption, Plenum of the Supreme Court, malfeasance, criminal law

The methodological basis of the research includes general-scientific methods (analysis and synthesis, system-structural approach) as well as academic methods (formal-legal method, method of interpretation of normative legal and judicial acts).

Results and scope of application. Within the meaning of paragraph 15 of the Resolution of Plenum of Supreme Court of the Russian Federation, it is absolutely clear that legal actions of an official, which were not caused by official necessity, must be qualified under art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Not only legally, but even from the point of view of ordinary logic, the qualification of homogeneous actions by different criminal law norms is unacceptable.

Due to the fact that art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation is not a crime of corruption by its characteristics, art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be regarded as a special case of abuse of power.

Conclusions. This is unacceptable to qualify the homogeneous actions of a person according to two separate articles – art. 285 and 286 – of the Criminal Code of the Russian Federation. It is necessary to add the Resolution of Plenum of Russian Supreme Court from October 16, 2009, No. 19 by the provisions more specifically delimiting qualification of malfeasance crimes according to art. 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation.

1. Актуальность вопросов квалификации должностных преступлений

Начиная с 2007 г., когда был создан Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, государством взят очевидный курс на более тщательное расследование преступлений в сфере превышения и злоупотребления властью. За это время по стране прокатилась волна возбуждения резонансных уголовных дел, продемонстрировавшая, что «неприкасаемых» фактически нет – перед судом ежегодно предстают сотни чиновников – от имеющих минимальные полномочия государственных служащих до региональных и федеральных министров, мэров городов и губернаторов.

Чиновники становятся всё более незащищенными, особенно в сфере исполнения государственных и муниципальных контрактов, что порождает их нежелание принимать рациональные управленческие решения.

Не стала исключением и Омская область, воспринявшая названный федеральный тренд уголовного правоприменения. Не называя конкретных уголовных дел, стоит отметить, что судами в приговорах чаще всего не давалось ответов на вопросы, которые ставились стороной защиты, в том числе по вопросам квалификации действий подсудимых (осужденных).

Указанное представляется имеющим особую актуальность как для науки, так и для правоприменительной практики, поскольку создает ситуации, нарушающие принцип правовой определенности.

Ряд исследователей должностных преступлений неоднократно высказывались по этому поводу [1–10].

Так, по справедливому мнению В.Н. Боркова, «анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единых подходов к квалификации преступлений, совершаемых в сфере исполнения государственного и муниципального контракта» [11, с. 12].

А.М. Цалиев отмечает, что судебная система может стать эффективным рычагом борьбы с коррупцией только в случае совершенствования законодательства о коррупционных преступлениях, практики его применения [12, с. 57].

2. Примеры квалификации однородных действий по ст. 285 и 286 УК РФ

В настоящей статье представляется возможным рассмотреть вопрос, касающийся допустимости

квалификации однородных действий лица по ст. 285 и 286 УК РФ¹.

Кратко фабулы обвинения звучат следующим образом.

Эпизод 1 (квалифицирован по ч. 3 ст. 285 УК РФ). 22 декабря 2013 г. Иванов И.И., находясь в здании Министерства, исполняя возложенные на него обязанности по обеспечению мероприятий, связанных со строительством Объекта № 1 по государственному контракту с Организацией, при наличии у последней задолженности по неотработанному авансу, сознавая, что Организация находится в сложном финансовом положении и существенно отстает от графика выполнения работ по государственному контракту, действуя умышленно, вопреки интересам службы, злоупотребив служебными полномочиями, дал директору казенного учреждения заведомо незаконное указание не производить с подрядной организацией зачет за выполненные работы за счет ранее выплаченного аванса, оплатить выполненные работы и восстановить ранее выплаченный аванс. В нарушение ст. 34, 158 БК РФ² Иванов И.И. подготовил и подписал распоряжение, согласно которому казенное учреждение должно осуществить авансирование Организации в размере 30 % от лимитов бюджетных обязательств 2013 г., зачет аванса произвести в 2014 г. В соответствии с указанием Иванова И.И. директор казенного учреждения, находясь в служебной зависимости от Иванова И.И., при наличии дебиторской задолженности подрядчика, 23 декабря 2013 г. принял и оплатил Организации работы.

Эпизод 2 (квалифицирован по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ). 30 декабря 2013 г. Иванов И.И., находясь на рабочем месте, зная, что по государственному контракту на строительство Объекта № 2 были перечислены денежные средства, в том числе в виде аванса, а также о том, что доведенные в 2013 г. субсидии федерального бюджета не использованы в полном объеме, явно превышая свои должностные полномочия, незаконно, в нарушение положений государственного контракта, с целью перечисления доведенных лимитов 2013 г. в полном объеме Организации, принял решение и подписал распоряжение, изменяющее размер аванса и порядок его зачета, на основании которого, а также подписанного казенным учреждением дополнительного соглашения Организации были перечислены денежные сред-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

ства, что с учетом ранее перечисленных денежных средств составило 42 % от доведенных лимитов в 2013 г., при установленном государственным контрактом объеме финансирования в размере 15 %.

Переходя к анализу описанных эпизодов, акцентируем внимание на следующих обстоятельствах:

- в обоих случаях все взаимоотношения между казенными учреждениями и Организацией происходили без участия министерства, которое не являлось стороной государственных контрактов;

- в обоих случаях издаваемые министерством распоряжения начинались со слов «разрешаю», без использования каких-либо императивных (обязывающих) формулировок в адрес директоров казенных учреждений;

- как видно из фабулы по ч. 3 ст. 285 УК РФ, правоохранителям, а затем и судам не потребовалось установление обязательного признака субъективной стороны названного состава преступления – наличия «корыстной или иной личной заинтересованности».

Анализируемые фабулы прежде всего интересны для исследования с позиции того, насколько лицо, не являющееся стороной государственного контракта и не издавшее обязательных распоряжений для лица, его исполняющего, совершает значимые либо незначимые юридически действия.

Так, А.В. Бриллиантов совершенно обоснованно указывает, что «не любые действия государственных служащих и т. д. имеют юридическое значение и влекут за собой правовые последствия. В этой связи возникает необходимость разграничения юридически значимых и юридически незначимых действий» [13, с. 9].

К сожалению, правоприменительной практикой в должной мере не воспринята обозначенная доктринальная позиция, несмотря на ее высокую практическую значимость.

Вместо исследования вопросов значимости или незначимости действий должностных лиц, а также их последствий, правоприменителю гораздо проще использовать уже апробированные уголовно-правовые инструменты – ст. 285 и 286 УК РФ.

Представляется, что в изложенных выше фабулах следственным органом, а затем судами неверно и не единообразно квалифицируются фактически однородные действия Иванова И.И. по изданию распоряжений о разрешении авансирования по Объек-

там № 1 и № 2, совершенные почти в одно и то же время.

3. Анализ толкования ст. 285 и 286 УК РФ Верховным Судом РФ

В целях исследования необходимо обратиться к толкованию ст. 285 и 286 УК РФ, данному Верховным Судом РФ.

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (далее – Постановление) под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ) судам следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью³.

Таким образом, по смыслу п. 15 Постановления абсолютно ясно, что по ст. 285 УК РФ квалифицируются законные действия должностного лица, которые не вызывались служебной необходимостью.

В этом существенное отличие ст. 285 УК РФ от ст. 286 УК РФ, о чем прямо указано в п. 19 Постановления, в соответствии с которым – в отличие от предусмотренной ст. 285 УК РФ ответственности за совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы – ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий. Превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые:

- относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу);

- могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте;

- совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установ-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превы-

шении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

ленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом;

– никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Из анализа положений Постановления как раз и вытекает противоречивость изложенных выше фактов, которая ни стороной обвинения, ни судами никак не обоснована – выдача аванса по Объекту № 2 оценивается как совершение Ивановым И.И. действий, явно выходящих за пределы его полномочий, а выдача аванса по Объекту № 1 оценивается уже как совершение Ивановым И.И. действий в пределах своей компетенции, но вопреки интересам службы.

Представляется, что не только юридически, но даже с точки зрения обычной логики квалификация однородных действий разными уголовно-правовыми нормами недопустима.

4. Анализ толкования ст. 285 и 286 УК РФ учеными-правоведами

Стоит заметить, что в науке имеется отличная от выраженной выше позиция.

Так, П.С. Яни указывает: «В чем же состоит правильное понимание данных Постановлением от 16 октября 2009 г. разъяснений? Пленум заключил: всякое злоупотребление должностными полномочиями в форме действия следует рассматривать в качестве специального случая превышения должностных полномочий, поскольку одна из форм превышения – совершение действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, – специализирована в ст. 285 УК РФ путем выделения такого признака субъективной стороны, как мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности. Это означает, что если должностное лицо совершает входящие в круг его должностных полномочий действия без обязательных условий или оснований для их совершения (п. 15 Постановления от 16 октября 2009 г.) или то же самое совершает при исполнении служебных обязанностей действия, которые могут быть совершены

только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (п. 19 Постановления от 16 октября 2009 г.), и эти действия влекут наступление общественно опасных последствий, указанных как в ст. 285, так и в зависимости от наличия, в первом случае, либо отсутствия, во втором мотива корыстной либо иной личной заинтересованности» [14, с. 15].

При всем уважении к корифею науки уголовного права П.С. Яни, выраженная им позиция о том, что должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий, не является бесспорной.

Так, законодательством о противодействии коррупции установлены четыре признака, которые позволяют классифицировать деяние как преступление коррупционной направленности, а именно: наличие надлежащего субъекта уголовно наказуемого деяния; связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива; совершение преступления только с прямым умыслом. По данным признакам выделяется свыше 40 составов УК РФ, в их числе ст. 285 [15, с. 46].

Поэтому, в силу того, что ст. 286 УК РФ по своим признакам не является преступлением коррупционной направленности, ст. 285 УК РФ невозможно считать частным случаем превышения полномочий.

5. Выводы

Резюмируя изложенное, представляется, что квалификация однородных действий должностного лица по двум самостоятельным статьям УК РФ является недопустимой. В целях повышения правовой определенности, а также уровня единообразия судебной практики в настоящее время необходимо, как минимум, дополнение Постановления от 16 октября 2009 г. Пленума Верховного Суда РФ положениями более конкретно разграничивающими квалификацию должностных преступлений по ст. 285 и 286 УК РФ. В противном случае органы расследования и правосудия продолжают произвольно толковать указанные нормы в каждом конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления / А.Я. Светлов. – Киев: Наукова думка, 1978. – 303 с.
2. Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений / В.Н. Борков. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 284 с.
3. Егорова Н.А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий / Н.А. Егорова // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 30–34.

4. Байрамкулов А.М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Байрамкулов. – Саратов, 2014. – 30 с.
5. Феркалюк Ю.И. Представитель власти как субъект должностных преступлений / Ю.И. Феркалюк // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 13–14.
6. Асланов Р.М. Преступления против государственной власти / Р.М. Асланов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 480 с.
7. Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления / А.Я. Аснис. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – 396 с.
8. Беляев А. Превышение должностных полномочий и злоупотребление ими. Разъяснения Пленума Верховного Суда / А. Беляев // Бюджетные учреждения: ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности. – 2009. – № 12. – С. 32–36.
9. Волженкин Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М.: Юрист, 2000. – 368 с.
10. Жалинский А.Э. Спорные проблемы применения статьи 286 УК РФ в новых условиях / А.Э. Жалинский // Юридический мир. – 2002. – № 8. – С. 4–8.
11. Борков В.Н. Квалификация хищений, совершаемых в сфере исполнения государственного и муниципального контракта / В.Н. Борков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 6. – С. 12–15.
12. Цалиев А.М. О роли и месте судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции / А.М. Цалиев // Российский судья. – 2017. – № 2. – С. 54–57.
13. Бриллиантов А.В. Юридически значимые действия и юридические последствия как признак должностного лица / А.В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2010. – № 9. – С. 6–10.
14. Яни П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 12. – С. 12–16.
15. Уткин В.А. Коррупция и информационные технологии / В.А. Уткин, Е.В. Уткина // Безопасность бизнеса. – 2016. – № 1. – С. 45–48.

REFERENCES

1. Svetlov A.Ya. *Responsibility for official crimes*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1978. 303 p. (In Russ.).
2. Borkov V.N. *Qualification of malfeasance*. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 284 p. (In Russ.).
3. Yegorova N.A. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation "On cases about abuse of power and exceeding of power". *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.).
4. Bairamkulov A.M. *Criminal liability of employees of internal Affairs bodies for crimes committed in the performance of official duties*, Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2014. 30 p. (In Russ.).
5. Ferkaliuk Iu.I. Representative of Authority as a Subject of Official Crimes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2009, no. 12, pp. 13–14. (In Russ.).
6. Aslanov R.M. *Crimes against state power*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 480 p. (In Russ.).
7. Asnis A.Ya. *Criminal liability for service crimes*. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2004. 396 p. (In Russ.).
8. Belyaev A. Abuse of power and abuse of authority. Explanations of the Plenum of the Supreme Court. *Byudzhethnye uchrezhdeniya: revizii i proverki finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti*, 2009, no. 12, pp. 32–36. (In Russ.).
9. Volzhenkin B.V. *Office crimes*. Moscow, Yurist Publ., 2000. 368 p. (In Russ.).
10. Zhalinskii A.E. The controversial issues of the application of article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation in new conditions. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2002, no. 8, pp. 4–8. (In Russ.).
11. Borkov V.N. Qualifications of Thefts Committed in the Execution of State and Municipal Contract. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 6, pp. 12–15. (In Russ.).
12. Tsaliyev A.M. Anti-corruption Role and Place of the Courts of General Jurisdiction. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2017, no. 2, pp. 54–57. (In Russ.).
13. Brilliantov A.V. Legally Relevant Acts and Legal Consequences as a Feature of an Office-holder. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 9, pp. 6–10. (In Russ.).

14. Yani P.S. Abuse of authority - an individual case of excess of authority. *Zakonnost'*, 2011, no. 12, pp. 12–16. (In Russ.).

15. Utkin V.A., Utkina E.V. Corruption and Information Technologies. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2016, no. 1, pp. 45–48. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Забуга Евгений Евгеньевич – кандидат юридических наук, Председатель Совета молодых адвокатов, член квалификационной комиссии
Адвокатская палата Омской области
644001, Россия, г. Омск, ул. Лермонтова, 127/1
e-mail: lawyer_zabuga@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Evgeny E. Zabuga – PhD in Law, Chairman of the Council of young lawyers, member of the Qualification Commission
Omsk Regional Bar Chamber
127/1, Lermontova ul., Omsk, 644001, Russia
e-mail: lawyer_zabuga@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Забуга Е.Е. Спорные вопросы квалификации должностных преступлений / Е.Е. Забуга // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 64–69. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).64-69.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zabuga E.E. Controversial issues of subsumption of malfeasance. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 64–69. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).64-69. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 343.27

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М.П. Клеймёнов¹, И.М. Клеймёнов², Р.В. Пустовит¹

¹*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

²*НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

2 мая 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Рассматривается наказуемость в ее практическом измерении как центральная часть борьбы с коррупцией. Для ее эффективного исследования предлагается использование оригинальной концепции уголовно-правового реагирования. На основании анализа судебной статистики делается вывод о неудовлетворительном состоянии уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления по многим параметрам.

Ключевые слова

Коррупционные преступления,
назначение наказания,
уголовно-правовое
реагирование, карательная
практика, уголовно-правовое
прогнозирование

PRACTICE OF PUNISHMENT FOR CORRUPTION CRIMES

Mikhail P. Kleymenov¹, Ivan M. Kleymenov², Roman V. Pustovit¹

¹*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

²*HSE - Saint Petersburg, St. Petersburg, Russia*

Article info

Received – 2018 May 2

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The central element in combating corruption is punitive practice. The whole history of mankind testifies that corruption can be restrained only by effective application of criminal punishment.

The purpose of the article is to show the practice of assigning criminal punishment for corruption crimes of various kinds.

Keywords

Corruption crimes, punishment
assignment, criminal-legal
response, punitive practice,
criminal-legal forecasting

The description of methodology. The authors use the conception criminally-legal response. The following characteristics of the criminal-legal response are distinguished: lack of response; very weak response – the number of convicts does not exceed 10; weak response – the number of convicts is calculated within a few dozen people; adequate response – the number of convicts and penalties correspond to the criminological characteristics of a group of crimes; intensive reaction – the norm is realized in conditions of the possibility of ensuring the inevitability of punishment; punitive response – the norm is applied on the basis of the "letter, not the spirit" of the law; reflexive response – the appointment of punishment to privileged criminals in conditions of increased public attention; protest reaction – judicial practice comes into conflict with ill-conceived legislative novels. The main results and scope of their application. The practice of imposing punishment for corruption crimes in the following spheres is analyzed: electoral; public service; commercial-service relations; of justice.

Conclusions. Punitive practice in relation to persons convicted of corruption crimes in general is characterized by exceptional humanism. As the main penalties the penalty is leading (50.1%), in the second place – suspended imprisonment (24.1%). Real deprivation of liberty applies only to the seventh part of corrupt officials (14.7%). For comparison: according

to art. 158 "Theft" in 2016 was sentenced to imprisonment twice as many criminals – 30,3%. This ratio indicates an underestimation of the public danger of corruption crime and actually disavows the proclaimed thesis that corruption is a systemic threat to national security.

1. Главный ресурс борьбы с коррупцией

Центральным звеном противодействия преступности является карательная практика [1–4]. Так было во все времена существования человечества, это в полной мере справедливо и для настоящего времени. К сожалению, легальное определение противодействия преступности, сформулированное в двух федеральных законах («О противодействии терроризму»¹ и «О противодействии коррупции»²), данное достаточно очевидное положение не учитывает. В этих нормативных правовых актах противодействие криминальной деятельности понимается как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц:

а) по предупреждению терроризма или коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов или коррупции (профилактика терроризма или коррупции);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта или коррупционных правонарушений (борьба с терроризмом или коррупцией);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма или коррупционных правонарушений [5–7].

Между тем в докладе Генерального секретаря ООН на XIII конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию подчеркивается значение практики назначения наказания для укрепления общественной безопасности³.

Центральной частью противодействия (не только формально, но и содержательно) выступает борьба с коррупцией. Правда, следует уточнить, что главным ее ресурсом («мотором») является прак-

тика назначения наказания за преступления коррупционной направленности. Выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных преступлений есть только «прелюдия» к главному акту «юридического действия» – назначению наказания.

2. Показатели работы системы уголовной юстиции по борьбе с коррупцией на «входе» и «выходе»

Сведения о рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности включены в статистическую отчетность в качестве отдельной формы судебной отчетности (ф. 10.4.1) в 2011 г.⁴ К сожалению, в ней представлены довольно скудные данные, не отражающие в полной мере структуру коррупционных уголовных правонарушений. Тем не менее, обращаясь к материалам табл. 1, составленной на основе сводки показателей судебной деятельности по форме 10.4.1, можно констатировать тенденцию к росту судимости за преступления коррупционной направленности. Такая тенденция является достаточно очевидной, хотя выражена в сравнительно небольших цифрах.

Таблица 1
Число осужденных за преступления коррупционной направленности в 2012–2016 гг. по основной квалификации

Коррупционные преступления	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	6 014	8 607	10 784	11 499	10 975
По составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ	3 860	5 249	6 876	7 715	6 605

Примечание. Составлено по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (<http://www.cdep.ru>).

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта.

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15 февраля 2016 г.) «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря.

³ URL: http://www.unodc.org/documents/congress//Documentation/A-CONF.222-4/ACONF222_4_r_V1500371.pdf.

⁴ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10 июня 2011 г. № 115 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции и судимости и форм статистической отчетности о деятельности судов и судимости» // СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо отметить также, что коррупционных преступлений регистрируется больше, чем лиц, в отношении которых возбуждаются уголовные дела (соотношение «преступления / лица» по составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ в 2012 г. составило 1:2,20, в 2013 г. – 1:1,84, в 2014 г. – 1:1,57, в 2015 г. – 1:1,65, в 2016 г. – 1:1,77), а число осужденных заметно меньше количества привлеченных к уголовной ответственности (соотношение «выявленные лица / осужденные» по составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ следующее: в 2012 г. – 1:0,75, в 2013 г. – 1:0,68, в 2014 г. – 1:0,80, в 2015 г. – 1:0,85, в 2016 г. – 1:0,76). Иными словами, на «входе» в систему уголовной юстиции показатели существенно выше, чем на «выходе». По всей вероятности, в «черном ящике» судебной юстиции происходят процессы, которые купируют уголовно-правовые риски коррупционеров.

3. «Черный ящик» системы уголовной юстиции по борьбе с коррупцией

В связи с этим возникает закономерное стремление заглянуть в этот «черный ящик», по возможности исследовать механизм принятия уголовно-правовых решений. В определенной степени это можно сделать, обратившись к сведениям об относительном числе оправданных в результате рассмотрения уголовных дел о коррупции (табл. 2).

Из табл. 2 усматривается, что относительное число оправдательных приговоров снижается, зато

увеличивается относительное количество прекращенных уголовных дел. Поскольку основная масса дел о коррупции прекращается в судебных инстанциях по нереабилитирующим основаниям, то можно констатировать наличие выработанной правоприменительной практикой теневого механизма освобождения коррупционеров от уголовной ответственности, когда сроки расследования преступлений коррупционной направленности искусственно затягиваются и сроки давности истекают при поступлении дела в суд.

Отсутствие в табл. 2 сведений за 2016 г. обусловлено изменением формы 10.4.1 – в новой ее редакции соответствующие данные не представлены. В то же время в нее включены материалы о количестве дел, рассмотренных в особом порядке (в соответствии с положениями гл. 40 и 40.1 УПК РФ). Их общее число составляет 6 907 (34,7 %) по всем составам коррупционных преступлений и 4 501 (43,2 %) по составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ. Таким образом, механизм вынесения судебных решений по уголовным делам о коррупционных преступлениях включает в себя и этот аспект: упрощенный порядок вынесения обвинительного приговора.

В новой форме статистической отчетности 10.4.1 приведены более подробные (чем в предыдущей форме) сведения о видах наказаний, назначенных судом лицам, уличенным в коррупции. Обратимся к их рассмотрению (табл. 3).

Таблица 2

Относительное число оправданных и прекращенных дел в результате судебного рассмотрения преступлений коррупционной направленности за 2012–2016 гг., %

Коррупционные преступления	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	1,01/4,95	1,17/4,89	0,85/6,08	0,60/6,32	–
По составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ	1,14/2,69	0,87/2,30	0,43/2,71	0,21/3,41	–

Примечание: В числителе дробей – относительное число оправданных лиц, в знаменателе – относительное количество прекращенных дел.

Таблица 3

Реальное лишение свободы, назначенное коррупционерам, осужденным по основной квалификации в 2016 г.

Категория	Всего, чел.	Доля, %
Осужденные, всего	10 975	100
Осужденные к лишению свободы, всего	1 620	14,84
В том числе к срокам:		
до 1 года	336	3,10
от 1 до 2 лет	372	3,40
от 2 до 3 лет	390	3,50
от 3 до 5 лет	324	3,00
от 5 до 8 лет	173	1,60
от 8 до 10 лет	21	0,20
от 10 до 15 лет	4	0,04

Как видим, реальное лишение свободы применяется только к седьмой части коррупционеров, при этом 88 % из них осуждено к лишению свободы сроком не свыше 5 лет. Для сравнения: по ст. 158 УК РФ «Кража» в 2016 г. осуждено к лишению свободы в два раза больше преступников – 30,3 %. Такое соотношение свидетельствует о недооценке общественной опасности коррупционной преступности и фактически дезавуирует провозглашенный тезис о том, что коррупция является системной угрозой национальной безопасности.

Из табл. 4, где представлены сведения об основных видах наказания, назначенных коррупционерам (кроме реального лишения свободы) в 2016 г., усматривается, что в качестве основных наказаний

лидирует штраф, на втором месте – условное лишение свободы. Именно они составляют 75 % карательной практики по отношению к лицам, осужденным за коррупционные преступления.

Дополнительно обращаясь к материалам табл. 5, можно констатировать, что карательная практика по отношению к лицам, осужденным за коррупционные преступления, в целом характеризуется исключительным гуманизмом. Активно применяются институты, смягчающие наказание (и без того не слишком суровое). Даже штраф в 6,1 % случаев назначается ниже низшего предела. Что же касается конфискации имущества, то она в 2016 г. применялась только по отношению к 5 % осужденных.

Таблица 4

Основные виды наказания, назначенные коррупционерам (кроме реального лишения свободы) в 2016 г.

Категория	Всего, чел.	Доля, %
Осужденные, всего	10 975	100
Условное лишение свободы	2 642	24,12
Условное осуждение к иным мерам	43	0,39
Арест	0	0
Ограничение свободы	61	0,55
Исправительные работы	161	1,46
Обязательные работы	50	0,45
Штраф	5 520	50,29

Таблица 5

Наказуемость коррупционеров 2016 г., кроме основных наказаний

Категория	Всего, чел.	Доля, %
Осужденные, всего	10 975	100
Наказание ниже низшего предела	1 515	13,80
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	57	0,52
Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление	1 800	16,40
Конфискация имущества	543	4,94
Штраф (дополнительное наказание)	1 263	11,51
Ограничение свободы (дополнительное наказание)	16	0,14
Не применено обязательное дополнительное наказание	707	6,44

4. Концепция уголовно-правового реагирования

Для того чтобы более полно реализовать стремление заглянуть в «черный ящик» судебной юстиции, по возможности исследовать механизм принятия судебных решений, необходим соответствующий научный инструментарий. Поиски такого инструментария привели к концепции уголовно-правового реагирования, разработанной И.М. Клейменовым [8]. В этой концепции уголовно-правовое реагирование понимается как реализация уголовно-правовых норм по отношению к лицам, совершив-

шим преступления, как «специальная деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве» [9, с. 28]. Иначе говоря, уголовно-правовое реагирование есть реакция государства на совершённые преступления в виде привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Механизм уголовно-правового реагирования И.М. Клейменов представляет в виде последовательности стадий: возбуждения уголовного дела,

освобождения от уголовной ответственности, назначения уголовного наказания, освобождения от наказания, исполнения наказания, приведения приговора в соответствие с новым уголовным законом, улучшающим положение осужденного. Для выполнения задач настоящего исследования наиболее важное значение имеют замечания автора концепции относительно характеристики видов уголовно-правового реагирования:

- отсутствие реагирования;
- очень слабое реагирование – количество осужденных не превышает десяти;
- слабое реагирование – число осужденных является небольшим, исчисляется десятками;
- адекватное реагирование – число осужденных и меры наказания соответствуют криминологической характеристике преступления;
- интенсивное реагирование – норма реализуется в условиях возможности обеспечения неотвратимости наказания;
- карательное реагирование – норма применяется на основании «буквы», а не «духа» закона;
- рефлексивное реагирование – назначение наказания «своим» в условиях повышенного общественного внимания, «резонансности» дела;
- протестное реагирование – судебная практика входит в конфликт с непродуманными законодательными новеллами.

5. Практика назначения наказания за коррупционные преступления в электоральной сфере

Обратимся к изучению практики назначения наказаний за отдельные группы преступлений коррупционной направленности.

Рассматривая данные о коррупционных преступлениях в сфере избирательного процесса (табл. 6), необходимо учесть, что всего по указанным статьям УК РФ за 2012 г. осужден 21 правонарушитель, в 2013 г. – 6, в 2014 г. – 8, в 2015 г. – 4, в 2016 г. – 11. Статья 141.1 «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» не применяется. В целом уголовно-правовое реагирование на электоральную коррупцию является очень слабым, можно сказать, символическим. К тому же важно иметь в виду тенденцию к снижению остроты такого реагирования в последние годы. В связи с этим можно сформулировать следующий прогноз: сложившаяся практика является укоренившейся и не может быть скорректирована без изменения подследственности дел об электоральной коррупции. Такие дела целесообразно отнести к подследственности ФСБ, для чего внести соответствующие изменения в ст. 151 УПК РФ, предусмотрев, что предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 141–142.2 УК РФ, производится следователями органов ФСБ.

Таблица 6

Практика назначения наказания за преступления коррупционной направленности в сфере избирательного процесса, абс. (медианные значения за 2012–2016 гг.)

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
141	5	1	0	0	0	0	2	0	2
141.1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
142	132	5	0	0	0	0	0	3	2

6. Практика назначения наказания за служебные коррупционные преступления

Своеобразным «центром» коррупционной преступности является совокупность служебных коррупционных преступлений, что имеет бесспорные историческую и юридическую традиции: еще в древние времена взяточничество и иные должностные преступления с корыстной мотивацией относились к угрозам государственной власти и строго карались [10, с. 83; 11, с. 126]. В настоящее время борьба с коррупцией в некоторых государствах может служить

примером эффективного сочетания профилактических и карательных мер. В частности, по мнению специалистов, опыт КНР в сфере противодействия коррупции представляет ценность в дискурсе верховенства права, неотвратимости наказания и отсутствия избирательного правосудия в отношении коррупционеров [12].

Этого не скажешь, анализируя российскую практику назначения наказания за служебные преступления коррупционной направленности (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

**Практика назначения наказания за служебные коррупционные преступления, абс.
(медианные значения за 2012–2016 гг.)**

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
285	1 189	464 (54)	36 (7)	59 (8)	0	0	0	143 (8)	226 (31)
285.1	32	3	1	–	–	–	–	–	2
285.2	4	0	0	0	0	0	0	0	0
285.3	17	2	0	0	0	0	0	1	1
286	2 152	1 388	239	529	3	0	2	422	193
289	18	3	0	0	0	0	0	1	1
290	2 009 (12)	1 702 (9)	401 (3)	427	0	5	0	746	523
291	4 461	3 238	259	230	0	0	0	2 156	593
291.1	299	124	12	34	1	0	0	77	0
291.2	1 779	1 115	16	12	35	79	0	864	9
292	2 851	523	6	55	0	12	0	369	81
322.1	1 141	891	73	103	0	0	12	449	254
322.2	1 361	486	4	17	1	0	0	286	178

Примечание. В скобках приведены сведения о лицах, занимающих государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющихся главами органов местного самоуправления.

Так, следует прежде всего отметить отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления, предусмотренные ст. 285.2 УК РФ «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Между тем, судя по опросу сотрудников уголовно-исполнительной системы, такие преступления только в данной сфере совершаются не менее, чем пятой частью лиц, распоряжающихся соответствующими средствами [13].

Как усматривается из табл. 7, очень слабое уголовно-правовое реагирование следует при выявлении преступлений, предусмотренных статьями УК РФ 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств», 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». По существу, эти нормы антикоррупционной направленности не применяются. И главной причиной такого бездействия является, на наш взгляд, сложившаяся практика избирательного правоприменения: ст. 285.1–285.3 УК РФ адресованы тем субъектам, которые обладают достаточно высокими должностными полномочиями. В определенной степени это суждение подтверждается показателями применения ст. 285 УК РФ: они в целом характеризуют очень гуманное отношение к лицам, злоупотребляющим должностными полномочиями –

почти половина из них в дальнейшем освобождается от уголовной ответственности.

Также освобождается от уголовной ответственности более половины лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющихся главой органа местного самоуправления. Характерно, что данные лица крайне редко выступают субъектами получения взятки (ст. 290 УК РФ).

Таким образом, следует констатировать избирательность правоприменения за служебные преступления коррупционной направленности – основная тяжесть уголовно-правового реагирования приходится на рядовых должностных лиц – на «мух», если пользоваться китайской терминологией уголовной политики борьбы со взяточничеством, борьба с «тиграми» практически не осуществляется. Соответственно, можно сформулировать и уголовно-правовой нормативный прогноз, который ставит задачу выдвижения главного приоритета борьбы с коррупцией – привлечения к уголовной ответственности коррупционеров из числа лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющихся главой органа местного самоуправления.

7. Практика назначения наказания за служебно-коммерческие коррупционные преступления

Определенный интерес представляет практика уголовно-правового реагирования на служебно-коммерческие преступления коррупционной направленности (табл. 8), поскольку противодействие коррупции в бизнес-среде является важным направлением антикоррупционной политики государства.

В особенности удручают показатели уголовно-правового реагирования на преступления, предусмотренные ст. 202 УК РФ «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами», поскольку такие злоупотребления (подчас имеющие

систематический и организованный характер) система уголовной юстиции практически полностью игнорирует. Очень слабое реагирование следует на посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ). Впрочем, уголовно-правовое реагирование на служебно-коммерческие преступления коррупционной направленности в целом следует признать слабым, учитывая широкое применение штрафных санкций и распространенную практику освобождения от уголовной ответственности (как видно из табл. 8, более половины осужденных по ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» освобождено по амнистии).

Таблица 8

Практика назначения наказания за служебно-коммерческие преступления коррупционной направленности, абс. (медианные значения за 2012–2016 гг.)

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
201	604	197	33	27	0	6	1	23	107 А
202	23	1	0	0	0	0	0	1	0
204	650	408	43	165	0	0	0	175	25
204.1	17	3	0	1	0	0	0	2	0
204.2	84	38	0	0	4	1	7	23	3

Примечание. А – амнистия.

8. Практика назначения наказания за коррупционные преступления против правосудия

Существенный научный интерес представляет анализ сведений, представленных в табл. 9.

Прежде всего обратим внимание на отсутствие уголовно-правового реагирования на преступление,

предусмотренное ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа», что никак не соответствует задаче пресечения провокационно-подстрекательских действий со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Таблица 9

Практика назначения наказания за коррупционные преступления против правосудия, абс. (медианные значения за 2012–2016 гг.)

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
294	36	8 (0)	3	0	0	0	0	5	0
295	6	2	2	0	0	0	0	0	0
296	65	38	22	7	0	1	0	8	0
302	2	0	0	0	0	0	0	0	0
303	295	76	1	19	4	13	0	19	20
304	3	0	0	0	0	0	0	0	0
305	4	2	0	0	0	0	0	0	2
307	1 051	719	5	17	0	113	102	442	23
309	133	66	18	14	0	2	2	28	2

Далее отметим отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления, предусмотренные

статьями УК РФ 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», 294 (ч. 3) «Воспрепятствование осуществле-

нию правосудия и производству предварительного расследования», 305 «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта», а также слабое реагирование на преступления, предусмотренные ст. 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Широко распространены процедуры уклонения от уголовной ответственности должностных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» – осуждается только каждый четвертый из выявленных правонарушителей.

Более или менее адекватно уголовно-правовое реагирование следует на преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

Следовательно, состояние уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления в сфере правосудия в целом следует признать неудовлетворительным. Это дает основание сформулировать следующий нормативный уголовно-правовой прогноз: противодействие преступлениям коррупционной направленности в сфере правосудия должно стать приоритетным объектом комплексного анализа в антикоррупционной политике современной России, иначе борьба с коррупцией окажется неэффективной.

9. Выводы

1. Центральной частью противодействия коррупции является борьба с ней, а главным ее ресурсом является практика назначения наказания за преступления коррупционной направленности.

2. Карательная практика по отношению к лицам, осужденным за коррупционные преступления, в целом характеризуется исключительным гуманизмом. В качестве основных наказаний лидирует штраф (50,1 %), на втором месте – условное лишение свободы (24,1 %). Реальное лишение свободы применяется только к седьмой части коррупционеров (14,7 %). Для сравнения: по ст. 158 УК РФ «Кража» в 2016 г. осуждено к лишению свободы в два раза больше преступников – 30,3 %. Такое соотношение свидетельствует о недооценке общественной опасности коррупционной преступности и фактически дезавуирует провозглашенный тезис о том, что коррупция является системной угрозой национальной безопасности.

3. Уголовно-правовое реагирование на электроальную коррупцию является очень слабым, можно сказать, символическим. К тому же важно иметь в виду тенденцию к снижению остроты такого реагирования в последние годы, что позволяет сформулировать следующий прогноз: сложившаяся практика является укоренившейся и не может быть скорректирована без изменения подследственности дел об электроальной коррупции. Такие дела целесообразно отнести к подследственности ФСБ, для чего внести соответствующие изменения в ст. 151 УПК РФ, предусмотрев, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 141–142.2 УК РФ производится следователями органов федеральной службы безопасности.

4. Очень слабое уголовно-правовое реагирование следует при выявлении преступлений, предусмотренных статьями УК РФ 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств», 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». По существу, эти нормы антикоррупционной направленности не применяются. И главной причиной такого бездействия является, на наш взгляд, сложившаяся практика избирательного правоприменения: ст. 285.1–285.3 УК РФ адресованы тем субъектам, которые обладают достаточно высокими должностными полномочиями.

5. Слабым следует признать в целом уголовно-правовое реагирование на служебно-коммерческие преступления коррупционной направленности.

6. Отсутствует уголовно-правовое реагирование на преступления, предусмотренные ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа», что никак не соответствует задаче пресечения провокационно-подстрекательских действий со стороны сотрудников правоохранительных органов.

7. Состояние уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления в сфере правосудия в целом следует признать неудовлетворительным, что дает основание сформулировать следующий нормативный уголовно-правовой прогноз: противодействие преступлениям коррупционной направленности в сфере правосудия должно стать приоритетным объектом комплексного анализа в антикоррупционной политике современной России, в противном случае та не будет иметь должного результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А.С. Автономов. – М.: Юрист, 2017. – 132 с.
2. Макаров А.В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России / А.В. Макаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 3. – С. 13–21.
3. Рафалюк Е.Е. Юридическая наука в поиске правовых механизмов противодействия коррупции / Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 43–68.
4. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения / А.Г. Хабибулин // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45–50.
5. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах / А.Ф. Ноздрачев // Адвокат. – 2007. – № 10. – С. 34–49.
6. Тютюнник И.Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ: моногр. / И.Г. Тютюнник. – М.: Юстицинформ, 2017. – 152 с.
7. Григорьев В.В. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / В.В. Григорьев. – М.: Деловой двор, 2009. – 208 с.
8. Клеймёнов И.М. Уголовно-правовое реагирование, его формы и виды / И.М. Клеймёнов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 3 (48). – С. 192–200.
9. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В.К. Дуюнов. – М.: Научная книга, 2003. – 520 с.
10. Всеобщая история государства и права: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало-М, 2011. – Т. 1: Древний мир и средние века. – 640 с.
11. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб.: Летний Сад, 1998. – 556 с.
12. Севальнев В.В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект / В.В. Севальнев // Журнал российского права. – 2015. – № 10. – С. 151–157.
13. Хохрин С.А. Аспекты правовой характеристики преступлений сотрудников пенитенциарной системы / С.А. Хохрин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 135–140.

REFERENCES

1. Avtonomov A.S. (ed.). *Legal and organizational anti-corruption measures, comparative study*. Moscow, Yurist Publ., 2017. 132 p. (In Russ.).
2. Makarov A.V. Corruption: experience of successful struggle of China and reality of contemporary Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2012, no. 3, pp. 13–21. (In Russ.).
3. Rafalyuk E.E., Vlasova N.V. Legal Science in the Search for the Legal Mechanism of Combating Corruption. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 7, pp. 43–68. (In Russ.).
4. Khabibulin A.G. Corruption as threat to national security: methodology, problems and ways of their decision. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 2, pp. 45–50. (In Russ.).
5. Nozdrachev A.F. Corruption as a legal problem in questions and answer. *Advokat*, 2007, no. 10, pp. 34–49. (In Russ.).
6. Tyutyunnik I.G. *Selfish motive in the structure of crimes against personal freedom: criminal law and criminological analysis*, Monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2017. 152 p. (In Russ.).
7. Grigor'ev V.V. *Commentary to the Federal law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On combating corruption"*, article by article. Moscow, Delovoi dvor Publ., 2009. 208 p. (In Russ.).
8. Kleymenov I.M. The criminal legal reaction, its forms and types. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 3 (48), pp. 192–200. (In Russ.).
9. Duyunov V.K. *Criminal-legal impact: theory and practice*. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2003. 520 p. (In Russ.).

10. Tomsinov V.A. (ed.). *Universal history of state and law*, in 2 volumes. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2011. Vol. 1. 640 p. (In Russ.).
11. Pokrovskii I.A. *History of Roman law*. St. Petersburg, Letnii Sad Publ., 1998. 556 p. (In Russ.).
12. Seval'nev V.V. Anti-corruption legislation of the Russian Federation and People's Republic of China: comparative-legal aspect. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 10, pp. 151–157. (In Russ.).
13. Khokhrin S.A. The Aspects of Legal Characterization of Offences Committed by the Officers of the Penitentiary system. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 1, pp. 135–140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клеймёнов Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: klim798@mail.ru
SPIN-код: 4431-6452; AuthorID: 596245
ORCID: orcid.org/0000-0002-6942-7059

Клеймёнов Иван Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
198099, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17
e-mail: piliggrim111@mail.ru
SPIN-код: 9166-9294; AuthorID: 343510

Пустовит Роман Вадимович – соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: jf-omsu@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клеймёнов М.П. Практика назначения наказания за коррупционные преступления / М.П. Клеймёнов, И.М. Клеймёнов, Р.В. Пустовит // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 70–79. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mikhail P. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; Head, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: klim798@mail.ru
SPIN-code: 4431-6452; AuthorID: 596245
ORCID: orcid.org/0000-0002-6942-7059

Ivan M. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
HSE - Saint Petersburg
17, Promyshlennaya ul., St. Petersburg, 198099, Russia
e-mail: piliggrim111@mail.ru
SPIN-code: 9166-9294; AuthorID: 343510

Roman V. Pustovit – applicant for PhD degree, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: jf-omsu@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov M.P., Kleymenov I.M., Pustovit R.V. Practice of punishment for corruption crimes. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 70–79. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79. (In Russ.).

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Т.В. Непомнящая

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 марта 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Ключевые слова

Назначение наказания, лишение свободы, альтернативные виды наказаний, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы

Рассматриваются проблемы назначения судами Российской Федерации уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы. Дается ответ на вопрос, почему наказания, не связанные с лишением свободы, особенно лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, в Российской Федерации назначаются судами довольно редко, а наиболее распространенными альтернативными наказаниями являются только штраф и обязательные работы. Предлагаются конкретные меры, направленные на расширение практики назначения наказаний, альтернативных лишению свободы, связанные с необходимостью изменений в законодательной регламентации этих наказаний, а также ряд иных организационных мер.

PROBLEMS OF IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT

Tatiana V. Nepomnyashchaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 March 28

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

Keywords

Imposition of punishment, imprisonment, alternative types of punishment, fines, deprivation of the right to hold specific offices or to engage in specific activities, compulsory works, corrective labor, restricted liberty, compulsory labor

The subject. The article is devoted to problems of appointment some criminal punishments alternative to the deprivation of liberty by courts in Russian Federation. The author gives an answer to the question, why punishments not related to imprisonment in the Russian Federation, especially deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, corrective labor, restriction of freedom, forced labor, are rarely appointed by courts, and the most common alternative punishments are only fine and mandatory work. Methodology. Author uses such researching methods as analysis and synthesis, formally legal, comparative legal.

Results. The author proposes some concrete measures, aimed at expanding the practice of appointment some criminal punishments alternative to the deprivation of liberty.

It is necessary to reduce the size of the fine established in the Criminal Code of the Russian Federation. It is necessary to establish a penalty in the sanction of norms on crimes of small and medium gravity, committed for mercenary motives and connected with causing material damage.

In order of more effective serving of punishments in the form of compulsory and corrective works, it is necessary to interest employers, it can be expressed in granting tax credit benefits. The searching of specific facilities for serving corrective labor should be assigned to employment centers.

It seems expedient to introduce deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities as the main type of punishment to all sanctions of the norms about the responsibility for crimes of small or medium gravity related to the professional activities of the person.

It is necessary to eliminate gaps in the legislative regulation of punishment in the form of restricted liberty and to solve the problem of electronic monitoring of convicts using electronic bracelets.

Conclusions. The punishment in the form of deprivation of liberty should be appointed by courts only in cases, when the crime is highly dangerous, the identity of the criminal is also characterized by a high degree of public danger. Serious changes are also needed in the legislative regulation of sentences not related to deprivation of liberty, and a number of other organizational measures aimed at expanding the practice of applying these punishments.

1. Лишение свободы как один из наиболее распространенных видов наказаний, назначаемых судами в Российской Федерации

Одним из наиболее распространенных наказаний, назначаемых судами в Российской Федерации, является лишение свободы. С 1997 по 2009 г. к лишению свободы в нашей стране ежегодно осуждался примерно каждый третий осужденный. Но начиная с 2010 г., в связи с изменением курса российской уголовной политики в сторону либерализации уголовного наказания и карательной практики, число осужденных к этому наказанию постепенно снижается. Так, если в 2009 г. к лишению свободы были осуждены 32,7 % от общего числа осужденных, то в 2010 г. – 31,4 %, а в 2016 г. – уже 27,8 %¹. И если на 1 ноября 2009 г. в местах лишения свободы в Российской Федерации находилось 875 800 чел., то по состоянию на 1 февраля 2018 г. – уже 600 262 чел.², т. е. за 8 лет число осужденных к лишению свободы снизилось более чем на 275 000 чел. Вместе с тем по состоянию на конец 2017 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях в Российской Федерации состояло 503 865 чел., осужденных ко всем наказаниям, не связанным с лишением свободы, и условно осужденных³.

Таким образом, несмотря на некоторое снижение доли лишения свободы на определенный срок в общей структуре назначаемых судами наказаний, оно продолжает оставаться одним из наиболее распространенных наказаний. При этом, как справедливо указывает Ханс-Йорг Альбрехт, переполнен-

ность тюрем – достаточно серьезная проблема, которая существует на протяжении многих десятилетий в разных государствах [1, р. 1].

Проблема переполненности исправительных учреждений актуальна тем, что оказывает негативное воздействие как на самих заключенных, так и на всё общество в целом. Переполненность тюрем обуславливает агрессивное поведение заключенных, приводит к более высоким показателям заболеваемости, повышенной вероятности рецидивизма, к снижению возможностей по исправлению для заключенных, а также в участии их в профессиональной подготовке или образовании [2, р. 4]. Для осужденных тюрьмы являются зачастую «школой преступности», а недостаточно развитая система реабилитации и адаптации после освобождения также не способствует возвращению их в общество [3, с. 61].

Одним из выходов из сложившейся в настоящее время в Российской Федерации ситуации является развитие института наказаний без изоляции от общества – альтернативных наказаний. Как отмечается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, «эффективное применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы...»⁴.

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>.

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: [http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS/](http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/).

³ Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. URL: [http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka v YIU/](http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YIU/).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. от 23 сентября 2015 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

2. Проблемы назначения штрафа и обязательных работ как альтернативных лишению свободы наказаний

В настоящее время в нашей стране наиболее распространенными наказаниями, не связанными с лишением свободы, которые назначают суды, являются штраф и обязательные работы.

Так, число осужденных к штрафу в качестве основного наказания в целом по стране постепенно росло начиная с 2000 г. Если в период с 2000 по 2004 г. к штрафу ежегодно осуждалось 6,2–6,5 % от общего числа осужденных, то в 2005–2006 гг. – 10,3–10,8 %, в 2007 г. – 12,8 %, в 2008–2011 гг. – 14,4–14,6 %, а в 2012–2014 гг. – 15,3–15,8 % от общего числа осужденных. Лишь в 2015 г. число осужденных к штрафу снизилось и составило 11,8 % от общего числа осужденных, но в 2016 г. вновь возросло до 13,5 % от общего числа осужденных⁵. Но в целом необходимо отметить, что штраф как основной вид наказания назначается судами в нашей стране довольно редко.

В первую очередь, на наш взгляд, это связано с тем, что размеры штрафа довольно высоки и суды не могут назначить это наказание лицам, не имеющим стабильной и высокой заработной платы, постоянного источника дохода. Как справедливо отмечает А.А. Кузина, основным фактором малой распространенности штрафа «в политических, экономических, социальных и культурных условиях нашей страны является слабая социально-экономическая сфера» [4, с. 241].

В то же время нельзя не согласиться и с тем, что «осуществить правильное прогнозирование социально-экономического положения осужденного суду достаточно сложно. Ввиду этого у суда в дальнейшем возникают определенные сложности с исполнением штрафа, связанные с тем, что у осужденного отсутствуют как денежные средства, которые могут быть принудительно взысканы, так и имущество, благодаря реализации которого может быть уплачен штраф» [5, с. 112].

Таким образом, одним из важных является вопрос о порядке исчисления и размерах штрафа в уго-

ловном законодательстве. Но максимальный размер штрафа – до 5 млн руб. – является слишком высоким. А за преступления, связанные со взяточничеством, размеры штрафов являются «абсолютно невообразимыми, гигантскими»⁶, при этом максимальный размер штрафа за эти преступления превышает минимальный в 20 тысяч раз!

В связи с этим, на наш взгляд, возникает вопрос о необходимости снижения размеров штрафа как вида уголовного наказания: «Уголовное наказание в виде штрафа должно быть таким, чтобы была возможность его реально исполнить, иначе смысл этого уголовного наказания потеряет свое значение» [6, с. 20].

Необходимым представляется также дальнейшее расширение этого вида наказания в санкциях норм Особенной части УК РФ⁷. В первую очередь, штраф должен быть предусмотрен в санкциях преступлений небольшой и средней тяжести, совершённых по корыстным мотивам, а также связанных с причинением материального ущерба (например, ч. 2 ст. 274, ч. 2 ст. 254 и др.). Это позволит установить взаимосвязь между мотивацией совершения преступления и характером наказания. Именно штраф как наказание, связанное с воздействием на имущественные интересы осужденных, является целесообразным в данном случае. В то же время вряд ли возможно применение штрафа в качестве основного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, так как это выглядит как предоставление лицам, совершившим такие преступления, возможности «откупиться» от более сурового наказания.

В последние годы в нашей стране наблюдается тенденция к росту числа осужденных и к обязательным работам. Так, если в 2004 г. к этому наказанию были осуждены 0,1 % от общего числа осужденных, то в 2011 г. уже 11,5 %. Но затем число осужденных к этому наказанию начало снижаться и в 2012 г. составило уже 10,3 %, в 2013 г. – 9,9 %, в 2014 г. – 9,8 % от общего числа осужденных, затем в 2015 г. снова возросло до 10,0 %. А в 2016 г. произошло резкое увеличение числа осужденных к обязательным работам до 19 %⁸.

⁵ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>; Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

⁶ Лопашенко Н. Беспредельное судебское усмотрение. Уголовный закон, призванный бороться с преступностью,

содержит нормы, ее порождающие // Независимая газета. 2013. 2 февраля. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/11_cud.html.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы; Основные статистические

Если исходить из содержания наказания в виде обязательных работ, этот процесс является закономерным, поскольку данное наказание заключается в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. При этом затраты на исполнение данного наказания минимальны, для выполнения обязательных работ не требуется наличия у осужденных особых профессиональных навыков и квалификации.

Одной из проблем, ограничивающих назначение обязательных работ судами, по мнению отдельных ученых, является законодательный запрет их применения в отношении отдельных категорий граждан, установленный в ч. 4 ст. 49 УК РФ. В связи с этим предлагается назначать этот вид наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет [7, с. 172; 8, с. 309; 9, с. 141]. Но, на наш взгляд, с данным предложением вряд ли можно согласиться, поскольку оно противоречит принципу гуманизма.

Рассматривая проблемы, связанные с назначением обязательных работ, необходимо также отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 27 УИК РФ⁹ время обязательных работ в рабочие дни не может превышать двух часов *после окончания работы, службы или учебы*, что входит в противоречие с положениями ч. 1 ст. 49 УК РФ, согласно которой обязательные работы заключаются в выполнении в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. А свободным у осужденного может быть время как до начала, так и после окончания основной работы или учебы. Поэтому уголовно-исполнительное законодательство нужно привести в соответствие с УК РФ, указав, что обязательные работы могут отбываться как до начала, так и после окончания основной работы или учебы, с учетом графика сменности осужденного [7, с. 175; 10, с. 341].

Важно также отметить, что в целях более эффективного исполнения наказания в виде обязательных работ необходимо заинтересовать работодателей, что может выражаться, в частности, в предоставлении льгот по налоговым платежам [11, с. 185].

Все указанные выше меры могут способствовать дальнейшему более широкому применению этого наказания на практике.

3. Проблемы назначения иных альтернативных наказаний

Рассматривая проблемы назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, нельзя не отметить, что, кроме штрафа и обязательных работ, все остальные альтернативные наказания назначаются судами достаточно редко.

Так, в последние годы снизилось число осужденных к исправительным работам. Если в 2000–2003 гг. число осужденных к этому наказанию было довольно стабильным и составляло 5,0–5,2 % от общего числа осужденных, то в 2004–2007 гг. немного снизилось до 4,6–4,8 %, а в 2011 г. снова увеличилось до 5,1 % от общего числа осужденных. Начиная с 2012 г. наблюдается тенденция к некоторому росту числа осужденных к исправительным работам: от 9,5 % в 2012 г. до 10,5 % в 2014 г., но затем – снова снижение до 8,3 % в 2015 г. и 7,0 % в 2016 г.¹⁰

На наш взгляд, снижение числа осужденных к исправительным работам связано с тем, что довольно сложно назначить исправительные работы лицам, не имеющим места работы. Перечень видов и объектов отбывания исправительных работ ежегодно согласуется с органами местного самоуправления, однако данные правовые акты абсолютно не гарантируют трудоустройства осужденных, так как действенных рычагов воздействия на руководство предприятий у местных властей практически нет. По мнению большинства ученых, одним из ключевых шагов по выходу из сложившейся ситуации является принятие нормативных правовых актов о льготном налогообложении организаций, использующих труд осужденных к исправительным работам. Решение данной проблемы возможно также путем создания механизма квотирования рабочих мест для таких осужденных [12, с. 55; 13, с. 15]. Важно, что в ряде субъектов Российской Федерации указанные экономические меры уже реализовываются на региональном уровне, например в Чеченской и Мордовской республиках, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Мурманской области и др. [12, с. 55].

показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

¹⁰ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

В теории уголовного права также было высказано, несомненно, целесообразное предложение о том, что определение конкретных объектов для отбывания исправительных и обязательных работ следует возложить на центры занятости населения, поскольку именно они несут обязанность трудоустройства безработных и владеют информацией о наличии свободных рабочих мест [14, с. 164].

В целях расширения круга лиц, которым могут быть назначены исправительные работы, отдельные ученые предлагают применять этот вид наказания к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет. Так, в частности, по мнению Э.А. Черенкова, невозможность применения исправительных работ к таким категориям лиц противоречит нормам трудового законодательства, а также иным положениям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, правилам формальной логики [15, с. 88]. Аналогичного мнения придерживается также И.А. Подройкина [8, с. 338–339]. Но данное предложение, на наш взгляд, противоречит принципу гуманизма. Как справедливо отмечает В.М. Степашин, отбывание исправительных работ указанными категориями граждан «приобрело бы признаки жестокого обращения, причиняющего физическое страдание» [9, с. 143].

На наш взгляд, более широкому применению исправительных работ может способствовать расширение их в санкциях норм УК РФ: их следует включить в санкции всех уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а не только отдельных из них, за исключением норм об ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных обязанностей.

Довольно редко в нашей стране судами назначается такое наказание, альтернативное лишению свободы, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. При этом число осужденных к этому наказанию в качестве основного довольно стабильно. В период с 2010 по 2016 г. в Российской Федерации к нему ежегодно осуждалось 0,03 % от общего числа осужденных¹¹.

Но мнения ученых по поводу применения данного наказания на практике в качестве основного разделились. Так, ссылаясь на приведенные выше

статистические данные, одни ученые пишут о том, что они безусловно свидетельствуют лишь о неоправданной невостребованности судебной практикой данного вида наказания [16, с. 214], другие же, напротив, предлагают изъять лишение права из системы уголовных наказаний и включить его в перечень иных мер уголовно-правового характера [17, с. 37] либо предусмотреть как установленную законом меру безопасности [18, с. 61].

Первая точка зрения представляется более верной. Перспективы у данного наказания в качестве основного все-таки есть. Одной из причин того, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью редко применяется на практике является то, что этот вид наказания достаточно редко включен законодателем в санкции норм УК РФ. В связи с тем, что характер наказания должен соответствовать характеру совершённого преступления, представляется целесообразным введение лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания во все санкции норм об ответственности за преступления небольшой или средней тяжести, связанные с профессиональной или иной деятельностью лица (например, это ст. 124 (ч. 1), 141 (ч. 1), 143 (ч. 1), 147 (ч. 1) УК РФ).

В настоящее время во многих санкциях УК РФ рассматриваемый вид наказания предусмотрен в альтернативе со штрафом и исправительными работами. Но за преступления небольшой или даже средней тяжести, связанные с выполнением лицом профессиональных и иных функций, наиболее эффективным наказанием было бы именно лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а не штраф и, тем более, исправительные работы.

Еще одним альтернативным наказанием, которое редко назначается судами, является ограничение свободы.

Максимальное число осужденных к ограничению свободы в качестве основного наказания в Российской Федерации – 4,3 % – приходится на 2013 г. Некоторый рост числа осужденных к этому наказанию наблюдается с 2010 (0,9 %) по 2012 г. (3,4 %), затем в 2014 г. снижение до 3,8 %, а в 2015 г. – до 2,8 %, но в 2016 г. число осужденных к ограничению сво-

¹¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

боды немного увеличилось и составило 3,4 % от общего числа осужденных¹².

Большинство исследователей совершенно справедливо считает, что ограничение свободы редко назначается судами из-за недостатков нормативных предписаний УК РФ и УИК РФ, регламентирующих исполнение этого наказания, в числе которых: а) несоответствие карательного содержания уголовного наказания в виде ограничения свободы его месту в системе уголовных наказаний; б) недостаточность объема его правовых ограничений для достижения целей уголовного наказания; в) сближение института ограничения свободы с институтами условного осуждения и административного надзора; г) недостаточная правовая регламентация предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений [19, с. 210–211; 20, с. 62–63] .

Следует отметить и то, что основное содержание ограничения свободы заключается в ряде ограничений. Поэтому данное наказание имеет смысл только при установлении механизма контроля за исполнением этих ограничений. Но по данным ФСИН, в 2016 г. под электронным контролем находилось только 14 000 чел. из 25 339 осужденных к ограничению свободы, т. е. 56,8 %¹³. На наш взгляд, без хорошо отлаженного механизма электронного мониторинга с помощью электронных браслетов наказание в виде ограничения свободы вообще не имеет смысла.

Без устранения указанных выше пробелов в законодательной регламентации ограничения свободы и решения проблемы электронного мониторинга вряд ли можно рассчитывать на то, что данный вид наказания станет широко назначаться судами.

С 1 января 2017 г. в Российской Федерации применяется такой альтернативный лишению свободы вид наказания, как принудительные работы.

Согласно официальным данным ФСИН, в настоящее время функционируют 4 исправительных центра для отбывания этого наказания, а также 9 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры. В 2018 г. планируется открытие еще 8 исправительных центров и 38 изолированных участков исправитель-

ных учреждений. Таким образом, к 2019 г. в большинстве субъектов Российской Федерации будут функционировать исправительные центры с возможностью размещения в них более 5 000 осужденных¹⁴. Но по предварительным расчетам относительно применения принудительных работ среднегодовая численность осужденных к ним может составлять около 30 тыс. чел., которые должны отбывать наказание в 150 исправительных центрах, где всестороннее обеспечение учреждений должны осуществлять порядка 4 500 штатных единиц сотрудников. При этом затраты на создание одного исправительного центра с лимитом наполнения до 200 чел. составляют от 67,6 до 72,2 млн руб. На обеспечение деятельности всех исправительных центров необходимо порядка 12 млрд руб. [21, с. 24]. В связи с этим возникает вопрос, будут ли государством выделены столь значительные денежные суммы на реализацию данного наказания.

Проблематичным представляется и привлечение осужденных к принудительным работам к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, поскольку регулярно снижается удельный вес занятых трудовой деятельностью осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Образование новых промышленных комплексов затруднительно и неперспективно для развития производственной деятельности уголовно-исполнительной системы [22, с. 201].

Нельзя забывать и о том, что нахождение осужденных к лишению свободы и принудительным работам в одном исправительном учреждении – колонии-поселении – не соответствует одной из основных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года о дифференцированном содержании осужденных [23, с. 30].

Также серьезной проблемой представляется и установление в ст. 53.1 УК РФ принудительных работ как альтернативы лишению свободы, а в ст. 44 УК РФ – как самостоятельного наказания. При этом в некоторых санкциях (например, в ст. 159.1 (ч. 1), 159.2 (ч. 1), 159.3 (ч. 1), 159.5–159.6, 200.1 УК РФ) принудительные работы указаны в качестве самостоя-

¹² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2015 годы; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

¹³ ФСИН в 2016 году контролировала с помощью электронных браслетов почти 30 тыс. осужденных // RNS. 2017. 10 марта. URL: [https://rns.online/military/FSIN-v-2016-godu-](https://rns.online/military/FSIN-v-2016-godu-kontrolirovala-s-pomoschyu-elektronnih-brasletov-pochti-30-tis-osuzhdennih-2017-03-10/)

[kontrolirovala-s-pomoschyu-elektronnih-brasletov-pochti-30-tis-osuzhdennih-2017-03-10/](https://rns.online/military/FSIN-v-2016-godu-kontrolirovala-s-pomoschyu-elektronnih-brasletov-pochti-30-tis-osuzhdennih-2017-03-10/).

¹⁴ ФСИН России подвела предварительные итоги работы по организации исполнения нового вида уголовного наказания в виде принудительных работ. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=354979.

тельного вида наказания, без возможности их применения в качестве альтернативы наказания в виде лишения свободы, так как оно в них отсутствует. Поэтому на практике неминуемо возникнет вопрос о том, как быть в подобной ситуации. Логично предположить, что судьи в условиях подобной неопределенности попросту не рискнут назначить принудительные работы [24, с. 229–230].

Таким образом, указанные выше проблемы вряд ли могут способствовать широкому применению принудительных работ на практике.

4. Вывод

Обсуждая сложившуюся в практике назначения судами уголовных наказаний ситуацию, некоторые ученые отмечают, что «тюремное наказание (лишение свободы) будет применяться все чаще – как

следствие роста преступности. ...Вряд ли стоит ожидать в ближайшие десятилетия широкого применения альтернативных тюремному заключению (лишению свободы) видов наказания» [25, с. 408].

Но с этим, на наш взгляд, трудно согласиться. Наказание в виде лишения свободы всегда должно восприниматься судами только как действительно «крайняя мера» и назначаться в случаях, если преступление представляет повышенную опасность, личность преступника также характеризуется высокой степенью общественной опасности. Необходимы также серьезные изменения в законодательной регламентации наказаний, не связанных с лишением свободы, и ряд иных организационных мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Albrecht H.-J. Prison Overcrowding – Finding Effective Solutions. Strategies and Best Practices Against Overcrowding in Correctional Facilities / H.-J. Albrecht; Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law. – 83 p. – URL: https://www.mpicc.de/shared/data/pdf/research_in_brief_43_-_albrecht_prisonovercrowding.pdf.
2. Prison overcrowding. – John Howard Society of Alberta, 1996. – 10 p. – URL: <http://www.johnhoward.ab.ca/pub/pdf/C42.pdf>.
3. Смирнов М.А. Проблемы совершенствования «альтернативных» видов уголовных наказаний / М.А. Смирнов, О.Н. Петрова // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 4 (19). – С. 61–64.
4. Кузина А.А. Штраф как основной вид наказания по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы малой распространенности в сравнении с международной правоприменительной практикой и перспективы повышения эффективности / А.А. Кузина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 6 (122). – С. 240–243.
5. Кашепов В.П. Применение штрафа как вида уголовного наказания / В.П. Кашепов // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: КОНТРАКТ, 2017. – Вып. 22. – С. 110–122.
6. Плешков В.А. Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления / В.А. Плешков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 4. – С. 20–24.
7. Попов И.А. Некоторые проблемы применения и исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, связанных с обязательным трудом осужденных / И.А. Попов // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 2 (21). – С. 171–175.
8. Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Подройкина. – Омск, 2017. – 498 с.
9. Степашин В.М. Применение альтернативных наказаний, связанных с привлечением к труду / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15). – С. 140–144.
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб.: СПб ГА, 2007. – 798 с.
11. Зубарев В.М. Определение основных направлений совершенствования финансово-экономического механизма организации обязательных работ / В.М. Зубарев, С.С. Кузнецов, А.Н. Тулай // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: материалы междунар. конф. – М., 2001. – С. 184–188.
12. Аммосова В.И. О трудоустройстве лиц, осужденных к исправительным работам, по согласованию с органами местного самоуправления / В.И. Аммосова // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3 (20). – С. 52–56.

13. Габараев А.Ш. Совершенствование организации деятельности УИИ ФСИН России по привлечению осужденных к исправительным работам / А.Ш. Габараев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 8. – С. 13–17.
14. Осадчая Н.Г. Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Осадчая. – Ростов н/Д., 1999. – 215 с.
15. Черенков Э.А. Проблемы регламентации наказания в виде исправительных работ / Э.А. Черенков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 8 (39). – С. 83–89.
16. Степашин В.М. Ответственность осуждённых к лишению права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью и ограничению по военной службе за уклонение от отбывания наказания / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 210–215.
17. Агильдин В.В. Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как вид наказания по УК РФ / В.В. Агильдин // Юридический мир. – 2011. – № 2. – С. 37–41.
18. Уткин В.А. Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? / В.А. Уткин // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 58–61.
19. Соколов И.В. Место ограничения свободы в системе наказаний УК РФ / И.В. Соколов // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: МИЭП, 2010. – С. 210–213.
20. Шишкин С.И. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: особенности, противоречия, перспективы / С.И. Шишкин // Вестник Российской правовой академии. – 2010. – № 1. – С. 61–66.
21. Усеев Р.З. Принудительные работы: место в системе наказаний и некоторые проблемы применения / Р.З. Усеев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 2. – С. 23–26.
22. Варламова Ю.А. К вопросу о принудительных работах / Ю.А. Варламова // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 197–202.
23. Зубова А.О. Проблемные вопросы, возникающие при введении наказания в виде принудительных работ на территории Российской Федерации / А.О. Зубова, А.Д. Аюбов // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Могилёв, 2014. – С. 29–30.
24. Помнина С.Н. Целесообразность введения принудительных работ как вида уголовного наказания с позиции теории и практики / С.Н. Помнина, А.А. Лаврушкина // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 227–233.
25. Упоров И.В. Тюремь были, есть и будут: проблема альтернативных наказаний пока не находит своего решения // Science Time. – 2016. – № 10 (34). – С. 404–410.

REFERENCES

1. Albrecht H.-J. *Prison Overcrowding – Finding Effective Solutions. Strategies and Best Practices Against Overcrowding in Correctional Facilities*. Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law. 83 p. Available at: https://www.mpicc.de/shared/data/pdf/research_in_brief_43_-_albrecht_prisonvercrowding.pdf.
2. *Prison overcrowding*. John Howard Society of Alberta, 1996. 10 p. Available at: <http://www.johnhoward.ab.ca/pub/pdf/C42.pdf>.
3. Smirnov M.A., Petrova O.N. Problems of improving of "alternative" types of criminal penalties. *Mariiskii yuridicheskii vestnik = Mary Law Vestnik*, 2016, no. 4 (19), pp. 61–64. (In Russ.).
4. Kuzina A.A. Fine as main type of punishment for criminal legislation of russian federation: problems of small distribution comparing to international law practice and perspectives of effectiveness rise. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series Humanities*, 2013, Iss. 6 (122), pp. 240–243. (In Russ.).
5. Kashapov V.P. The application of a fine as a type of criminal punishment, in: Yaroshenko K.B. (ed.). *Kommentarii sudebnoi praktiki*, Iss. 22. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation Publ., KONTRAKT Publ., 2017, pp. 110–122. (In Russ.).

6. Pleshkov V.A. Fine collection, imposed as punishment for committing a crime. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2009, no. 4, pp. 20–24. (In Russ.).
7. Popov I.A. Some problems of application and enforcement of punishments alternative to imprisonment associated with compulsory labor of convicts. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' = Law. Legislation. Person*, 2015, no. 2 (21), pp. 171–175. (In Russ.).
8. Podroikina I.A. *Theoretical bases of construction of system of punishments in the criminal legislation of Russia*, Doct. Diss. Omsk, 2017. 498 p. (In Russ.).
9. Stepashin V.M. The application of alternative punishments related to recruitment to work. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2008, no. 2 (15), pp. 140–144. (In Russ.).
10. *The Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 8. Criminal responsibility and punishment*. St. Petersburg, St. Petersburg city bar association Publ., 2007. 798 p. (In Russ.).
11. Zubarev V.M., Kuznetsov S.S., Tulyai A.N. Definition of the basic directions of improvement of the financial and economic mechanism of the organization of compulsory work, in: *Al'ternativy tyuremnomu zaklucheniyu v Rossiiskoi Federatsii*, materials of the international conference. Moscow, 2001, pp. 184–188. (In Russ.).
12. Ammosova V.I. On the question of the employment of persons sentenced to corrective labor. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2014, no. 3 (20), pp. 52–56. (In Russ.).
13. Gabarayev A.Sh. Improvement of the operation organization of FPS Corrective Services of Russia in involvement of convicts to corrective works. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi systemy*, 2016, no. 8, pp. 13–17. (In Russ.).
14. Osadchaya N.G. *Compulsory work as a new type of punishment in the Russian criminal legislation*, Cand. Diss. Rostov-on-Don, 1999. 215 p. (In Russ.).
15. Cherenkov E.A. The problems of regulating punishment in the form of correctional labor. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2013, no. 8 (39), pp. 83–89. (In Russ.).
16. Stepashin V.M. The responsibility condemned to deprivation of the right to occupy certain posts or to be engaged in certain activity and limitation in military service for evasion from serving of punishment. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 1 (46), pp. 210–215. (In Russ.).
17. Agil'din V.V. Deprivation of right to take certain positions or be engaged in certain activity as a type of punishment under the criminal code of the RF. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2011, no. 2, pp. 37–41. (In Russ.).
18. Utkin V.A. Deprivation of right to occupy certain posts or engage in certain activities: criminal sanction or security measure. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3 (82), pp. 58–61. (In Russ.).
19. Sokolov I.V. Place of restriction of freedom in the penal system of the Criminal Code of the Russian Federation, in: *Gosudarstvennaya antikriminal'naya politika na evraziiskom prostranstve*, materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, International Institute of Economics and Law Publ., 2010, pp. 210–213. (In Russ.).
20. Shishkin S.I. Liberty's Restriction as the Criminal Punishments Type: Features, Discrepancies, Perspectives. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2010, no. 1, pp. 61–66. (In Russ.).
21. Useev R.Z. Forced hard labor: place in system of the punishments and some problems of application. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2014, no. 2, pp. 23–26. (In Russ.).
22. Varlamova Y.A. To a question of forced labor. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2014, no. 4, pp. 197–202. (In Russ.).
23. Zubova A.O., Ayubov A.D. Problematic issues arising from the introduction of punishment in the form of forced labor in the territory of the Russian Federation, in: *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika*, Materials of the II International scientific and practical conference. Mogilev, 2014, pp. 29–30. (In Russ.).
24. Pomnina S.N., Lavrushkina A.A. Integrity of introduction of forced works as a case of criminal punishment from the position of theory and practice. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 227–233. (In Russ.).
25. Uporov I.V. Prisons were, are and will be: the problem of alternative punishments has not yet been resolved. *Science Time*, 2016, no. 10 (34), pp. 404–410. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Непомнящая Татьяна Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: nepomnyashchaya@rambler.ru
SPIN-код: 5460-9270; AuthorID: 394436

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Непомнящая Т.В. Проблемы назначения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы / Т.В. Непомнящая // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 80–89. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).80-89.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana V. Nepomnyashchaya – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: nepomnyashchaya@rambler.ru
SPIN-code: 5460-9270; AuthorID: 394436

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nepomnyashchaya T.V. Problems of imposition of criminal punishment alternative to imprisonment. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 80–89. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).80-89. (In Russ.).

ПРОБЛЕМА ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ СТРОГИМ

В.М. Степашин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Ключевые слова

Экономия репрессии, замена наказания более строгим, наказание, штраф, уголовное право, правоприменение

Рассматривается проблема обязательности замены наказаний, не связанных с лишением свободы, более строгими мерами государственного принуждения вследствие злого уклонения от отбывания применяемых наказаний, ставится вопрос о допустимости многоэтапной замены наказания.

THE PROBLEM OF MANDATORY REPLACEMENT OF PUNISHMENT TO MORE SEVERE ONE

Vitaly M. Stepashin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 10

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

Keywords

Economy of repression, the replacement of punishment by more severe, punishment, fine, criminal law, law enforcement

The subject. The article deals with the problem of mandatory replacement of punishment, not related to imprisonment, with more stringent measures of state coercion due to malicious evasion from serving the applicable penalties.

The purpose of the article is to identify the criteria for replacement of punishments to more severe one, including multi-stage replacement.

Methodology. The author uses the method of analysis and synthesis, as well as formal legal method and dialectic approach.

Results. The most vivid embodiment of the principle of the economy of repression is the provision of the courts the possibility of using alternative types of punishment that are alternative to deprivation of liberty (from fine to forced labor). Obviously, the economy of repression should be conditional.

The economy of repression always involves a certain risk, which is, first of all, a threat to evade the convict who is serving the least repressive measure of influence. Consequently, the application of the most lenient repressive measure of state coercion must be compensated by the mechanism for ensuring its implementation.

In the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator uses different formulations that exclude a uniform solution to the question of a multi-step replacement of punishments.

It requires a change in the provisions of federal laws that are not related to criminal law, as well as by-laws that transfer the replacement of punishment in the form of a fine and mandatory works with a more severe punishment from imperative to dispositive - contrary to the direct requirements of the criminal law.

Conclusions. The legislative decision on the obligation of replacement should be clear and uniform. The current approach of the legislator is not justified, since the reality of replacement in determining the malicious evasion of the convicted person from serving the punishment assigned to him should be the same regardless of the type of punishment served and should not become an automatic substitute, otherwise the court is deprived of the opportunity to fully and comprehensively investigate the issue of the expediency of such a replacement in terms of the reasons for committing this violation of the regime and the achievement of the objectives of criminal punishment.

Evasion of the convicted person from the sentenced punishment should always lead to negative consequences for him, however, the institution of substitution of punishment for stricter ones does not meet this requirement.

1. Условия экономии репрессии

Наиболее ярким воплощением реализации принципа экономии репрессии выступает предоставление судам возможности применения альтернативных лишению свободы более мягких видов наказания (от штрафа до принудительных работ). Очевидно, что экономия репрессии должна носить *условный характер*. С одной стороны, назначение наказания, применение другой меры уголовно-правового воздействия – всегда прогностическая деятельность. Нельзя согласиться с Э.Л. Сидоренко в том, что «методологически неверно ставить процесс назначения наказания в зависимость от прогнозов будущего поведения виновного. Такой подход не застрахован от ошибок и субъективизма» [1, с. 266]. Судом оценивается вероятность достижения целей уголовной ответственности (наказания), гарантии фактической реализации применяемой меры. Сообразно цели восстановления социальной справедливости создаются условия для максимально возможного устранения виновным вредных последствий совершённого им деяния. С другой стороны – экономия репрессии *всегда предполагает определенный риск*, заключающийся, прежде всего, в угрозе уклонения осужденного от отбывания наименее репрессивной меры воздействия. Следовательно, применение наиболее щадящей репрессивной меры государственного принуждения *должно компенсироваться механизмом обеспечения ее реализации* (вплоть до установления возможности замены избранной меры на более строгую и (или) криминализации наиболее опасных форм уклонения осужденного от отбывания соответствующей меры воздействия).

2. Противоречия законодательства в сфере замены наказания

Именно при замене наказания более строгим применяется санкция нормы уголовного права [2, с. 75–76]. В литературе отмечается определенная не-

логичность, допущенная при конструировании норм о замене наказания более тяжким видом [3, с. 13]. Обращает на себя внимание непоследовательность законодателя при решении вопроса об обязательности замены наказания более строгим. Если применительно к штрафу, обязательным и принудительным работам (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ¹) в уголовном законе употребляется слово «*заменяется*», что предполагает обязанность суда осуществить подобное ужесточение карательного воздействия, то в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде исправительных работ и ограничения свободы суд *может* заменить неотбытое наказание более строгим (ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ). Положение лишь усугубляется несовпадением формулировок в различных нормативных актах.

Так, вопросы исполнения штрафа в настоящее время регулируются тремя законодательными актами: УК РФ, УИК РФ² и Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³. При этом положения названных законов противоречат друг другу, что приводит к появлению неразрешимых проблем в правоприменительной деятельности. По-разному разрешается *вопрос об обязательности замены штрафа* более строгим наказанием. В ч. 5 ст. 46 УК РФ говорится, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, штраф *заменяется* иным наказанием. УИК РФ в ст. 32 ч. 2 обязывает в таких случаях судебных приставов-исполнителей направлять в суд представление о замене штрафа другим видом наказания. Однако, в п. 1 ч. 10 ст. 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве» прямо указывается на *возможность отказа* суда в замене штрафа другим видом наказания.

Как верно пишет А.П. Скиба, «отмеченные коллизии приводят к трудностям в правоприменительной деятельности и в теории рассматриваемых от-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

раслей права, а отсутствие единой позиции в УК РФ, УИК РФ и УПК РФ в части исполнения уголовного наказания в виде штрафа может привести к ситуации, когда в отдельных регионах России практика его исполнения может сильно различаться» [4].

Тем более нельзя согласиться с мнением о том, что Федеральный закон «Об исполнительном производстве» «имеет приоритетное значение» по вопросам условий и порядка замены штрафа другим видом наказания [5]. Нормы УИК РФ и Федерального закона «Об исполнительном производстве» не дублируют и не развивают положения УК РФ о последствиях уклонения от отбывания штрафа, а восполняют пробелы УК РФ, являясь, по сути, уголовно-правовыми предписаниями.

Требует изменения и п. 60 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества⁴, согласно которому *в случае отказа суда в замене обязательных работ другим видом наказания* новое представление в суд направляется после совершения осужденным повторного нарушения порядка и условий отбывания наказания. Тем самым подзаконный нормативный акт переводит замену наказания в виде обязательных работ более строгим наказанием из императивных в разряд диспозитивных – вопреки требованиям ч. 3 ст. 49 УК РФ в случае установления судом признаков злостного уклонения осужденного от отбывания *обязательных работ* их замены принудительными работами или лишением свободы.

3. Направления совершенствования законодательства в области замены наказания

Прав О.Н. Библик, утверждая, что «уголовный закон весьма несовершенен, и признание его единственным источником уголовного права не создает для индивида достаточных гарантий от нарушения его прав и свобод в ходе применения норм уголовного права» [6, с. 77]. При этом мы солидарны с теми авторами, которые критически оценивают практику включения уголовно-правовых предписаний в акты иной отрасли законодательства [7, с. 6; 8, с. 101; 9, с. 66] и полагают, что нормы, которые устанавливают уголовную ответственность, т. е. осуществляют кри-

минализацию и пенализацию деяния, в обязательном порядке должны быть включены в УК РФ [10, с. 68]. Представляется, что названные положения должны быть помещены и непосредственно в уголовный закон, что позволит разрешить как теоретические дискуссии, так и правоприменительные проблемы.

Законодательное решение об обязательности замены должно быть четким и единообразным. Современный подход законодателя не является оправданным, поскольку реальность замены при установлении злостного уклонения осужденного от отбывания назначенного ему наказания *должна быть одинаковой независимо от вида отбываемого им наказания* и не должна превращаться в автоматическую замену, ибо в противном случае суд лишается возможности полностью и всесторонне исследовать вопрос о целесообразности такой замены с точки зрения причин совершения этого нарушения режима и достижения целей уголовного наказания. На недопустимость автоматической замены наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества указывается и в Рекомендации № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания, правило 10 которой предусматривает, что «в законе не должно содержаться положение об автоматической замене общественной санкции и меры, связанной с лишением свободы, в случае несоблюдения правонарушителем условий и обязанностей, обусловленных общинным наказанием или мерой»⁵. Исходя из этого, по мнению Н.В. Ольховика, следует внести изменения в ч. 5 ст. 46 и ч. 3 ст. 49 УК РФ и предусмотреть именно *возможность* замены штрафа и обязательных работ в случае злостного уклонения осужденного от их отбывания [11, с. 126].

Более взвешенный подход отстаивал Ю.М. Ткачевский, справедливо отмечая, что злостное уклонение от отбывания наказания – это твердо выраженное нежелание отбывать его. Все способы иного воздействия на осужденного уже исчерпаны, но не помогли. Но если это так, то постановка вопроса о за-

⁴ Приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. 14 августа.

⁵ Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers to Member States on the European Rules on Community

Sanctions and Measures (Adopted by the Committee of Ministers on 19 October 1992 at the 482nd meeting of the Ministers' Deputies). URL: <https://pjp-eu.coe.int/documents/3983922/6970334/CMRec+%2892%29+16+on+the+European+rules+on+community+sanctions+and+measures.pdf/01647732-1cf7-4ea8-88ba-2c041bc3f5d6>.

мене рассматриваемого наказания лишением свободы должна быть обязательной, а не факультативной, т. е. «должна», а не «может» иметь место [12, с. 70–71, 119; 13, с. 309; 14, с. 95]. Вряд ли можно объяснить законодательное установление «особого» режима исполнения исправительных работ и ограничения свободы (как основного вида наказания), при котором принятие решения о замене исправительных работ более строгим наказанием вследствие злостного уклонения от их отбывания отдано на усмотрение суду.

4. Многоэтапная замена наказания

Уклонение осужденного от отбываемого наказания всегда должно влечь негативные для него последствия, однако институт замены наказания более строгим не отвечает указанному требованию.

В этом отношении особого внимания заслуживает вопрос о возможности (и, соответственно, обязательности) «многоэтапной» замены наказания более строгим вследствие злостного уклонения от его отбывания.

Ю.М. Ткачевский отмечал, что ст. 28 УК РСФСР 1960 г.⁶ предусматривала замену исправительных работ лишением свободы в случае злостного уклонения от отбывания наказания лица, осужденного к исправительным работам без лишения свободы, т. е. из редакции следовало, что исправительные работы, назначенные лицам, злостно уклоняющимся от уплаты штрафа, не обеспечивались заменой в случае злостного уклонения от их исполнения. Создавалась тупиковая ситуация. Законодатель в УК РФ устранил эту несправедливость [12, с. 122]. С ним были солидарны С.Ф. Милуков и О.В. Старков, заявляя о том, что «в результате означенной замены осужденный к штрафу... может оказаться в заключении... в результате последующей замены исправительных работ лишением свободы» [15, с. 70]. Многоэтапную замену допускали также В.И. Радченко, А.С. Михлин, И.В. Шмаров [16, с. 55] и др.

Б. Карганова, напротив, считает невозможной многоступенчатую замену наказаний, поскольку закон, в частности, говорил о замене наказания лицам, осужденным к исправительным работам. Но исправительные работы, при замене ими штрафа, отбываются не по приговору, а по постановлению суда [17, с. 33]. Такую же позицию занимает С.С. Уткина, резонно отмечая, что «замена штрафа исправительными работами имела бы предупредительное зна-

чение лишь в случае дальнейшей возможности замены исправительных работ лишением свободы» [18, с. 151–152]. В.Д. Филимонов полагает, что действующий УК РФ вовсе не дает ответа на вопрос, могут ли, например, обязательные и исправительные работы, назначенные за злостное уклонение, в свою очередь на том же основании заменяться лишением свободы [19, с. 272; 20, с. 607].

Действительно, в УК РФ законодателем используются различные формулировки, исключающие единообразное решение вопроса о многоступенчатой замене наказаний, поскольку предусматривается замена в случаях злостного уклонения:

- от уплаты штрафа, *назначенного* в качестве основного наказания (ч. 5 ст. 46);
- *уклонения осужденного от отбывания* обязательных работ (ч. 3 ст. 49);
- *уклонения осужденного от отбывания* исправительных работ (ч. 4 ст. 50);
- уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, *назначенного* в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53);
- *уклонения осужденного от отбывания* принудительных работ (ч. 6 ст. 53.1).

Таким образом, *буквальное* толкование содержания вышеуказанных норм приводит к выводу, что штраф и ограничение свободы могут быть заменены более строгим наказанием вследствие злостного уклонения от их отбывания только в случае, если эти меры принуждения изначально были назначены приговором суда. В то же время злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных, исправительных и принудительных работ повлечет ужесточение наказания независимо от того, *что* являлось основанием для их исполнения. Следовательно, обязательные, исправительные и принудительные работы могут быть заменены более строгой мерой принуждения и если они назначены приговором суда, и при их исполнении вместо штрафа, от уплаты которого осужденный злостно уклонялся. В отношении иных мер государственного принуждения замена более строгим видом наказания может носить однократный, разовый характер.

Подобное законодательное решение трудно признать удачным, поскольку оно не гарантирует реализации государственного принуждения как возмездия за совершённое преступление.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Основанием для перехода к более строгому виду наказания следует признать злостное уклонение осужденного от применяемого к нему наказания.

В связи с этим представляется необходимым в ч. 5 ст. 46 и ч. 5 ст. 53 УК РФ заменить слово «назначенного» на слово «применяемого».

Следует отметить, что и Пленум Верховного Суда РФ прибегнул к расширительному толкованию норм о замене, в частности, ограничения свободы более строгим наказанием вследствие злостного уклонения от его отбывания, в п. 7 Постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 зафиксировав: «Если назначенное осужденному наказание в виде лишения свободы было заменено в порядке статьи 80 УК РФ ограничением свободы, от отбывания которого он злостно уклонялся, суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции рассматривает вопрос о замене данного наказания лишением свободы (часть 5 статьи 58 УИК РФ)»⁷. Тем самым допускается возможность замены ограничения свободы более строгим наказанием и в том случае, если ограничение свободы само применялось в порядке замены ранее назначенного судом вида наказания.

5. Выводы

Важно отметить, что замена наказания более строгим, являясь разновидностью уголовно-правовой ответственности, призвана **обеспечить** ухудшение правового положения осужденного, злостно уклонявшегося от отбывания назначенного вида наказания, путем применения другой, более строгой меры принуждения.

Поэтому нельзя согласиться с тем, что смысл установления соответствующих штрафных санкций «должен состоять не в усилении ответственности за ранее совершенное преступление», «а в назначении такого наказания, которое по своей тяжести соответствовало бы тяжести ранее назначенного наказания, но в отличие от первого могло быть реально исполненным» [19, с. 272, 274]. При таком подходе игнорируется то обстоятельство, что необходимость производства замены наказания обусловлена не объективной невозможностью исполнения меры государственного принуждения, установленной приговором суда, а умышленными действиями осужденного лица, целенаправленно и злостно избегающего претерпевания уголовно-правового возмездия, определенного судом с учетом требований экономии уголовной репрессии и достаточности кары для достижения целей уголовного наказания. В связи с этим закономерен переход к иному наказанию, которое не просто «в отличие от первого могло быть реально исполненным», а являлось бы более строгим, репрессивным по отношению к первоначально назначенному.

При этом требует оптимизации решение ряда принципиальных вопросов:

- 1) обеспечение фактического ужесточения наказания (ухудшения правового положения осужденного);
- 2) выбор заменяющего наказания;
- 3) пропорциональность замены отбываемого наказания другим (формализация замены).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – Т. VII: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. – Кн. I: Субъект преступления. – 536 с.
2. Благоев Е.В. Применение уголовного права / Е.В. Благоев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 505 с.
3. Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Иванова. – Красноярск, 2004. – 22 с.
4. Скиба А.П. Некоторые коллизии норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ при исполнении уголовного наказания в виде штрафа / А.П. Скиба // Исполнительное право. – 2008. – № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» / под. ред. О.В. Исаенковой. – 2008. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами зако-

нодательства об исполнении приговора» // Российская газета. 2011. 30 декабря.

6. Библик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации / О.Н. Библик. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.
7. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Иванчин. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
8. Раднаева Э.Л. Некоторые вопросы применения штрафа в свете реформы уголовного законодательства / Э.Л. Раднаева, Т.И. Эрхитуева // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 99–102.
9. Черенков Э.А. Правовые последствия уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания / Э.А. Черенков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2 (33). – С. 63–66.
10. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 64–75.
11. Ольховик Н.В. Эффективность уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных средств обеспечения непенитенциарного режима / Н.В. Ольховик // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 125–129.
12. Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Зерцало, 1997. – 144 с.
13. Абдуллин Э.М. Нарушение принципа системности при регулировании замены наказания / Э.М. Абдуллин // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 307–313.
14. Рыжов Р.С. Уголовно-правовое регулирование замены наказания на более строгое / Р.С. Рыжов // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3. – С. 94–96.
15. Старков О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О.В. Старков, С.Ф. Милуков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 461 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко. – М.: Вердикт, 1994. – 316 с.
17. Карганова Б. Место штрафа в системе наказаний по УК РФ / Б. Карганова // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 33–35.
18. Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа / С.С. Уткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 166 с.
19. Филимонов В.Д. Норма уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 281 с.
20. Филимонов В.Д. Правовая природа злостного уклонения от отбывания наказания / В.Д. Филимонов // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова (юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 27–28 мая 2004 г.). – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 606–609.

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. (ed.). *Criminal law. A common part. A crime*, Academic course, in 10 volumes. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. Vol. VII. Bk. I. 536 p. (In Russ.).
2. Blagov E.V. *Application of criminal law*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 505 p. (In Russ.).
3. Ivanova S.I. *Evasion from serving a criminal sentence*, Cand. Diss. Thesis. Krasnoyarsk, 2004. 22 p. (In Russ.).
4. Skiba A.P. Some conflicts between the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation when executing criminal punishment in the form of a fine. *Ispolnitel'noe pravo = Executory Law*, 2008, no. 4. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
5. Isaenkova O.V. (ed.). *Commentary to the Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 "On Enforcement Proceedings"*. 2008. Available at "Garant" System. (In Russ.).
6. Bibik O.N. *Sources of criminal law of the Russian Federation*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 243 p. (In Russ.).
7. Ivanchin A.V. *Criminally-legal constructions and their role in the construction of criminal legislation*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2003. 24 p. (In Russ.).

8. Radnaeva E.L., Erkhitueva T.I. Some Problems of Using Penalty in the Aspect of Criminal Legislation Reforming. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2011, no. 1, pp. 99–102. (In Russ.).
9. Cherenkov E.A. Legal consequences of evasion from payment of a fine designated as a criminal punishment. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2013, no. 2, pp. 63–66. (In Russ.).
10. Pudovochkin Yu.E. Sources of criminal law of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 5, pp. 64–75. (In Russ.).
11. Olkhovik N.V. Efficiency of criminal-legal, criminal-executive and criminal-remedial means of maintaining non-penitentiary regime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2012, no. 356, pp. 125–129. (In Russ.).
12. Tkachevskii Yu.M. *Progressive system of execution of criminal penalties*. Moscow, Zertsalo Publ., 1997. 144 p. (In Russ.).
13. Abdullin E.M. Violation of the principle of systemic character in regulating the replacement of punishment. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2007, no. 2, pp. 307–313. (In Russ.).
14. Ryzhov R.S. Legal Regulation of Substitution of One Punishment for a Stricter One. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2013, no. 3, pp. 94–96. (In Russ.).
15. Starkov O.V., Milyukov S.F. *Punishment: criminal law and criminopenological analysis*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 461 p. (In Russ.).
16. Radchenko V.I. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Verdikt Publ., 1994. 316 p. (In Russ.).
17. Karganova B. Place of the penalty in the penal system under the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2003, no. 4, pp. 33–35. (In Russ.).
18. Utkina S.S. *Criminal punishment in the form of a fine*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2004. 166 p. (In Russ.).
19. Filimonov V.D. *Rule of criminal law*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 281 p. (In Russ.).
20. Filimonov V.D. The legal nature of malicious evasion from serving punishment, in: *Sootnoshenie prestuplenii i inykh pravonarushenii: sovremennye problemy*, materials of the IV International scientific and practical conference devoted to the 250 anniversary of formation of Lomonosov Moscow State University (Law Department of Lomonosov Moscow State University, May 27–28, 2004). Moscow, LeksEst Publ., 2005, pp. 606–609. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степашин Виталий Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код: 9569-9315

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaly M. Stepashin – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-code: 9569-9315

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Проблема обязательности замены наказания более строгим / В.М. Степашин // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 90–96. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).90-96.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M. The problem of mandatory replacement of punishment to more severe one. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 90–96. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).90-96. (In Russ.).

ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ И ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

А.В. Боярская

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

16 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Исследуются основной непосредственный объект и круг лиц, которым может быть причинен вред преступными деяниями, предусмотренными ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ. Делается вывод, что содержание ст. 294 УК РФ не соответствует положениям уголовно-процессуального законодательства, а круг потерпевших, перечисленных в ч. 2 ст. 294 УК РФ, должен быть расширен – тем самым подтверждается позиция, что уголовно-правовая охрана указанных лиц должна охватывать не только их деятельность на стадии предварительного расследования, но и всего досудебного производства в целом.

Ключевые слова

Правосудие, преступления против правосудия, следователь, следователь-криминалист, прокурор, производящее дознание лицо, объект преступления, объективная сторона

THE OBSTRUCTION OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE AND PRELIMINARY INVESTIGATION: PROBLEMS OF THE OBJECT AND THE OBJECTIVE SIDE

Alexandra V. Boyarskaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 16

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to the investigation of the main direct object and the circle of victims are subjected of harm by criminal acts stipulated by pts. 1, 2 of art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The purpose of the paper is to identify does the art. 294 of Criminal Code of the Russian Federation meets the other provisions of criminal procedure legislation.

The methodology of research includes methods of complex analysis, synthesis, as well as formal-logical, comparative legal and formal-legal methods.

Results and scope of application. The content of art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation does not comply with the provisions of the criminal procedure law. The discrepancy lies in terms of the range of participants in criminal proceedings and the functions performed by them, as well as the actual content and correlation of such stages of criminal proceedings as the initiation of criminal proceedings and preliminary investigation. In addition, the current state of art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation does not take into account the ever-widening differentiation of criminal proceedings.

The circle of victims listed in pt. 2 of art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented by such participants in the criminal process as a criminal investigator, the head of the investigative body, the head of the inquiry department, the head of the body of inquiry. At the same time, the author supports the position that the criminal-legal protection of the said persons should cover not only their activities at the stage of preliminary investigation, but also of the entire pre-trial proceedings as a whole.

The circle of criminal acts provided for in art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation, should also be specified with an indication of encroachment in the form of

Keywords

Justice, crimes against justice, investigator, investigator-criminalist, prosecutor, person conducting inquiry, object of crime, objective side

kidnapping, destruction or damage to such a crime as materials of criminal, civil and other cases, as well as material evidence.

Conclusions. The content of art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation does not comply with the provisions of the criminal procedure law. The author formulates the conclusion that the circle of victims listed in pt. 2 of art. 294 of the Criminal Code should be broadened and joins the position that the criminal-legal protection of these persons should cover not only their activities at the stage of preliminary investigation, but also of the entire pre-trial proceedings as a whole.

1. Постановка проблемы

Объектом изучения в данной работе выступает ст. 294 УК РФ¹ и содержащиеся в ней составы преступлений. Всего их три. В ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ содержатся основные составы, в ч. 3 – квалифицированный по отношению к ним. Предмет изучения настоящей статьи можно обозначить как признаки составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ, относящиеся к таким элементам состава, как объект и объективная сторона.

Начиная свое рассуждение, сразу уточним, на решении каких вопросов мы сосредоточим свое внимание:

– Какие общественные отношения являются основным непосредственным объектом данных преступлений?

– Кто является потерпевшим от обозначенных преступлений?

– Каковы формы совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ?

2. Основной непосредственный объект воспрепятствования осуществлению правосудия или производству предварительного расследования

Обратимся к первому из приведенных выше вопросов. Итак, между составами преступлений, предусмотренными ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ, есть сходство и отличия.

Общей их чертой является базовый термин, на котором строится объективная сторона данных составов. Этот термин – «вмешательство», он отражает механизм совершения этих преступлений.

Отличия состоят в основном непосредственном объекте, потерпевшем и цели, преследуемой виновным.

Видовым объектом рассматриваемых преступлений является правосудие.

Подобная формулировка видового объекта нередко подвергается критике. Например, С.В. Дементьев и И.В. Дворянсков указывают, что в уголовном законе обеспечивается нормальное функционирование не только правосудия, но, фактически, гораздо более широкого комплекса смежных элементов [1, с. 19].

Однако, отчасти соглашаясь с позицией указанных авторов, отметим, что более правильной представляется точка зрения Л.В. Лобановой, согласно которой подобное наименование гл. 31 УК РФ и видового объекта соответствующей группы преступлений хотя и не свободно от недостатков, но, в то же время, является достаточно точным, а правосудие следует «...рассматривать как систему общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-правоприменительной, процессуально-упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц» [2, с. 27].

Для того чтобы определить, кто является потерпевшим от преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ, рассмотрим основной непосредственный объект данных преступлений.

Основным непосредственным объектом преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, А.С. Горелик и Л.В. Лобанова называют «общественные отношения, обеспечивающие независимость судебной власти, защищенность правосудия от неправомерного вмешательства кого-либо» [3, с. 75–76]. А.И. Чучаев уточняет, что объектом преступления по ч. 1 ст. 294 УК РФ выступает нормальная деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, арбитражных дел и дел об административных правонарушениях. В качестве факультативного объекта могут выступать интересы личности (например, потерпевшего) [4].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

В.В. Намнясев указывает, что объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, можно определить как «общественные отношения, обеспечивающие основанную на законодательстве и процессуально регламентированную деятельность судебной системы, направленную на разрешение уголовных, гражданских, административных дел либо дел о соответствии нормативных актов Конституции России, либо дел по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод» [5, с. 8].

А.И. Скакун высказывает точку зрения, что «в качестве объекта преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 294 УК РФ, выступает самостоятельность судов и независимость судей, обеспечивающая их деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законами. ...Важно подчеркнуть, что пределы независимости суда и самостоятельности прокурора или лица, расследующего уголовное дело, определены законом» [6, с. 8].

П.Е. Кондратов кратко определяет объект анализируемого состава преступления как «общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом» [7].

Как представляется, наиболее емкие определения объекта исследуемого преступления предложены А.С. Гореликом, Л.В. Лобановой и А.И. Скакуном. При этом следует отметить, что правы те авторы, которые распространяют сферу действия ч. 1 ст. 294 УК РФ на уголовное, гражданское, арбитражное, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, а также конституционное судопроизводство.

Основным непосредственным объектом преступления, содержащегося в ч. 2 ст. 294 УК РФ, являются общественные отношения, призванные обеспечить «процессуальную самостоятельность производящего расследование лица как необходимое условие осуществления всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела» [3, с. 82]. Как уточняет А.И. Чучаев, факультативным объектом могут выступать интересы личности [4].

В.В. Намнясев определяет объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ, «как совокупность общественных отношений, содержание которых составляет основанная на законе деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, способствующая осуществлению правосудия» [5, с. 8]. А.И. Скакун, в свою очередь, отмечает, что «преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 294 УК РФ, посягают на процессуальную самостоятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание» [6, с. 8]. П.Е. Кондратов выска-

зывает позицию, что непосредственным объектом преступлений, предусмотренных комментируемой статьей, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование уголовных дел и надзор за ними [7].

Как следует из изложенного, ч. 2 ст. 294 УК РФ распространяет свое действие только на уголовное судопроизводство.

Из числа приведенных выше позиций, в качестве наиболее емких, а также соответствующих положениям действующего уголовно-процессуального законодательства можно назвать позиции В.В. Намнясева и П.Е. Кондратова.

3. Круг лиц, которые могут рассматриваться в качестве потерпевших от преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ

Определившись с объектом указанных преступлений, обратимся к вопросу о том, кто выступает здесь потерпевшим.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 294 УК РФ, вмешательство осуществляется в деятельность суда. Как указывает А.В. Бриллиантов и Н.Р. Косевич, потерпевшими в рамках данного состава признаются судьи, присяжные и арбитражные заседатели. При этом уточняется, что под судьей здесь следует понимать судей Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, в том числе Верховного Суда РФ, судов субъектов Российской Федерации, районных, межрайонных, городских и других судов (в том числе и мировых судей), военных судов, арбитражных судов всех уровней. Не могут быть отнесены к числу субъектов данных преступлений третейские судьи, члены товарищеского и других негосударственных судов, спортивные судьи, члены жюри различных конкурсов и т. п. [8].

При этом, как отмечает И.В. Дворянсков, «неудачность формулировки ч. 1 ст. 294 УК РФ выражается еще и в том, что она предусматривает только вмешательство в деятельность суда. Однако, как известно, у нас существует институт мировых судей, которые согласно одноименному закону, не могут быть обозначены термином “суд”. В этой связи целесообразно использовать словосочетание “судебная деятельность”» [9, с. 40].

Отметим, что представленная позиция является спорной, поскольку в ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» указывается, что к судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые

судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации². Таким образом, некоторая неопределенность формулировок, характерная для отечественного законодательства, не делает содержание ч. 1 ст. 294 УК РФ некорректным.

Несколько больше вопросов возникает в связи с рассмотрением круга лиц, выступающих потерпевшими по ч. 2 ст. 294 УК РФ. В качестве таковых называют следователя, лицо, производящее дознание, и прокурора. Кого следует понимать под следователем, лицом, производящим дознание, а также прокурором, достаточно полно описано в уголовно-процессуальной и уголовно-правовой литературе [4; 7; 8].

Отметим при рассмотрении данной проблематики лишь следующие обстоятельства: в УПК РФ говорится не только о следователе, но и о такой процессуальной фигуре, как следователь-криминалист.

Так, в п. 41 ст. 5 УПК РФ говорится, что следователь – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом³.

Отдельно в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ дается определение следователя-криминалиста, под которым понимается должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Как представляется, в рассматриваемом ключе законодатель должен согласовать терминологию уголовного и уголовно-процессуального законов и указать в качестве потерпевшего в ч. 2 ст. 294 УК РФ также следователя-криминалиста. Тем более, что указанный субъект обладает серьезными полномочиями, которые достаточно детально раскрыты в Приказе Следственного Комитета России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации»⁴.

Как указывают А.С. Горелик и Л.В. Лобанова, цель воспрепятствовать всестороннему, полному, объективному расследованию может выражаться в стремлении побудить к принятию незаконного процессуального решения, к отказу от проведения того или иного необходимого следственного действия, к необоснованному исключению из доказательственной базы того или иного доказательства и т. п. [3, с. 83–84]. Как представляется, указанные либо аналогичные действия могут быть осуществлены также следователем-криминалистом, которого следует включить в круг лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 294 УК РФ.

Под лицом, производящим дознание, понимаются дознаватель и орган дознания. В связи с этим В.В. Намнясев верно указал, что «что ч. 2 ст. 294 УК охраняется деятельность работников дознания, связанная: во-первых, с производством уголовных дел, по которым предварительное следствие не обязательно; во-вторых, с производством уголовных дел, по которым предварительное следствие обязательно, но возбужденных и расследуемых органами дознания до передачи по подследственности в силу неотложности производства следственных действий; в-третьих, с выполнением отдельных поручений следователя по находящемуся у него в производстве уголовному делу» [5, с. 162].

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

В теории уголовного процесса отмечается, что в досудебном производстве прокурор осуществляет «надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия» (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Он выполняет руководящую роль относительно органов дознания и предварительного следствия, которая обозначается термином «надзор». Однако содержание указанной функции было сужено после реформы 2007 г. (Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ⁵). В настоящее время у

² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

⁴ Приказ СК России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

прокурора нет права возбуждать производство по уголовному делу, самостоятельно проводить расследование в полном объеме либо частично, давать следователю письменные указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий иначе как при направлении дела для производства предварительного следствия (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Причины такого положения дел заключаются в стремлении законодателя отделить расследование от надзора за ним, а также «повысить» процессуальную самостоятельность следователя [10].

Как представляется, деятельность прокурора должна подлежать уголовно-правовой охране при осуществлении всех указанных функций. Прокурор осуществляет надзор за дознанием и следствием, при выполнении данных функций он и подлежит защите уголовного закона.

При этом отметим следующее: В.В. Намнясев, «проанализировав объект рассматриваемого преступления... предлагает поставить под уголовно-правовую охрану деятельность прокурора, связанную с принятием решений по делу, поступившему с обвинительным заключением, и с его участием в судебном разбирательстве. Для этого необходимо цель состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК, изложить в следующей редакции: “в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию, разрешению дела либо рассмотрению дела в суде”» [5, с. 8–9].

Думается, деятельность прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, обвинительным актом или постановлением, уже охватывается содержанием ч. 2 ст. 294 УК РФ, поскольку можно назвать правильной позицию, согласно которой «...самым значительным полномочием, в котором сочетаются надзорные и контрольные начала, является право прокурора давать оценку итогам деятельности следователя по уголовному делу с точки зрения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств совершенного преступления, правильности его квалификации, соблюдения при производстве следствия норм уголовно-процессуального права. Оценка эта дается им на основе изучения материалов уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением или постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, а ее результаты отражаются в решениях, предусмотренных ст. 221 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ» [11, с. 50–51]. Таким образом, рассматриваемая деятельность прокурора составляет

часть его надзорных функций, а значит, уже должна подлежать уголовно-правовой охране.

В.В. Намнясевым также высказывается позиция, что ч. 2 ст. 294 УК РФ должна охраняться также деятельность начальника следственного отдела в период, когда он расследует уголовное дело либо участвует в производстве отдельных следственных действий [5, с. 9].

Однако, в связи с актуальным содержанием уголовно-процессуального законодательства, представляется более правильным предложение А.И. Скакуна, согласно которому ч. 2 ст. 294 УК РФ должна включать запрет на вмешательство в деятельность руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания по исполнению своих процессуальных полномочий или расследованию уголовных дел [6, с. 10]. Полагаем лишь, что указанный список следует дополнить начальником органа дознания, который, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий.

Как представляется, не только прокурор, но и руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания должны быть указаны в ч. 2 ст. 294 УК РФ как лица, выполняющие функцию по осуществлению ведомственного контроля за расследованием, от которых во многом зависит его всесторонность, полнота и объективность.

И.В. Дворянсков также высказывает позицию, что в ст. 294 УК РФ неоправданно заужена сфера ее действия, поскольку при криминализации анализируемого вмешательства в процессуальную деятельность законодатель обошел вниманием адвокатов и иных лиц, выполняющих функции по защите граждан и оказанию им юридической помощи [9, с. 40].

Однако, полагаем, посягательства в отношении данных лиц, в силу того, что адвокаты не наделены властными полномочиями именно по осуществлению правосудия или предварительного расследования, следовало бы закрепить в отдельной статье УК РФ. Кроме того, следует учесть, что указанные лица могут сами препятствовать деятельности по осуществлению правосудия, что отмечает, например, Р.Г. Мельниченко [12].

Обсуждению в рамках заявленной проблематики может подлежать также следующий момент: выступает ли объектом уголовно-правовой охраны по ч. 2 ст. 294 УК РФ деятельность указанных лиц не

только на стадии предварительного расследования, но и возбуждения уголовного дела?

Как указывается Б.С. Райкес, «по смыслу закона моментом начала предварительного расследования следует считать возбуждение уголовного дела (ст. 156 УПК РФ), а моментом окончания – утверждение прокурором обвинительного заключения или обвинительного акта и направление дела в суд (ст. ст. 222 и 226 УПК РФ). В связи с этим воздействие на прокурора, следователя или дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела, во время получения и фиксации первоначальной информации о готовящемся или совершенном преступлении, осуществления проверочных действий на предмет, имел ли место в действительности факт совершения общественно опасного деяния, о котором поступило сообщение, и вынесения решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении также будет являться вмешательством в осуществление предварительного расследования» [13].

Полагаем, обозначенная позиция является спорной. Более точной представляется точка зрения, что стадия возбуждения уголовного дела начинается с появления повода к его возбуждению, а завершается после проведения соответствующих действий по проверке данной информации принятием итогового решения либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в его возбуждении. Стадия предварительного расследования при этом начинается с принятия следователем или дознавателем дела к своему производству, а завершается по итогам расследования либо составлением обвинительного заключения (акта, постановления) и передачей дела в суд, либо прекращением уголовного дела [10].

Таким образом, исходя из названия и буквального содержания ч. 2 ст. 294 УК РФ, деятельность указанных в ней потерпевших должна охраняться только в рамках стадии предварительного расследования, на что, например, указывают И.И. Голубов, А.А. Гулый и В.Н. Кужиков [14, с. 11]. Хотя, действительно, следовало бы распространить действие уголовного закона еще и на стадию возбуждения уголовного дела, о чем говорилось, например, Л.В. Лобановой [2, с. 256], заменив, как указывает А.В. Кузнецов, в ч. 2 ст. 294 УК РФ термин «предварительное расследование» на «досудебное производство» [15, с. 3].

Как верно отмечается Ю.А. Цветковым, отечественный законодатель, разрушив целостность предварительного расследования, вывел его отдельные части на стадию возбуждения уголовного дела, дав им вполне самостоятельное существова-

ние. В данном случае имеются в виду следственные действия, целый ряд которых может производиться до возбуждения уголовного дела, а именно: 1) осмотр места происшествия; 2) осмотр предметов и документов; 3) осмотр трупа; 4) освидетельствование; 5) производство судебной экспертизы; 6) получение образцов для сравнительного исследования. Кроме того, разрешено производить изъятие предметов и документов в порядке, установленном УПК РФ [16, с. 18–19].

Получается, в настоящее время стадия возбуждения уголовного дела становится чем-то вроде «квазирасследования». Следует вспомнить также, что последние корректировки в ч. 1 ст. 144 УПК РФ вносились в 2013 г. в связи с включением в УПК РФ гл. 32.1, предусматривающей процедуру сокращенного дознания, специфику которого составляет возможность не производить следственные и иные процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Полагаем, за счет данных изменений перед стадией возбуждения уголовного дела поставлена несвойственная ей задача раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего. Всё изложенное позволяет говорить о возросшей значимости соответствующего этапа уголовного судопроизводства и, соответственно, о необходимости уголовно-правовой охраны его участников, наделенных властными полномочиями, от стороннего вмешательства в их деятельность.

4. Формы вмешательства в осуществление правосудия или производство предварительного расследования, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ

По мнению А.И. Чучаева, согласно прямому указанию закона, форма вмешательства значения не имеет и охватывает любое воздействие, которое может выражаться в просьбах, уговорах, требованиях, советах, обещаниях оказать услуги, непосредственно обращенных к судье или заседателю. Такое воздействие может быть оказано как прямо, так и через третьих лиц – родственников, знакомых, коллег и т. д. [4]. При этом, как верно отмечается в литературе, вмешательство в осуществление правосудия или предварительного расследования может и не предполагать воздействия на лиц и выражаться, например, в похищении материалов уголовных дел [3, с. 77; 4].

Указанный момент отмечается и В.В. Намнясевым, согласно позиции которого похищение, уничтожение или повреждение материалов дела, веще-

ственных доказательств, которые в настоящее время на практике рассматриваются как одна из форм воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, не в полной мере подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, и должны быть предусмотрены отдельной уголовно-правовой нормой [5, с. 10].

Действительно, очень часто воспрепятствование осуществлению правосудия или предварительного расследования связывается именно с указанными выше деяниями.

Например, в одном случае гражданин С. был «признан виновным в том, что 20 июля 2011 г. в помещении ФКУ <...> ГУФСИН РФ по Республике <...> в г. <...> при обстоятельствах, изложенных в приговоре, уничтожил <...> том уголовного дела, с материалами которого знакомился, тем самым совершил вмешательство в деятельность следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию уголовного дела»⁶.

В аналогичной ситуации гражданин А., «в отношении которого <...> рассматривалось уголовное дело, в порядке подготовки к прениям заявил ходатайство об ознакомлении с материалами дела совместно с защитником. При ознакомлении с материалами дела А., достоверно зная, что после прений сторон и последнего слова подсудимого постановляется приговор, с целью воспрепятствования осуществлению правосудия, решил вмешаться в деятельность суда, похитил том уголовного дела из здания <...> суда», подменив «на заранее изготовленный им муляж, вынес его из здания суда, впоследствии распорядился им по своему усмотрению»⁷.

Обвиняемый Т., «осознавая, что уголовное дело вскоре будет направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения, а затем в суд, с целью избежать уголовной ответственности решил уничтожить уголовное дело. Реализуя свой умысел, в ночь с 15 на 16 марта 2010 г., взяв с собой бутылку с бензином, он пришел к зданию, где располагался следственный отдел <...> действуя умышленно, разбив стекло в окне кабинета <...> осознавая, что кроме уголовного дела в нем находится и иное имущество, принадлежащее Новосибирскому следственному отделу Западно-Сибирского управления

на транспорте СК при прокуратуре РФ <...>, желая уничтожить уголовное дело, а также, допуская, что в результате его действий имущество, находящееся в кабинете, может быть уничтожено и повреждено, вылил внутрь бензин и поджег его»⁸.

«При ознакомлении обвиняемого С. с материалами уголовного дела в следственном кабинете следственного изолятора, С. вырвал из тома № 7 два листа, которые сжег». Свои действия С. сопровождал высказываниями о том, что из-за этого протокола он «сидит»⁹.

В рассматриваемых случаях содеянное виновными было квалифицировано по ч. 1 или 2 ст. 294 УК РФ. При этом А.И. Скакуном верно было отмечено, что свойства приведенных деяний не в полной мере соответствуют признакам составов преступлений, закрепленных в анализируемой норме [6, с. 8]. Прежде всего, действительно, исследуемая статья уголовного закона должна предусматривать воздействие именно на указанных в ней потерпевших. В приведенных же выше ситуациях воздействие осуществляется не столько на потерпевшего, сколько на предмет материального мира в виде материалов уголовного дела или вещественных доказательств. Полагаем, данный факт действительно следует учитывать, дополнив ст. 294 УК РФ новой частью, предусматривающей преступное деяние в виде похищения, уничтожения или повреждения материалов дела или вещественных доказательств.

5. Выводы

Исследование основного непосредственного объекта и круга лиц, которым может быть причинен вред преступными деяниями, предусмотренными ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ, позволяет сделать вывод, что содержание ст. 294 УК РФ не соответствует положениям уголовно-процессуального законодательства. Расхождение можно усмотреть в части круга участников уголовного судопроизводства и выполняемых ими функций, а также актуального содержания и соотношения таких стадий уголовного судопроизводства, как возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.

Круг потерпевших, перечисленных в ч. 2 ст. 294 УК РФ, должен быть дополнен такими участниками уголовного процесса, как следователь-криминалист,

⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2012 г. № 3-О12-15сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2011 г. № 93-О11-17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 50-О10-86 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 49-О10-79 // СПС «КонсультантПлюс».

начальник следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания.

При этом мы присоединяемся к позиции, что уголовно-правовая охрана указанных лиц должна охватывать не только их деятельность на стадии предварительного расследования, но и всего досудебного производства в целом.

Круг преступных деяний, предусмотренных ст. 294 УК РФ, также следует конкретизировать указанием на посягательство в виде похищения, уничтожения или повреждения такого предмета преступления, как материалы уголовных, гражданских и иных дел, а также вещественных доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев С.В. Уголовно-правовые аспекты криминализации посягательств на интересы судебной власти / С.В. Дементьев, И.В. Дворянсков // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 19–22.
2. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 268 с.
3. Горелик А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.
4. Есаков Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев; отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Велби: Проспект, 2007. – 576 с.
5. Намнясев В.В. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Намнясев. – Волгоград, 1999. – 209 с.
6. Скакун А.И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Скакун. – Омск, 2008. – 178 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2013. – 1069 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 704 с.
9. Дворянсков И.В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 56 с.
10. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
11. Каретников А.С. Сущность полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием: прошлое и настоящее / А.С. Каретников, С.А. Каретников // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 49–52.
12. Мельниченко Р.Г. Уголовная ответственность адвоката за воспрепятствование осуществлению правосудия / Р.Г. Мельниченко // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 48–50.
13. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. – М.: НОРМА, 2005. – 416 с.
14. Голубов И.И. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / И.И. Голубов, А.А. Гудиль, В.Н. Кузиков. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 128 с.
15. Кузнецов А.В. Преступления против правосудия: курс лекций / А.В. Кузнецов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 40 с.
16. Цветков Ю.А. «Улыбка без кота», или Что останется от предварительного следствия? / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 2. – С. 18–23.

REFERENCES

1. Dement'ev S.V., Dvoryanskov I.V. Criminal-law aspects of criminalization of invasion of interests of judicial power. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 12, pp. 19–22. (In Russ.).
2. Lobanova L.V. *Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation*. Volgograd, Volgograd State University Publ., 1999. 268 p. (In Russ.).
3. Gorelik A.V., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).

4. Rarog A.I. (ed.). *Handbook of the judge in criminal cases*. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2007. 576 p. (In Russ.).
5. Namnyasev V.V. *Obstruction of the administration of justice and the production of preliminary investigation in the Russian criminal law*, Cand. Diss. Volgograd, 1999. 209 p. (In Russ.).
6. Skakun A.I. *Criminal liability for obstructing the administration of justice and the production of preliminary investigation*, Cand. Diss. Omsk, 2008. 178 p. (In Russ.).
7. Lebedev V.M. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Yurait Publ., 2013. 1069 p. (In Russ.).
8. Brilliantov A.V. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2015. Vol. 2. 704 p. (In Russ.).
9. Dvoryanskov I.V. *Conceptual foundations of the criminal law protection of the interests of the judiciary*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2013. 56 p. (In Russ.).
10. Golovko L.V. (ed.). *The course of the criminal process*. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p. (In Russ.).
11. Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. The essence of the powers of the prosecutor supervising the preliminary investigation: past and present. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2015, no. 5, pp. 49–52. (In Russ.).
12. Melnichenko R.G. Criminal liability of a lawyer imposed for obstruction of justice. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 2, pp. 48–50. (In Russ.).
13. Galakhova A.V. (ed.). *Crimes against justice*. Moscow, NORMA Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).
14. Golubov I.I., Gulyi A.A., Kuzhikov V.N. *Criminal responsibility for crimes against justice*. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2011. 128 p. (In Russ.).
15. Kuznetsov A.V. *Crimes against justice*. Omsk, Omsk State University Publ., 2012. 40 p. (In Russ.).
16. Tsvetkov Yu.A. A Grin Without a Cat, or What will remain of the Preliminary Investigation? *Ugolovnoe sudoproduzvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2016, no. 2, pp. 18–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боярская Александра Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ba.omsu@gmail.com
SPIN-код: 6139-3134; AuthorID: 790893

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexandra V. Boyarskaya – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ba.omsu@gmail.com
SPIN-code: 6139-3134; AuthorID: 790893

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боярская А.В. Воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы объекта и объективной стороны / А.В. Боярская // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 97–105. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).97-105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Boyarskaya A.V. The obstruction of the administration of justice and preliminary investigation: problems of the object and the objective side. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 97–105. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).97-105. (In Russ.).

УДК 343.2

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).106-113

О ПОНЯТИИ И ПРИНЦИПАХ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

М.В. Седельцев

Омская областная коллегия адвокатов, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Проанализированы признаки программ предупреждения преступности и принципы их разработки. Особое внимание уделено принципу законности. Изучаются правовые аспекты аналитической работы при разработке программ предупреждения преступности.

Ключевые слова

Предупреждение преступности, преступность, программы, принципы, разработка, законность, аналитика

CONCEPT AND PRINCIPLES OF CRIME PREVENTION PROGRAMS DEVELOPMENT

Mikhail V. Sedeltsev

Omsk Regional Bar Chamber, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 12

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The author analyzes the features of crime prevention programs and the procedure of their development.

The purpose of the paper is to identify the principles of crime prevention programs development.

The methodological basis of the research includes general-scientific methods (analysis and synthesis, system-structural approach) as well as academic methods (formal-legal method, method of interpretation of legal acts).

Results and scope of application. The analysis is usually carried out in the following areas during the development of crime prevention programs:

1) Complex analysis. The purpose of this area of analytical work is to identify changes in the state of the operational environment and to establish the factors that determined them. In the process of such analysis, the geographical, political, socio-economic and demographic characteristics of the territory served are to be studied.

The conclusions obtained in the analysis of the indicated conditions contain an assessment of the criminal situation; the definition of the most urgent problems and directions of preventive activities.

Thus, the results of the complex analysis form the basis of analytical work.

2) Current analysis. Through this area of analytical work, the study of natural manifestations of crime is provided. The current analysis differs from the complex one mainly by the volume of initial information and the depth of the study.

3) Private analysis. This is done when the information obtained by the integrated or ongoing analysis is not sufficient to explain the trend or the deviation from the established trends. The results of private analysis (depending on their scope and feasibility) are usually used to decide on individual activities.

Conclusions. The development of crime prevention programs is a scientifically based set of actions for the preparation of appropriate targeted programs that define a system of crime prevention measures. The principles for the development of crime prevention programs are

fundamental ideas that should guide practitioners in this type of activity. The main principles of the development of crime prevention programs are: the optimality, timeliness, consistency, systematization and prognostic nature, legality.

1. Теоретические подходы к определению разработки программ предупреждения преступности

Проблемы разработки программ предупреждения преступности являются актуальными для современной юридической науки. Такое положение вещей во многом определяется потребностями практической деятельности правоохранительных органов, возникающими под воздействием постоянно изменяющейся структуры и динамики преступности.

Анализ литературных источников позволяет сделать вывод, что, согласно воззрениям отдельных исследователей, существующие наработки по данному вопросу носят, главным образом, эмпирический характер. Целостная же теория разработки программ предупреждения преступности находится на стадии раннего становления. Разделяя данную точку зрения, мы рассматриваем ее аргументом в пользу разнообразия авторских взглядов в исследуемой сфере.

Так, по мнению одних ученых, разработка программ предупреждения преступности – это деятельность, призванная упорядочить сложный и многогранный процесс предупредительного воздействия, сделать его целеустремленным, определить наиболее рациональные пути работы, выбрать такие тактические методы и приемы, которые обеспечили бы эффективное достижение целей предупреждения преступного поведения в сложившейся конкретной ситуации [1, с. 318].

Другие авторы полагают, что разработка программ предупреждения преступности есть способ наиболее правильной расстановки акцентов профилактики, обеспечение дифференцированного подхода к организации предупредительных мероприятий применительно к зонам с различной степенью распространенности противоправных деяний, к разным социальным группам населения [2, с. 74].

Принимая во внимание существующую тенденцию к научно обоснованному пониманию разработки программ предупреждения преступности, при формировании собственной позиции мы опираемся на мнение авторов, считающих, что благодаря привлечению научных исследований профилактическая деятельность переходит на принципиально новый уровень, становится активной аналитической и прогностической [3, с. 26].

Таким образом, по нашему мнению, исследуемое направление деятельности представляет собой научно обоснованный комплекс действий по подготовке соответствующих целевых программ, определяющих систему мер предупреждения преступлений.

2. Принципы разработки программ предупреждения преступности

Изучение научных трудов по уголовному праву и криминологии позволяет заключить, что исследователями большое внимание уделяется принципам – основополагающим идеям, которыми должны руководствоваться работники, содержание деятельности которых – разработка программ предупреждения преступности.

Продолжая рассуждения в указанной части, отметим, что спектр взглядов на систему таких принципов весьма разнообразен. Думается, что изложенное во многом обусловлено зависимостью принадлежности конкретного положения к числу принципов разработки программ предупреждения преступности от авторских предпочтений.

В связи с этим, допуская возможную условность, акцентируем внимание на тех принципах разработки программ, планомерная реализация которых позволит обеспечить эффективность деятельности, направленной на предупреждение преступности.

Итак, *оптимальность* – соответствие планируемых для выполнения мероприятий возможности обеспечения эффективности деятельности, направленной на предупреждение преступности.

Вместе с тем, называя оптимальность принципом разработки программ предупреждения преступности, следует учитывать, что она является условной категорией и зависит от различного рода факторов. К числу таковых, например, можно отнести характер решаемой задачи и профессиональный уровень субъектов деятельности, направленной на предупреждение преступлений.

Своевременность разработки программ предупреждения преступности состоит в том, чтобы, исходя из характера решаемых задач и выполняемых функций, наиболее результативно обеспечить процесс комплексной реализации запланированных мероприятий. (В контексте изложенного, результативность понимается автором как уместность и востребованность выполнения тех или иных действий.)

Относя своевременность к числу принципов разработки программ предупреждения преступности, мы опираемся на то, что как задержка выполнения, так и преждевременная реализация программных положений приводит к снижению значимости осуществляемых мер.

Логичность разработки программ предупреждения преступности предполагает последовательность изложения планируемых мероприятий, пропорциональность места, отведенного в программе конкретному вопросу, его значимости, ясность цели, на достижение которой направлены предупредительные действия.

Раскрывая данный принцип, отметим, что обобщение материалов практики привело нас к выводу, что к наиболее распространенным недостаткам разработки программ предупреждения преступности можно отнести: формальный характер составляемых программ, неконкретность планируемых действий, расплывчатость используемых формулировок.

Таким образом, в целях повышения качества деятельности, направленной на предупреждение правонарушений, представляется целесообразным рекомендовать практическим работникам такой подход к вопросам разработки исследуемых программ, при котором последние должны представлять собой доступные восприятию руководящие разъяснения последовательности и объема конкретных мероприятий, подлежащих выполнению.

Наконец, такие принципы, как *законность*, а также *системность и прогностический характер*, занимают важнейшее место в процессе разработки программ предупреждения преступности. Учитывая безусловную значимость обозначенных фундаментальных положений, остановимся на их рассмотрении более подробно.

3. Законность при разработке программ предупреждения преступности

Приступая к изложению материала относительно принципа законности, отметим, что изучение проблем соблюдения таковой в деятельности по разработке программ предупреждения преступности сегодня представляет собой научную значимость, обусловленную настоятельной необходимостью приведения в соответствие с конституционными принципами правоприменительной практики.

Обобщение результатов деятельности правоохранительных органов указывает на то, что в последние годы нарушения законности приобрели значительные масштабы.

В контексте изложенного следует акцентировать внимание на том, что подобное положение вещей сопровождается незамедлительной реакцией юридической науки на возникающие практические потребности.

Исследованием различных аспектов проблемы соблюдения законности в разное время занимались многие ученые.

Считаем значимым сказать и о том, что современное нормативно-правовое регулирование деятельности по разработке программ предупреждения преступности предоставляет возможность для дальнейших научных изысканий, связанных с проблемами соблюдения законности.

Аргументом изложенному выше может служить то обстоятельство, что общеправовой принцип законности не имеет нормативного определения своего понятия. Более того, позиция некоторых исследователей сводится к тому, что подобный подход законодателя дает правоприменителю широкое поле для усмотрения при оценке законности тех или иных действий.

Приведенные выше доводы, как представляется, актуализируют необходимость рассмотрения в рамках данной статьи отдельных авторских взглядов на вопрос о содержании принципа законности.

Итак, науке известны разные подходы к пониманию содержания принципа законности.

В частности, одна группа ученых считает, что содержание законности выражается в наличии законов и подзаконных актов, регулирующих общественные отношения, а также – в соблюдении этих актов всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами [4, с. 7].

Думается, что изложенная позиция, с учетом безусловной легкости ее восприятия, всё же не раскрывает полностью содержания рассматриваемого явления. Обосновывая это, приводим суждение А.И. Ильина, который считал, что существование законов еще не является свидетельством наличия законности в государстве [5, с. 159–161].

Кроме того, практическая деятельность правоприменительных органов позволяет говорить о том, что между наличием правовых норм и уровнем законности нет прямой зависимости. Такое положение имеет место прежде всего вследствие несоблюдения или недолжного исполнения законодательства гражданами, должностными лицами и т. д. С другой стороны, как справедливо отмечает И.С. Самощенко, неверно думать, что если конкретное действие соот-

ветствует закону, то в обществе и государстве уже присутствует законность, поскольку в данном случае речь можно вести лишь о законности отдельно взятого действия [6, с. 10].

В этом отношении приобретает значение позиция В.И. Ремнева, который считает, что законность определяется как уровнем развития законодательства, так и организацией его фактического применения. По мнению ученого, «...нормативное регулирование и практика его исполнения – это равновесные части модели законности, соединенные внутренней систематической связью» [7, с. 31–32].

По мнению другой группы исследователей, содержание законности должно быть представлено следующими элементами: всеобщность права; верховенство конституции и закона; равенство всех перед законом; наличие механизма реализации права и его качественное применение [8, с. 225].

Согласно указанной точке зрения законность рассматривается через понятие права, что не позволяет до конца раскрыть его содержание. Так, результаты изучения трудов теории права позволяют выявить несколько критериев разграничения понятий «право» и «закон».

Прежде всего они различаются природой происхождения: закон принимается представительными органами государства, право же, по мнению ряда авторов, носит естественный характер и является общественными отношениями, до их урегулирования законом [9].

Следующим разграничительным критерием права и закона служит их объем. К числу законов, как упоминалось ранее, относятся акты представительной власти, тогда как содержательную сторону права составляют и иные нормативные правовые акты (указы, постановления, распоряжения, инструкции и др.), а также правоотношения и правосознание [10, с. 4].

Третьим же основанием, отличающим право от закона, является их содержание. К содержанию закона относят нормативные предписания, принятые законодательной властью, а к содержанию права – нормативно закрепленную и реализованную справедливость [11, с. 32–33].

Существует также суждение, согласно которому законность представляет собой принцип, проявляющийся в том, что «ко всем органам государства, учреждениям, предприятиям, общественным организациям, должностным лицам и гражданам предъявлено требование строжайшего выполнения законов; провозглашенные права и свободы граждан, их организаций, их законные интересы гарантируются, и

обеспечивается выполнение возложенных на них обязанностей, реализация ответственности; точное и неуклонное выполнение нормативных актов и актов реализации права обеспечивается государственными и общественными мерами» [12, с. 132].

Формируя авторский взгляд по вопросу о содержании законности как принципа разработки программ предупреждения преступности, отметим, что наиболее предпочтительной представляется точка зрения авторов, предлагающих рассматривать содержание законности в двух аспектах: социальном и правовом.

Таким образом, социальный аспект выражается в создании экономических и политических условий, а также нравственно-идеологической атмосферы жизни общества, при которых соблюдение законов государства, неприкосновенность прав граждан и добросовестное исполнение обязанностей являются принципом деятельности всех государственных органов и негосударственных организаций, поведения должностных лиц и граждан.

Что же касается правового аспекта, то его составляют: неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также выполнение соответствующих нормативных обязанностей как гражданами, так и государством [13, с. 154].

Учитывая изложенное, считаем, что позиция авторов, определяющих социально-правовой характер законности, наиболее подробно раскрывает ее содержание.

Само же многообразие мнений относительно содержания принципа законности обусловлено отсутствием сформировавшейся концепции рассматриваемого явления, становление которой может быть представлено как одно из перспективных направлений исследования науки уголовного права.

4. Роль аналитической работы в разработке программ предупреждения преступности

Переходя к исследованию такого принципа, как системность и прогностический характер, укажем, что таковой позволяет постоянно контролировать процессы, происходящие на территории обслуживания, во всем их многообразии и сложности, а также выполнять упреждающие действия.

Разработка программ, осуществляемая на основе указанного принципа, предполагает необходимость обобщения разноплановых сведений, позволяющих определять тенденции развития криминальных процессов. Ведущую роль в этом, как представляется, призвана сыграть аналитическая работа.

В контексте изложенного отметим, что вопросам повышения эффективности аналитической деятельности в настоящее время уделяется большое внимание. В последние годы многими теоретиками и практиками неоднократно подчеркивалась необходимость ее коренной перестройки.

Подобное положение вещей послужило причиной возникновения интереса представителей юридической науки к исследуемой проблеме. Изучению различных аспектов данной области научного знания посвящены труды таких исследователей, как А.Я. Минин, В.П. Кувалдин, А.М. Скуртул, А.П. Ипкаян [14], Е.Н. Яковец и др.

Однако, по мнению некоторых ученых, несмотря на то, что эти изыскания уже приобретают системный характер, частной теории аналитической работы пока еще не создано. Весомым аргументом этому может быть то, что формирование новых теорий в конкретных науках – это творческий процесс. В своем развитии он претерпевает приращение нового знания, своеобразный скачок от известного к неизвестному. Причем в этом процессе скачкообразного перехода мысль может претерпеть радикальные изменения и в своих следствиях прийти к противоречию с основаниями [15, с. 181].

4.1. Требования к аналитической работе

Аналитическая работа, как любая целенаправленная деятельность, должна соответствовать требованиям, определяемым спецификой процедуры ее осуществления.

Анализ литературных источников обращает внимание на разнообразие подходов к вопросу о системе таких требований.

В частности, А.П. Коренев к таковым предлагает отнести достоверность и необходимую полноту используемой при анализе информации; ее изучение за достаточно продолжительный период времени, позволяющий сделать обоснованные выводы; сопоставимость и комплексное применение различных методов анализа [16, с. 139].

Другие исследователи считают, что аналитическая работа должна отвечать требованиям наступательности, конституционной законности и разделения компетенции между участвующими в ее осуществлении субъектами.

Принимая во внимание указанные точки зрения, полагаем, что основными требованиями, предъявляемыми к аналитической работе, должны быть:

- *Непрерывность* – систематическое обновление и обогащение имеющихся данных путем контроля за интересующими объектами, явлениями и

процессами, оценки надежности источников и обеспечения необходимой достоверности, полноты и точности информации.

- *Согласованность*, выражающаяся в наличии взаимосвязи между объектами аналитической работы и исходной информацией о них. Объективность результатов анализа напрямую зависит от характера такой взаимосвязи. Иными словами, чем подробнее исходная информация, характеризующая объект внимания, тем более достоверными окажутся окончательные выводы и предложения, обличенные в форму программных положений.

- *Продуктивность*, предполагающая получение в процессе аналитической работы определенного результата, связанного с эффективностью решения задач и оцениваемого с помощью критериев, предусмотренных соответствующими нормативными правовыми актами.

- *Вариативность*, представляющая собой факультативное требование, поскольку необходимость его выполнения возникает, как правило, при прогнозировании возможного развития событий. Суть его состоит в подготовке нескольких вариантов окончательных выводов на основе исходной информации.

Думается, что такая система требований способна обеспечить эффективное осуществление аналитической работы при разработке программ предупреждения преступности. В то же время представляется, что игнорирование хотя бы одного из ее элементов может привести к подготовке и последующей реализации необоснованных программных положений, негативно влияющих на данную деятельность.

4.2. Направления аналитической работы

Характерной особенностью аналитической работы, выполняемой при разработке программ предупреждения преступности, является возможность ее осуществления по различным направлениям, каждое из которых характеризуется своей целью, соответствующими видами и объемами информации, подлежащей сбору, изучению и оценке.

В процессе подготовки данной статьи автором были изучены различные программы предупреждения преступности, действующие на территории, обслуживаемой УМВД России по Омской и Кемеровской областям, Красноярскому краю. Кроме того, было проведено интервьюирование практических работников, принимавших участие в разработке указанных программ. Изучение эмпирических материалов позволяет говорить о том, что при разработке программ предупреждения преступности, анализ,

как правило, осуществляется по следующим направлениям:

- *Комплексный анализ.* Целью данного направления аналитической работы является выявление изменений в состоянии оперативной обстановки и установление факторов, их детерминировавших. В процессе такого анализа изучению подлежат географические, политические, социально-экономические и демографические характеристики обслуживаемой территории.

Выводы, полученные при анализе обозначенных условий, содержат оценку криминогенной ситуации, определение наиболее актуальных проблем и направлений предупредительной деятельности.

Таким образом, итоги комплексного анализа составляют базу аналитической работы.

- *Текущий анализ.* Посредством этого направления аналитической работы обеспечивается изучение стихийных проявлений преступности. От комплексного текущего анализ отличается, главным образом, объемами исходной информации и глубиной исследования.

- *Частный анализ.* Осуществляется в тех случаях, когда добытой комплексным или текущим анализом информации недостаточно для объяснения выявившейся тенденции или отклонения от устоявшихся тенденций. Результаты частного анализа (в зависимости от их масштабов и возможности реализации) используются, как правило, для принятия решений о проведении отдельных мероприятий.

Таким образом, можно сказать о том, что аналитическая работа в исследуемой сфере представляет собой осуществляемую с соблюдением соответствующих требований познавательную деятельность по установлению связей между интересующими объектами, выявлению закономерностей развития событий и составлению прогнозов, необходимых для решения задач разработки программ предупреждения преступности.

5. Выводы

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Разработка программ предупреждения преступности представляет собой научно обоснованный комплекс действий по подготовке соответствующих целевых программ, определяющих систему мер предупреждения преступлений.

2. Принципы разработки программ предупреждения преступности – это основополагающие идеи, которыми должны руководствоваться практические работники, осуществляющие деятельность данного вида.

3. К числу принципов, планомерная реализация которых позволит обеспечить эффективность деятельности, направленной на разработку программ предупреждения преступности, следует отнести оптимальность, своевременность, логичность, систематизированность и прогностический характер, законность.

4. Законность как принцип разработки программ предупреждения преступности следует рассматривать в двух аспектах: социальном и правовом. При этом социальный аспект выражается в создании экономических и политических условий, а также нравственно-идеологической атмосферы жизни общества, при которых соблюдение законов государства, неприкосновенность прав граждан и добросовестное исполнение обязанностей являются принципом деятельности всех государственных органов и негосударственных организаций, поведения должностных лиц и граждан.

Что касается правового аспекта, то его составляют неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также выполнение соответствующих нормативных обязанностей как гражданами, так и государством.

5. Аналитическая работа при разработке программ предупреждения преступности представляет собой осуществляемую с соблюдением соответствующих требований (непрерывности, согласованности, продуктивности, вариативности) познавательную деятельность по установлению связей между интересующими объектами, выявлению закономерностей развития событий и составлению прогнозов, необходимых для решения профилактических задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2001. – 784 с.
2. Криминология: учеб. / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1997. – 512 с.
3. Усманов Р.А. Понятие, содержание, назначение теории криминалистической информации / Р.А. Усманов // Российский юридический журнал. – 2006. – № 2. – С. 25–33.

4. Шамаров В.М. Служебная дисциплина и законность в органах внутренних дел: основные направления воспитательной работы по их укреплению: лекция / В.М. Шамаров, Х.Х. Лойт, А.В. Никифоров. – М.: Акад. МВД России, 1997. – 52 с.
5. Ильин А.И. О большевизме и коммунизме / А.И. Ильин // Ильин А.И. Собрание сочинений: в 10 т. / А.И. Ильин. – М.: Русская книга, 1993–1999. – Т. 7. – 1998. – С. 7–222.
6. Самощенко И.С. Охрана режима законности государством / И.С. Самощенко. – М.: Госюриздат, 1960. – 200 с.
7. Ремнев В.И. Законность в государственном управлении / В.И. Ремнев. – М.: Наука, 1979. – 301 с.
8. Алексеев С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – 355 с.
9. Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений / Е.А. Лукашева // Советское государство и право. – 1975. – № 4. – С. 29–36.
10. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
11. Лившиц Р.З. Современная теория права / Р.З. Лившиц. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. – 94 с.
12. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма / В.В. Борисов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – 408 с.
13. Явич Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 205 с.
14. Ипакян А.П. Организация и методика слежения за оперативной обстановкой на территории города и района, ее изучение и оценка / А.П. Ипакян. – М.: Академия МВД СССР, 1986. – 56 с.
15. Философия и наука / С.А. Лебедев и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 231 с.
16. Основы управления в органах внутренних дел / под ред. А.П. Коренева. – М.: Щит-М, 1996. – 343 с.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). *Criminology*. Moscow, Norma Publ., 2001. 784 p. (In Russ.).
2. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.). *Criminology*. Moscow, Yurist Publ., 1997. 512 p. (In Russ.).
3. Usmanov R.A. Concept, content, purpose of the theory of forensic information. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2006, no. 2, pp. 25–33. (In Russ.).
4. Shamarov V.M., Loit Kh.Kh., Nikiforov A.V. *Service discipline and legality in bodies of internal Affairs: the main directions of educational work to strengthen them*. Moscow, Academy of MIA of Russia Publ., 1997. 52 p. (In Russ.).
5. Il'in I.A. About bolshevism and communism, in: *Collected works*, Vol. 7. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998, pp. 7–222. (In Russ.).
6. Samoshchenko I.S. *Protection of the rule of law by the state*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 200 p. (In Russ.).
7. Remnev V.I. *Legitimacy in public administration*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 301 p. (In Russ.).
8. Alekseev S.S. *General theory of law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. Vol. 1. 355 p. (In Russ.).
9. Lukashova E.A. General theory of law and multi-aspect analysis of legal phenomena. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 4, pp. 29–36. (In Russ.).
10. Kudryavtsev V.N. About the understanding of law and the rule of law. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).
11. Livshits R.Z. *Modern theory of law*. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. 94 p. (In Russ.).
12. Borisov V.V. *Legal order of developed socialism*. Saratov, Saratov University Publ., 1977. 408 p. (In Russ.).
13. Yavich L.S. *The essence of law*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1985. 205 p. (In Russ.).
14. Ipakyan A.P. *Organization and method of monitoring the operational situation on the territory of the city and the district, its study and assessment*. Moscow, Academy of MIA of the USSR Publ., 1986. 56 p. (In Russ.).
15. Lebedev S.A., Kuptsov V.I., Borzenkov V.G., Panin A.V. et al. *Philosophy and science*. Moscow, Moscow University Publ., 1973. 231 p. (In Russ.).
16. Korenev A.P. (ed.). *Basics of management in the bodies of internal Affairs*. Moscow, Shchit-M Publ., 1996. 343 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седельцев Михаил Владимирович – кандидат юридических наук, адвокат
Омская областная коллегия адвокатов
644001, Россия, г. Омск, ул. Лермонтова, 127/1
e-mail: siberianbear2008@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Седельцев М.В. О понятии и принципах разработки программ предупреждения преступности / М.В. Седельцев // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 106–113. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).106-113.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail V. Sedeltsev – PhD in Law, advocate
Omsk Regional Bar Chamber
127/1, Lermontova ul., Omsk, 644001, Russia
e-mail: siberianbear2008@yandex.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sedeltsev M.V. Concept and principles of crime prevention programs development. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 106–113. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).106-113. (In Russ.).

УДК 342.2

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).114-115

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ. ДРУГА. ЛЮБИМОГО

Е.Л. Невзгодина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Памяти выдающегося советского и российского ученого, Заслуженного юриста РФ Михаила Семеновича Гринберга.

Ключевые слова

Гринберг, Ленинградский
государственный университет,
Омский государственный
университет, уголовное право

IN MEMORY OF THE TEACHER. FRIEND. BELOVED

Elena L. Nevzgodina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 12

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

In memory of the outstanding Soviet and Russian scientist, Honoured Lawyer of the Russian Federation Mikhail S. Greenberg.

Keywords

Greenberg, Leningrad State
University, Omsk State University,
criminal law

В далеком 1968 г., когда я «достигла» второго курса юридического факультета Свердловского юридического института, нам стал читать уголовное право только что принятый на факультет тогда еще доцент Михаил Семенович Гринберг. Это были без преувеличения блестящие лекции. Импозантный, высокоинтеллигентный, с огромной эрудицией, тонким остроумием, он как ученый уже к тому времени был известен не только в СССР, но и за рубежом. Его монографию «Профессиональный риск», изданную в Москве главным юридическим издательством страны, без его ведома перевели и выпустили боль-

шим тиражом в ГДР, а затем статьи в его редакции ввели в Уголовный кодекс (сначала ГДР и Польши, а потом и у нас). На его лекции стали собираться и студенты старших курсов, иногда в аудитории не хватало мест.

Однажды во время вечерней лекции погас свет, Михаил Семенович попросил у нас разрешения продолжать лекцию и, уже не скованный необходимостью диктовать под запись, говорил, а мы слушали его, затаив дыхание. Впервые я услышала, что причины преступности в СССР объясняются не только «родимыми пятнами капитализма». Для того

чтобы говорить об этом тогда, нужно было немало мужества. Электрический звонок не прозвонил, и лекция в крошечной тьме продолжалась часов до одиннадцати вечера, а потом мы, не сговариваясь, дружно аплодировали ему стоя.

Неудивительно, что он стал кумиром всей женской половины студенчества. Я не стала исключением. Потом, когда, закончив учебу, стала работать на факультете, мы сначала случайно, а потом и «умышленно» стали встречаться в роскошных по тому времени залах ГПНТБ, где Михаил Семенович работал над докторской, а я – над кандидатской диссертацией. Слушать его можно было бесконечно. Закончивший Ленинградский университет, он лично был знаком с корифеями юридической науки – Иоффе, Магазином, Шаргородским, Венедиктовым и др. А вот о двух войнах, которые он прошел рядовым солдатом пехоты и с двумя тяжелыми ранениями, говорил очень неохотно. И еще. Рядом с ним, слегка старомодным потомственным петербуржцем, любая женщина вдруг начинала осознавать, что она не только «простая советская труженица», которая и «коня на скаку», и сама вместо коня

вывезет любую телегу, но, оказывается, она еще и – Леди. Это было непривычно, и из всех сил хотелось «соответствовать». М.С. Гринберг оказал огромное влияние на формирование меня как личности. В частности, от него я усвоила важный жизненный принцип: если к тебе обращаются с просьбой, если от тебя зависит решение чьей-то проблемы, то прежде чем сказать «нет», хорошо подумай – нельзя ли сказать «да».

В 1976 г. на работу в Омск мы уехали одновременно и вскоре соединили свои судьбы. Михаил Семенович, к тому времени уже доктор юридических наук, возглавил в Омске созданную им же кафедру уголовного права, руководил ею лет двадцать, затем работал профессором этой кафедры, он – Заслуженный юрист России, Заслуженный профессор Омского университета, лауреат премии России «За выдающийся вклад в науку» и др. В трудовой книжке за омский период жизни – две записи: принят – в 1976 г., уволен в связи со смертью – в 2018 г. Никогда не будучи членом КПСС, это был человек высочайшей чести и совести. С людьми этого поколения уходит что-то очень большое, невосстановимое – эпоха, что ли.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Невзгодина Елена Львовна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ; Заслуженный профессор, заведующая кафедрой гражданского права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: kaf_GP_302@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Невзгодина Е.Л. Памяти Учителя. Друга. Любимого / Е.Л. Невзгодина // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 114–115. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).114-115.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena L. Nevzgodina – PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured worker of higher school of the Russian Federation; Honoured Professor, Head, Department of Civil Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: kaf_GP_302@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nevzgodina E.L. In memory of the Teacher. Friend. Beloved. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 114–115. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).114-115. (In Russ.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала:

1. Теория и история правоприменения.
2. Применение норм права органами государственной власти.
3. Применение норм права органами местного самоуправления.
4. Применение норм права органами предварительного следствия и дознания.
5. Применение норм права судебными органами.
6. Применение норм права органами административной юрисдикции.
7. Применение норм права органами уголовно-исполнительной системы.
8. Сообщения, рецензии, научная жизнь.

Окончательный состав разделов определяется для каждого номера редакционной коллегией в зависимости от тематики поступивших и публикуемых материалов.

Принимаются статьи, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

- заявку на публикацию, подписанную и отсканированную в формате .pdf (.jpg).
- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением .doc, .docx или .rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например «Иванов_28-02-2015».

Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, разделы статьи – поименованы.

• **ОБЯЗАТЕЛЬНО – реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков),** подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи должен составлять **не менее 25 тыс. знаков** (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 12;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, то эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал 1;
- не используются макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу – 2 см, слева – 2,5, справа – 1,5 см;
- графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel; иллюстрации в формате .jpeg;
- нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, на следующей строке прописными буквами – название статьи.

Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не более 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, название статьи, сведения об авторе, реферат и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи.

В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienceIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4. Требования к оформлению ссылок

Согласно рекомендациям ВАК в конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Библиографические записи в нем оформляются в соответствии с ГОСТом, **список составляется в порядке упоминания в тексте. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название публикации (статьи, книги) дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «он же», «цит. по» и т. п.

В оригинальной научной статье **необходимо упоминание не менее 20 источников, имеющих автора**, в научном обзоре – не менее 50–80 (в том числе не менее 5–8 иностранных источников на иностранном языке). Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке.

В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания с указанием страниц – [1, с. 34], (см., например: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: **заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются.**

Ссылки на архивные документы, рукописи, статистические справочники, публикации из Интернета, газеты, опубликованные законодательные акты (например, законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), музейные экспонаты, разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок. При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

5. Условия публикации

Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Не соответствующая тематике рукопись отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с Правилами рецензирования.

Статьи регистрируются редакцией. Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией доработанного текста.

Журнал выходит 4 раза в год объемом до 250 страниц.

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью.

Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редакционной коллегии по очередному номеру. Корректур не высылаются. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Права в отношении публикации

Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

– Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>).

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU
(<http://elibrary.ru/>).

– AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью
(<http://www.academickeys.com/>)

– Open Archives – международная база данных
(<http://www.openarchives.org/>)

– ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)

– Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)

– КиберЛенинка – научная электронная библиотека
(<https://cyberleninka.ru/>)

– Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)